

ДЭНИС АЛЛЕН

ПОМНИ
МЕНЯ

Дэнис Аллен
Помни меня
Серия «Дуэт», книга 1

OCR Angelbooks

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151608

АСТ, Транзиткнига; Москва; 2004

ISBN 5-17-023532-1, 5-9578-0812-1

Оригинал: AllenDanice, "Remember Me"

Перевод:

О. Г. Качковский

Аннотация

Бандит? Бродяга? А кто, собственно, еще может неожиданно оказаться на дороге под колесами экипажа? Однако прелестная и решительная Аманда Дарлингтон твердо намерена помочь черноволосому незнакомцу... незнакомцу, не помнящему ничего о своей прошлой жизни.

Но спасти пострадавшего – это одно... И совсем другое – все сильнее ощущать на себе власть его мужественного, почти магического обаяния – и сгорать от страсти к этому человеку...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	49
Глава 4	71
Глава 5	89
Глава 6	109
Глава 7	130
Глава 8	150
Глава 9	170
Глава 10	189
Глава 11	208
Глава 12	225
Глава 13	243
Глава 14	261
Глава 15	277
Глава 16	295
Глава 17	316
Глава 18	337
Глава 19	358
Глава 20	381
Глава 21	397
Глава 22	413

Дэнис Аллен

Помни меня

Посвящается моей невестке Дэбби Форд.

С огромной благодарностью за то, что ты позаботилась о моей матери. Да не оставят тебя и твою семью ангелы-хранители.

Глава 1

Дарлингтон-Холл, деревня Иденбридж

Графство Суррей, Англия

Октябрь 1816 года

– Мистер Тиббл, вы хотите сказать, что это письмо после смерти моих родителей провалялось у вас в конторе целых полгода?

Адвокат смущенно теребил поля шляпы, прижимая ее к груди, и виновато поглядывал на Аманду поверх очков.

– Именно так, мисс Дарлингтон, – смиренно признался он. – Это произошло по вине одного из наших новых клерков. Письмо было вложено в папку с корреспонденцией мистера Дарлингскотта. Это наш клиент из... по-моему, из Уорвика. Или из Уорт-Хилла?

– Создается впечатление, мистер Тиббл, что в вашей конторе у всех сотрудников трудности с именами собственны-

ми.

Мистер Тиббл покаянно склонил голову, и Аманда сразу же пожалела, что так откровенно выразила свое разочарование. Ей вовсе не хотелось повергать мистера Тиббла в дрожь, но его сообщение огорчило ее чрезвычайно. В конверте, который лежал у нее на коленях – она придерживала его рукой, белоснежный на фоне ее черной шелковой юбки, – находилось письмо от родителей, которые хотели сообщить нечто важное дочери, пока еще были живы.

Ей было трудно чтить память родителей, потому что они всегда относились к ней несколько прохладно. Однако это последнее письмо почему-то убедило Аманду в том, что они при жизни все же стремились окружить ее теплом и заботой, хотя она об этом и не догадывалась.

– Скажите, когда это письмо доставили к вам в контору, мистер Тиббл? – спросила Аманда, чуть смягчив раздраженный тон.

– Судя по записям, три года назад, мисс Дарлингтон. – Мистер Тиббл осмелился наконец посмотреть ей в глаза. – Оно поступило с требованием доставить его вам не раньше, чем оба ваши родителя покинут этот свет. Независимо от того, когда это произойдет и произойдет ли это одновременно.

– Да, одновременно... – пробормотала Аманда, вспоминая ту ужасную ночь, когда ее настигло известие о несчастном случае: перевернулся экипаж, и ее родители погибли. Аманда была их единственным ребенком, поэтому органи-

зация похорон полностью легла на ее плечи, если не считать помощи двух теток, Нэн и Прис.

– Я еще раз приношу свои искренние извинения, мисс Дарлингтон. – Мистер Тиббл поднялся с места с выражением глубочайшей почтительности на лице. – Надеюсь, вы простите меня.

– Я понимаю, что это была не ваша ошибка, – вздохнула Аманда.

Мистер Тиббл натянуто улыбнулся и поклонился, продемонстрировав Аманде свою лысеющую макушку.

– Как это великодушно с вашей стороны, мисс Дарлингтон! Позвольте оставить вас наедине с этим письмом. Если, конечно, вы не хотите, чтобы я присутствовал при... – Он тактично оборвал фразу.

– В вашем присутствии нет необходимости. – Она поднялась, и рядом с ней тщедушная фигурка мистера Тиббла стала выглядеть еще неказистее. – Поскольку все детали, связанные с наследством, выяснились сразу после похорон при чтении завещания, я полагаю, это просто частное письмо.

– Да, разумеется. Прекрасно. – Мистер Тиббл снова поклонился и попятился к двери, прижимая к своей впалой груди мятую шляпу. – Я ухожу. Пришлите за мной, если я понадобится.

Он сделал еще пару шажков к двери и, остановившись, добавил, храбрясь:

– «Тиббл, Бенчуорт и Кэдбери» имели честь вести дела ва-

шего батюшки на протяжении тридцати лет, мисс Дарлингтон, и надеюсь, это досадное недоразумение не станет причиной того, что вы...

Аманда взяла его под руку, развернула в нужном направлении и решительно повела к выходу, чувствуя себя рядом с ним Гулливером в стране лилипутов.

– Не волнуйтесь, мистер Тиббл, я не собираюсь менять поверенных. Хенчпенни проводит вас. Всего доброго, мистер Тиббл.

Избавившись наконец от этого раболепного зануды, Аманда вернулась в кресло у камина, взяла со стола письмо и вскрыла его при помощи изящного ножа с гербом на рукоятке. Дрожащими пальцами она развернула лист пергамента...

Прежде чем начать читать, она прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, чтобы совладать с нахлынувшими эмоциями и не расплакаться.

Перед ней замелькали строки, написанные быстрым, уверенным почерком отца. Не прошло и пяти минут, как лист выпал из ее онемевших пальцев и плавно опустился на пол у ее ног. Аманда откинулась на высокую спинку кресла и сучими, невидящими глазами уставилась в окно, за которым бушевал красочный осенний листопад.

* * *

– Дорогая, да на тебе лица нет! – воскликнула тетушка

Нэн.

– Бледна, как привидение, – подтвердила тетя Прис. Обе тетки квохтали над ней, как перепуганные курицы над цыпленком. – Что случилось, Аманда Джейн?

– Дорогие тетушки, – она взяла себя руки и выпрямилась в кресле, – вам лучше сесть.

Это зловещее начало вселило ужас в трепещущие сердца двух пожилых старых дев, но побудило их незамедлительно последовать совету племянницы. Они уселись и с глубоким вниманием приготовились ждать ее объяснений.

– Сегодня поверенный принес мне письмо.

– О Боже! – схватилась за сердце Нэн. – Неужели завещание твоего отца аннулировано? Этот дом тебе больше не принадлежит?

– Да нет же, – нетерпеливо прервала ее Аманда. – Дом мой. И ферма моя. Поскольку у отца не было ни титула, ни наследника по мужской линии, он мог оставить деньги кому хотел. Я по-прежнему богата, а вы по-прежнему мои неизменные гости в этом доме. Нам нечего опасаться.

– Тогда что же такое в этом письме? Умоляю, расскажи скорее, – жалобно пискнула Прис, нервно теребя подол платья.

Ее руки постоянно находились в движении – это казалось настолько же неотъемлемой частью ее натуры, как и перламутровый гребень, неизменно поддерживающий ее седые волосы. Нэн же предпочитала прятать свои короткие и пуши-

стые, как у младенца, волосы под скромным шелковым капором, завязанным бантом под пухлым подбородком. На обеих были строгие темные платья, как и приличествовало во время траура.

– Не знаю, верить ли тому, что здесь написано, – покачала головой Аманда. Она замялась на мгновение, но потом решила поскорее покончить с этим делом. – У отца есть еще собственность – дом на Торни-Айленд в западном Суссексе.

Тетки недоуменно переглянулись.

– Но это ведь хорошая новость, не так ли, Аманда Джейн? – Глаза тети Нэн стали совсем круглыми от удивления.

– Вообще-то...

– Я никогда не слышала о Торни-Айленде, – вмешалась тетушка Прис. – Но если этот дом приспособлен для жилья, то мы могли бы иногда проводить время на побережье. Мне нравится грубоватая атмосфера загородных домов, вот только отсыревшие стены нагоняют на меня тоску. А далеко отсюда Торни-Айленд? На Брайтоне в последнее время столько народу, что невозможно найти место на пляже...

– Тихо, Прис! – Нэн дернула ее за подол платья. – Аманда Джейн еще не все рассказала.

– Да, дослушайте меня до конца, и вы поймете, что незачем горевать об отсыревших стенах, тетя Прис. Дом на Торни-Айленд уже занят.

Нэн – она всегда отличалась большей проницательностью,

чем сестра, – тут же предположила:

– И именно обитатель этого дома тебя и беспокоит, Аманда Джейн? Кто он? Господи, неужели у твоего отца есть какой-то сумасшедший дядя, который заперт на чердаке этого дома, или он умудрился втянуться в какой-нибудь дешевый французский романчик? Я никогда не любила его – спаси, Господи, его душу – и предупреждала Клоринду о том, что не стоит за него выходить, но разве она послушает...

– Ну, а теперь чей язык метет как помело? – насупилась Прис.

– Не ссорьтесь, пожалуйста.

Аманда вдруг поняла, что не знает, как поступить. Она устало потерла глаза и откинулась на спинку кресла.

– Я вижу, ты всерьез расстроена, Аманда Джейн, – озабоченно проговорила Нэн. Она нагнулась и положила руку на ее колено. – Расскажи нам правду, дорогая. Скажи, что случилось, а мы обещаем тебя не перебивать.

– Спасибо, тетюшки. – Аманда заставила себя улыбнуться и пожала руку тетки. – Я буду вам очень благодарна за терпеливое внимание.

Потрясенные и удрученные таким прежде невиданным эмоциональным состоянием племянницы, тетки окаменели, как статуи.

– Прежде всего это письмо не от поверенного, а от моих родителей.

– Но как это возможно? – дрожащим голосом прошептала

Прис.

Аманда объяснила, как и почему затерялось письмо.

– Я должна была прочесть его сразу после похорон. В нем идет речь о другом родственнике, но не о дяде... или о ком-то другом.

– Тогда о ком же? – Тетя Прис стала выделывать руками энергичные, замысловатые кренделя, что, очевидно, призвано было продемонстрировать высшую степень ее заинтересованности.

Аманда откашлялась и посмотрела на свои руки, лежащие на коленях. Она стиснула кулаки, так что побелели костяшки пальцев.

– Я не единственная дочь своих родителей.

Ответом ей было гробовое молчание.

Не поднимая головы, она продолжила:

– У отца был ребенок от другой женщины. В письме не сказано, какого он возраста и пола. Говорится лишь, что в его собственности с рождения находится дом на Торни-Айленд. Его вырастила кормилица, миссис Гримшо. Ребенок никогда не знал, кто его родители. Отец каждые два месяца посылал миссис Гримшо пятьдесят фунтов на содержание дома, продукты и прочие хозяйственные нужды. Но он никогда не заботился ни о воспитании, ни об образовании ребенка.

Аманда отважилась взглянуть на теток и увидела, что обе они сидят, открыв рот от изумления.

– Не понимаю, чему вы удивляетесь! – горько воскликну-

ла Аманда. – Ведь мои родители всегда были образцом респектабельности.

– Я ее предупреждала, что не стоит выходить за него замуж, – тихо прошептала Нэн.

– Мужчины – грубые животные! – брезгливо добавила Прис.

– А что случилось с матерью ребенка? – спросила Нэн.

– Она умерла при родах.

– О! – в унисон протянули тетушки и разом замолчали.

Аманда поднялась и начала прохаживаться по комнате. Она видела собственное отражение в зеркале над каминной полкой. Высокий пучок густых светлых волос, гордая осанка; подчеркнутая строгим закрытым платьем, – мать хотела бы видеть ее такой в эту минуту. Но на самом деле она была растерянна, чего никогда не случалось с ней прежде за все ее двадцать три года.

– Оказывается, жизнь моих родителей была сплошной ложью.

– Не стоит обвинять Клоринду из-за грехов твоего отца, – поднялась на защиту сестры Нэн.

– Мать знала о ребенке и мирилась с его существованием.

– А что она могла сделать? – Прис пожала плечами. – Хорошо уже то, что твой отец позаботился о своем отпрыске.

– А мне вся эта ситуация кажется бесчеловечной, – с отвращением поморщилась Аманда. – Прятать малыша на необитаемом острове, отдав его на воспитание неизвестно

кому, – это ужасно! Когда мать ребенка умерла, мои родители должны были взять его к себе – если отец хотел сделать его наследником – или отдать на усыновление достойной паре.

– Но тогда пошли бы слухи, – возразила Нэн. – Твоему отцу это совсем не понравилось бы.

– А разве это понравилось моему брату или сестренке? Обречь на тюремное заключение несчастное создание, не сказать ему, кто его отец и мать, оставить на попечение служанки, которая, может быть, вовсе не была к нему добра! – Аманда возмущенно покачала головой. – Я содрогаюсь при мысли, что отец мог жить спокойно, его не мучила совесть и он считал вполне достаточным посылать пятьдесят фунтов раз в два месяца, напрочь выкинув из головы мысли о плоде своей мимолетной интрижки!

– Аманда Джейн! – воскликнули в один голос тетки, потрясенные столь пренебрежительным отзывом о ее отце.

Аманда остановилась и круто развернулась к теткам:

– Вы понимаете, что с марта в Торнфидд не посылали денег? А теперь уже пятое октября!

– И с тех пор оттуда на имя твоего отца не приходили письма с требованием денег? – спросила Прис.

– Отец никогда не сообщал домоправительнице свое имя и адрес. Мне он советует придерживаться той же линии поведения, пока я не решу по-другому. Он предлагает либо встречаться с миссис Гримшо каждую весну вдали от дома

на Торни-Айленд, либо посылать деньги, как это делал он. Судя по его письму, он никогда в жизни не видел своего ребенка. Это удивительно, но он уверен, что я окажусь такой же бессердечной, как и он сам.

– И что же ты собираешься делать, Аманда Джейн? – с любопытством спросила Нэн. – Я вижу, ты очень переживаешь из-за всей этой истории.

– Я собираюсь забрать ребенка и привезти его сюда. – И как только она это произнесла, необычайное спокойствие снизошло на нее, и она поняла, что поступает правильно.

– Что ты собираешься сделать? – в один голос, снова объединившись перед лицом грозящей опасности, переспросили тетушки.

– А что в этом странного? Я всю жизнь восхищалась тем, какую добропорядочную жизнь ведут мои родители. И куда это меня привело? Я никому не нужна, заброшена, у меня в жизни нет ни радости, ни надежды. Вы когда-нибудь видели, чтобы мои родители обменивались нежными взглядами? Моя мать когда-нибудь поправляла отцу галстук? Он когда-нибудь гладил ее ласково по щеке? Обнимал ее за талию, провожая до двери? Никогда!

– Они не хотели публично демонстрировать свои чувства, – ответила тетя Прис, но как-то неуверенно.

– Готова поклясться, что и наедине тоже, – отрезала Аманда. – После того как мать меня родила, они никогда не разделяли супружеского ложа. И я не хочу, чтобы впредь моя

жизнь была столь же «благопристойной», как и у моих родителей. Я намерена немедленно разузнать, что стало с ребенком, и спасти его от так называемой родительской благотворительности.

– Люди подумают, что это твой ребенок, – опасливо заметила Нэн.

– Мне наплевать, что подумают люди! – решительно заявила Аманда и, подойдя к камину, изо всех сил дернула за шнурок звонка. – Я всего лишь хочу, чтобы у ребенка была семья, а слухи меня не интересуют.

– Но для этого вовсе не обязательно привозить его сюда, Аманда Джейн, – вмешалась Прис. – Ты думаешь о себе хоть сколько-нибудь? Тебе нужен братец или сестренка, чтобы заботиться о ком-то? А если нет, тогда для чего?

Аманда задумалась. Неужели она так эгоистична? Хочет ли она поселить в этом доме брата или сестру? Может быть, она хочет воспитывать приемного ребенка, не будучи замужем и не имея собственных детей? Она очень любит своих тетушек, но они не всегда будут с ней. Уже сейчас они не очень-то нуждаются в ее заботе... Может быть, она хочет, чтобы ребенок – ее сводный брат или сестра – заполнил надвигающуюся пустоту?

– Пока меня не заботят причины, по которым я действую, – проговорила она. – Время покажет. Кто знает, что случилось с ребенком после того, как ему перестали посылать деньги... Сначала я должна убедиться в том, что ребе-

нок в полном порядке, а потом приму решение относительно его будущего.

Дверь открылась, и на пороге возник дворецкий.

– Вы звонили, мисс?

– Да, Хенчпенни. Мне нужно, чтобы вы кое-что для меня сделали. Я отправляюсь в путешествие.

– За город, мисс?

– Нет, Хенчпенни. Я уезжаю на несколько дней.

Дворецкий и глазом не моргнул, хотя Аманда никогда не ездила дальше Иденбриджа, да и то лишь после своего неудачного сезона в Лондоне четыре года назад.

– Тогда вам понадобится фаэтон, мисс. Сколько вам нужно сопровождающих?

– Двое. Харли и Джо вполне достаточно. Если Тео еще болен, скажи ему, что я обойдусь без него.

– Слушаюсь, мисс. – Дворецкий поджал губы. – Хотя полагаю, что после таких ваших слов Тео поднимется и со смертного ложа. Приказать вашей горничной, чтобы она собрала вещи?

– Нет, Хенчпенни. – Аманда взяла с пола письмо, которое до сих пор валялось на ковре. Когда она подняла голову, на щеках ее вспыхнул румянец, то ли от смущения, то ли от чувства свободы, которое наполнило ее сердце и придало уверенности ее поступкам. Впрочем, ей было все равно. – Скажи Айрис, чтобы она собрала только мои вещи.

Тетушки с трудом сдержали возмущенный вздох.

– Э... Тогда я прикажу Айрис собрать вещи для мисс Нэнси и мисс Присциллы? – Хенчпенни выглядел обескураженным.

– Нет. Я еду одна.

– Аманда Джейн, но ведь это безумие! – заволновалась Прис.

– Ехать одной опасно. – Нэн поднялась с дивана. – Я еду с тобой!

– Я не желаю обрекать вас на столь опасное путешествие, тетя. И если учесть его деликатный характер, то чем меньше людей будет в него вовлечено, тем лучше. – Аманда повернулась к Хенчпенни: – Я предоставляю своим тетушкам право объяснить вам, куда я отправляюсь и зачем. Но я буду отсутствовать, сколько потребуется, и надеюсь, что вы все поведете себя достойно. Разумеется, мне придется довериться Тео, но больше никому. Когда я вернусь с Торни-Айленда – возможно, не одна, – мы подумаем, как поступить дальше. Вы все меня поняли?

– Я обо всем позабочусь, мисс, – ответил Хенчпенни, ошарашенно глядя на хозяйку.

– Поторопись. – Аманда последовала за ним в холл. – Я хочу выехать до темноты, а уже половина пятого. Луна сегодня полная, и если не пойдет дождь, то мы сможем ехать и после захода солнца. Я остановлюсь в полночь в придорожной гостинице и продолжу путешествие на рассвете. И не нужно смотреть на меня так мрачно, Хенчпенни. Все бу-

дет хорошо.

Дворецкий проводил взглядом Аманду, которая чуть ли не бегом устремилась в свою комнату, и повернулся к тетушкам:

– Простите, но какой дьявол вселился вдруг в мою госпожу?

– Потрудитесь сделать все, как приказано, а потом мы с мисс Присциллой все вам объясним.

Хенчпенни удалился с хмурым видом. Тетушки молча проследили за ним, а потом глубокомысленно переглянулись.

– Я все ждала, проявится ли в девчонке наша порода, – ухмыльнулась Нэн. – Я уже начала бояться, что ее отец так же сокрушил ее, как и Клоринду.

– Знаешь, Нэн, – задумчиво промолвила ее сестра, – чем больше я думаю об этом, тем больше мне хочется иметь в нашем доме ребенка.

– Да, – кивнула Нэн после некоторого размышления. – Ребенок куда лучше, чем ежегодные каникулы на острове.

* * *

Придорожная харчевня «Пятнистый пес» насквозь пропахла потом, перегаром и коровьим навозом. Джексон Монтгомери, виконт Дарем, развалившись в кресле, считал пустые стаканы, стоящие перед ним на столе. Он никак не мог

сосредоточиться, и ему все время казалось, что некоторые стаканы он посчитал дважды.

– Раз, два, три...

– Пятнадцать. Тридцать девять. Какая разница, сколько ты выпил, Джек? – с обезоруживающей беззаботностью перебил его Роберт Гамильтон. – Пей, ешь и веселись, старина, ведь завтра ты... женишься.

– Да, ты прав. – Джек опустил голову на руки, и в глазах у него задвоилось – похоже, перед ним сидит не один, а два друга... две светлые челки над бесстыжими глазами, осененными густыми ресницами. – Так почему бы тебе не составить мне компанию, дружище? Ты ведь почти ничего не пил, Робби.

– Но ведь я-то не женюсь, Джек. Это ты у нас счастливчик!

– Сдается мне, что ты надо мной издеваешься! – нахмурился Джек.

– Брось, лучше выпей, Джек! – ухмыльнулся Роб. – Допей, что у тебя осталось, и я прикажу подать еще.

Джек послушно опустошил стакан «Блю Руина» и вытер рот тыльной стороной ладони.

– Не годится идти к алтарю, когда тебя не держат ноги и шатает из стороны в сторону, знаешь ли.

– Да ладно, Джек. – Роб взмахнул рукой – или двумя руками? – Считай, что Шарлотта у тебя в кармане, как и все остальные девицы в Лондоне. Она будет ждать тебя у алтаря независимо от того, прилетишь ли ты, пританцуешь или

приползешь к нему. Хотелось бы и мне так же уметь покорять женщин, как это получается у тебя, – с оттенком зависти, но вполне добродушно заметил он.

– Ты нравишься Шарлотте, Роб, – отхлебнув из стакана, заявил Джек.

– Но не так, как ты.

– Я бы не возражал, чтобы она нравилась мне так же, как я ей, – угрюмо отозвался Джек.

– Если ты не любишь ее, тогда почему не оставишь ее мне?

– Не думаю, что я вообще могу в кого-нибудь влюбиться, Роб. Никогда со мной такого не случалось, а мне в прошлом июне исполнилось уже тридцать два. – Он прикусил губу, стараясь сосредоточиться. – Или тридцать три? Впрочем, не важно. А Шарлотта очень хороша, правда, Роб?

– И богата, – буркнул его друг.

– Это не имеет значения, – отмахнулся Джек.

– Для тебя.

– Обнимешь ее, и дух захватывает. Приятно, когда женщина пухлая там, где надо... если ты понимаешь, о чем я.

– Еще бы! Особенно приятно, если у нее пухлый кошелек.

– Тот мужчина, который пожелает большего, должен быть просто идиотом, варваром и жестокосердным эгоистом. Как ты думаешь, Роб?

– Полностью с тобой согласен. – Его приятель поднялся с места. – Сиди здесь, а я пойду узнаю, можно ли в этой Богом забытой дыре раздобыть какую-нибудь еду. А пока я прика-

жу подать тебе еще джину.

Джек не ответил, лишь послушно осушил стакан до дна в ожидании новой порции горячительного.

– Желаете еще, милорд?

Джек с трудом поднял отяжелевшую голову и уставился на человека, который появился возле стола. Его очертания расплывались, и Джеку пришлось долго и напряженно всматриваться, прежде чем он сумел сфокусировать взгляд на его лице. Голова Джека безвольно запрокинулась на спинку стула. Фигура человека не двоилась, но вместо лица у него был расплывчатый овал с двумя темными прорезями вместо бровей и двумя маленькими черными дырочками вместо глаз. Впрочем, эти прорези и дырочки показались Джеку знакомыми... Ах да, хозяин.

– Как мило с вашей стороны, что вы интересуетесь. – Джек с усилием растянул губы в приветливой улыбке. – Вас прислал Роб?

– Да, милорд. Вот только я не знаю, нужно ли вам пить еще, – с сомнением покосился на него хозяин.

– Если Роб говорит, что мне нужно еще выпить, значит, так оно и есть. – Язык у него заплетался, но он постарался вложить в свои слова как можно больше твердой уверенности. – Если хотите знать, он спас мне жизнь в Опорто, когда мы сражались с этим ублюдком Наполеоном.

– Выходит, вы с ним самые что ни на есть закадычные друзья?

– Вот именно, приятель. А теперь плесни-ка мне джину. Я умираю от жажды. Так хочется пить, что, кажется, Северное море готов выпить.

Темное пятно в форме человеческой фигуры заколыхалось перед ним, а затем до его слуха донесся странный звук, похожий на уханье совы. Джек не сразу догадался, что хозяин смеется. Приятно было сознавать, что ему удалось сказать что-то смешное, но вот что именно, Джек, убей Бог, не мог вспомнить.

– Все еще мучает жажда, а? Ну и наглотались же вы пыли, пока ехали из Брайтона! – Хозяин наполнил его стакан. – Тогда еще один не помешает на дорожку! А вообще, вы уже прилично поднабрались, милорд. Еще немного, и вас вывернет наизнанку. Я не дал бы вам больше пить, если бы не доверял вашему другу... тому, что сейчас переворачивает вверх дном мою кухню и лается со служанкой. Он, готов поручиться, доставит вас сегодня в Лондон в целости и сохранности.

– В целости и сохранности, – повторил Джек, тупо глядя на полный до краев стакан. – Домой, в Лондон, к моей розовощекой невесте.

Хозяин присвистнул. От этого звука в ушах у Джека зазвенело, и он тряхнул головой, чтобы избавиться от навязчивого роя пчел, загадочным образом влетевшего в нее через ухо.

– Выходит, вас уже успели охомутать, милорд? – добродушно усмехнулся хозяин.

– Нет еще, приятель. – Джек придвинул к себе стакан, снова сфокусировал взгляд на лице хозяина и ткнул себя пальцем в грудь. – До завтрашнего утра я... свободный человек.

– А, так вот почему вы сегодня пошли вразнос! Тогда это простительно. Брак – серьезный шаг для мужчины.

– Очень серьезный, – согласился Джек. Он с успехом избегал этого шага много лет, но ему был нужен наследник. А поскольку никакого другого законного способа произвести потомство не существовало, он решился наконец принести себя в жертву.

– Она вовсе не такая уж плохая, – пробормотал Джек, склонившись над стаканом.

– Кто, милорд?

– Моя нарече...

– Ваша – кто? Простите, не понял.

– Моя невеста. – Джек отказался от попытки выговорить трудное слово. – Она умна, мила, и ее так приятно целовать. – Он расхваливал свою будущую жену перед этим совершенно незнакомым человеком, как только что перед Робом, пытаясь самого себя, а не их убедить в том, что поступает правильно. – Что еще нужно мужчине? – Он уставился на хозяина, требуя подтверждения своим словам.

– Вы правы, милорд, – с готовностью отозвался тот. – Что еще нужно?!

А действительно, что еще нужно? Джек впал в философское настроение. Мужчина может мечтать о настоящей люб-

ви, единственной, на всю жизнь. Но сейчас, после такого количества джина, мужчина мог мечтать лишь о том, чтобы облегчиться. Он уперся обеими руками в стол и с трудом поднялся. У него тут же закружилась голова.

– Черт побери!

– Вам помочь, милорд? – Хозяин мигом подскочил к нему и оказался у его локтя. Джеку была неприятна мысль, что кто-то будет помогать ему в таком интимном деле. Как-то это не по-мужски. Похоже, он и вправду перепил, если не в состоянии самостоятельно осуществить одну из основных физиологических потребностей человека.

– Нет, спасибо, приятель. – Он с достоинством выпрямился, хотя голова у него при этом чуть не лопнула от звона. – Только направьте меня к ближайшей двери, пожалуйста.

– Лучше вон туда, там выход на задний двор. – Хозяин развернул его к двери, до которой, как показалась Джеку, было не меньше мили пути.

– Превосходно, – пробормотал он и шатаясь двинулся в указанном направлении.

Он благополучно выбрался наружу, побродил немного в кустах, справил нужду и пошел обратно. Однако через пару минут он обнаружил, что идет куда-то не туда. Он остановился и огляделся.

Его окружали высокие деревья, сквозь кроны которых едва пробивался лунный свет. Он попытался найти тропинку, которая вывела бы его из густых зарослей, но было слишком

темно, на землю опустилась ночная мгла, да и голова у него кружилась.

– Черт побери! – возмутился он, проклиная дикую природу необъятных просторов западного Суссекса.

И зачем только они завернули в эту убогую придорожную харчевню? Промочить горло можно было и в каком-нибудь приличном месте. Впрочем, он сам настоял на этом. Слишком много джина и безрадостные размышления о предстоящей свадьбе его доконали. Вот он и оказался в таком глупом положении.

Джек старался рассуждать логично. Нужно смело взглянуть в лицо фактам: никогда в жизни он так не напивался, и, судя по спазмам в желудке, он вот-вот извергнет на землю его содержимое. Джек устремился туда, где, как ему показалось, виднелся просвет между деревьями. Порыв ветра охладил его лоб, начал накрапывать мелкий дождик. Он остановился, подставив лицо освежающим каплям, и закрыл глаза. К счастью, неприятные ощущения в желудке постепенно стихали.

И вдруг его благостную безмятежность нарушил непонятный звук, похожий на далекий раскат грома. Ноги даже через подошвы сапог почувствовали какую-то странную вибрацию. Джек изо всех сил старался вспомнить, где он мог слышать этот звук и что он вообще означает, но алкоголь мешал ему сосредоточиться.

А звук становился все громче и ближе. Джек открыл глаза

и увидел, что стоит посреди дороги. Ужас охватил его, когда он вдруг узнал этот звук и осознал неотвратимость своей судьбы. Из-за поворота на огромной скорости вылетел экипаж, запряженный четверкой разгоряченных коней.

Джек рванулся к обочине в отчаянной попытке избежать неминуемой гибели. Последняя мысль, промелькнувшая в его голове, была о том, что смерть, пожалуй, может стать для него выходом из затруднительного положения, способом решить все проблемы, отказавшись, в частности, от этой навязанной ему свадьбы и оставив невесту у алтаря, напрасно ожидающуюся своего жениха. Но дело в том, что выход этот ему тоже навязан, а значит, не доброволен. Да и исчезнуть придется навсегда, а не на время...

Глава 2

Кучер заорал во всю мощь своих легких и натянул поводья, лошади заржали и встали на дыбы. Аманду бросило вперед, когда экипаж резко остановился.

– Боже мой! – испугалась она, поднимаясь с пола и поправляя съехавшую на глаза шляпку. – Должно быть, мы сбили какую-нибудь заблудившуюся корову! – Выбравшись из кареты, она увидела Тео и двух его помощников, склонившихся с фонарями над распластанным посреди дороги телом неизвестного мужчины...

Сердце Аманды сжалось от сочувствия и страха. Она была в шоке и не могла заставить себя подойти ближе. С того места, где она стояла, были видны лишь длинные мужские ноги в светло-серых бриджах и высоких сапогах. Плечи и голову мужчины закрывала от нее широкая спина Тео. Он лежал не прямо на пути лошадей, а немного в стороне, но как-то уж слишком неподвижно.

– Господи, Тео, неужели мы задавили его? – дрожащим голосом спросила она.

– Задавили, но не насмерть, если вас это интересует, – обернулся к ней кучер. В свете фонаря она видела его растерянное, испуганное лицо.

– Что же случилось, скажи мне, умоляю! Если не случилось ничего страшного, то почему ты так побледнел? И по-

чему он не шевелится?

– Он стоял как вкопанный посреди дороги, мисс, но в последний момент отпрыгнул в сторону. Похоже, он просто неудачно упал и ударился головой о камень.

– Он дышит?

– Да, мисс.

– А... кровь есть?

– Целая лужа натекла, мисс.

– Так останови ее!

– Но как, мисс?

– Придумай же что-нибудь, Тео! – в отчаянии взмолилась она. Кучер беспомощно огляделся, и тогда она, ни минуты не колеблясь, оторвала от своей нижней юбки кусок ткани и протянула его Тео. – Вот, возьми! Когда человеческая жизнь в опасности, глупо и безнравственно думать о приличиях!

– Вы правы, мисс. – Тео взял из ее рук лоскут и скомкал его.

– Нет, Тео, лучше сверни его в несколько слоев и крепко прижми к ране! – Она, набравшись храбрости, подошла к раненому.

Тео неуклюже вертел в руках тряпицу и дважды уронил ее на землю.

– Что с тобой, Тео? Ты ведь всегда был прекрасным ветеринаром! – возмутилась Аманда.

– Одно дело – лошади, и совсем другое – человек, мисс, – смущенно пролепетал кучер. – К тому же это человек из бла-

городных, могу поклясться! А это не шутки! Что, если он отдаст Богу душу, а меня повесят за убийство?

– Не говори ерунды! – нахмурилась Аманда.

– Всякое может случиться, мисс. – Круглое лицо Тео, обрамленное пышными бакенбардами, перекопилось от страха.

– Перестань трястись, Тео! Он не умрет... если, конечно, мы не позволим ему истечь кровью прямо посреди дороги! – Аманда не выносила вида крови и не привыкла прикасаться к незнакомым мужчинам, но случай был из ряда вон выходящий, поэтому она шагнула к нему и решительно заявила: – Отойди в сторону, я все сделаю сама.

Тео не заставил себя долго упрашивать и с видимым облегчением снял с себя ответственность за жизнь джентльмена, передав ее в руки госпожи.

Аманда опустилась перед раненым на колени и призвала на помощь всю свою выдержку и хладнокровие. Сейчас был неподходящий момент для того, чтобы морщиться при виде капли крови или стыдливо краснеть оттого, что приходится дотрагиваться до представителя противоположного пола. Она просто спасала человеку жизнь.

Стараясь не смотреть на раненого, лежавшего без сознания, и не обращая внимания на слякоть и дождь, насквозь промочивший ее бархатную накидку, Аманда аккуратно свернула тряпицу.

– Посвети мне, – приказала она кучеру.

Когда Тео поднес фонарь поближе, она все же взглянула

на своего пациента. Его лицо потрясло ее настолько, что она забыла обо всем на свете. Никогда прежде она не видела таких красивых мужчин. Она болезненно поморщилась, заметив над его левой бровью глубокую кровотокающую рану, и поспешно прижала к ней лоскут. Через пару минут она отняла руку и осмотрела рану.

К счастью, рана оказалась неглубокой, но опухоль вокруг нее внушала серьезные опасения. Ее беспокоило также и то, что мужчина до сих пор не пришел в себя. От него несло перегаром, из чего следовало, что причиной его бессознательного состояния могло быть также и сильное опьянение.

Аманда оторвала от своей юбки еще один лоскут и забинтовала ему голову.

– Вот и все. Больше мы ничего не сможем сделать, пока его не осмотрит врач. Давайте-ка поднимем его с земли, иначе он схватит воспаление легких, – обратилась она к слугам. – Лишние неприятности нам не нужны. Отнесите его в экипаж.

– Куда же мы повезем его, мисс? – недоуменно воззрился на нее Тео.

– Понятия не имею. – Аманда хмуро огляделась. Вокруг был лишь темный лес, окутанный туманом, и никаких признаков человеческого жилья. – Откуда только он здесь взялся, ума не приложу. Ни огонька вокруг, ни дыма из трубы.

– Если верить карте, то ближайшая деревня в десяти милях к западу отсюда, мисс, – сказал Тео. – Там должен быть

врач. А если нет, то, думаю, нам стоит добраться до первого приличного постоянного двора и позаботиться о джентльмене, насколько это в наших силах.

– Да, ты прав, – согласилась Аманда. – Я и сама подумывала о том, чтобы остановиться и передохнуть, еще до того, как случилась эта неприятность. Мы недалеко от побережья, и скоро из-за тумана совсем ничего не будет видно. Нужно сделать остановку на ночь. Что же касается джентльмена, то он за это время придет в себя и сообщит нам свое имя и адреса родных, с которыми мы сможем связаться.

Аманда втайне наделась, что это досадное происшествие не вынудит их надолго отклониться от главной цели путешествия. Она искренне сочувствовала неизвестному мужчине и осознавала свою ответственность за происшедшее, но мысли о несчастном ребенке, заключенном в поместье на Торни-Айленде, не давали ей покоя.

– Возьми его за ноги, Харли, – приказал Тео. – Я возьмусь за плечи, а ты, Джо, поддерживай его спину. Этот парень весит порядочно!

Аманда взяла оба их фонаря и молча наблюдала за тем, как слуги кряхтя подняли раненого с земли. Он так ни разу и не шевельнулся, безжизненно повиснув у них на руках.

Это встревожило Аманду. Ведь он явно был еще молод. На вид ему было не больше тридцати. И хотя он был довольно тяжел, тело его сплошь состояло из мускулов, никакого жира. Одет он был дорого и со вкусом, и, без сомнения, его

огорчило бы, если бы он мог взглянуть на себя сейчас со стороны – его роскошный костюм превратился в жалкое, облепленное глиной и залитое кровью тряпье.

Слуги обливались потом, их ноги скользили по жидкой грязи, когда они тащили незнакомца к экипажу, и все бы закончилось благополучно, если бы Джо не поскользнулся и не грохнулся в грязь. Тео и Харли остановились и уже готовы были бросить свою ношу, но тут Аманда, отставив фонари, подоспела им на помощь.

Стараясь внести посильную лепту в общее дело, она вдруг подумала о том, что впервые в жизни обнимает мужчину за зад. Щеки у нее вспыхнули от стыда, потому что ощущение оказалось приятным – зад был крепким и твердым на ощупь.

Аманда не успела справиться с эмоциями, потому что они дотащили наконец раненого до экипажа и уложили на сиденье. Он был огромным и не помещался на сиденье полностью – ноги то и дело сползали с подушек и сваливались в проход. Впрочем, сейчас он вряд ли мог претендовать на более удобное положение, поэтому Аманда протиснулась мимо него на свободное сиденье, стараясь не обращать внимания на его неудобную позу.

И в этот момент Тео засунул голову внутрь и, оценив ситуацию, предложил:

- Давайте, мисс, Харли или Джо поедут вместе с вами.
- Думаю, при данных обстоятельствах компаньон мне не понадобится, – сухо отозвалась она.

– Но он может очухаться, и кто знает, что ему придет в голову. Он здорово пьян, мисс, а когда поймет, что находится наедине с молоденькой девушкой... Простите за прямоту, мисс.

– Готова поклясться, что он будет спать, как младенец, до самого постоянного двора. Если не из-за шишки на голове, то, уж во всяком случае, из-за того, что опьянел. Да и еще один человек здесь просто не поместится.

– Харли худой, как щепка. Думаю, он сможет как-нибудь устроиться.

– Нет, спасибо, Тео, – твердо возразила она. – Если мне будет угрожать опасность, я постучу в крышу зонтиком. Или стукну им по голове насильника, если ситуация окажется безвыходной.

Тео задумчиво нахмурился.

– Пospеши, Тео. Давай доберемся до ближайшей деревни прежде, чем я замерзну насмерть или наш джентльмен действительно придет в себя.

– Даже не знаю, мисс... – упрямо протянул кучер. Ему не нравилась идея оставить госпожу наедине с незнакомым мужчиной... пусть даже и с джентльменом.

– Когда он придет в себя, у него голова будет раскалываться от боли, ты же знаешь, – резонно заметила она. – Он будет мечтать лишь о глотке спиртного и о теплой постели. Не забывай, что мы имеем дело с благородным человеком, который привык к комфорту. Он наверняка к тому же очень

надменный и заносчивый. Если он узнает, что мы задержали отъезд из-за того, что побоялись оставить меня наедине с ним, он придет в ярость!

Этот аргумент убедил Тео. Он вскочил на козлы и пустил лошадей галопом.

Аманда устало откинулась на спинку сиденья и стала снимать промокшие насквозь перчатки, не сводя глаз со своего спутника, растянувшегося напротив нее. Фонарь горел достаточно ярко, чтобы она могла как следует его разглядеть. К счастью, объект ее любопытства вовсе не подозревал об этом. Даже в таком ужасном виде он показался ей очень красивым. Но разве это могло иметь какое-нибудь значение для такой старой девы, как она?

– Поразительно, как человеческая жизнь может вдруг измениться за первым же поворотом, – проговорила она задумчиво и тяжело вздохнула. – Стоило мне узнать о существовании незаконнорожденного ребенка своего отца и отправиться на его поиски, как судьба тут же устроила мне встречу с отвратительно красивым и напившимся как свинья молодым мужчиной, который явился неизвестно откуда, чтобы угодить под копыта моих лошадей! Приходится признать, что день сегодня не задался с самого утра. – Аманда покачала головой и обратилась к своему спутнику: – Для тебя, похоже, тоже, приятель.

К ужасу Аманды, молодой человек вдруг зашевелился. Застонав, он протянул руку к забинтованной голове, ин-

стинктивно стараясь определить источник боли. Аманда стремительно подалась вперед и схватила его за запястье:

– Не нужно трогать рану, сэр. Кровотечение может возобновиться.

Его голова безжизненно мотнулась в сторону, но он не открыл глаза и ничего ей не ответил. Аманда бросила взгляд на его руку и подивилась тому, что ей удалось удержать ее. В его руках с длинными тонкими пальцами и аккуратно вычищенными ногтями таилась нешуточная сила. Но теперь одна из них безвольно повисла в воздухе, и Аманда сложила обе его руки у него на груди.

Хватаясь за спинку сиденья, когда экипаж особенно сильно трясло и подбрасывало на ухабах, Аманда простояла над ним до тех пор, пока он снова не провалился в глубокий сон. Экипаж давно катился по ровной дороге, но она не возвращалась на место, стараясь убедить себя, что стоит над раненым только для того, чтобы помешать ему в беспамятстве сорвать повязку со лба. Однако природная честность не позволила ей врать самой себе.

Ей нравилось на него смотреть. Если не считать танцев на балу четыре года назад, когда она впервые вышла в свет, она никогда не была так близка с мужчиной. Тем более с таким привлекательным.

Его взлохмаченные черные кудри, испачканные в грязи, наверное, прекрасно смотрелись бы при тусклом свете свечей или блестели на солнце. На лоб ему свесилась непослуш-

ная прядь, и Аманде захотелось потрогать ее, чтобы узнать, какова она на ощупь. Однако, воспитанная в строгих правилах, она не позволила себе это сделать. Тем более что смутно догадывалась – это прикосновение доставит ей запретное удовольствие.

Но тут на помощь ей пришла неожиданная, бунтарская мысль: почему она должна руководствоваться строгими моральными правилами, внушенными ей родителями, если теперь располагает неопровержимыми доказательствами того, что их «высоконравственная» супружеская жизнь была сплошным надувательством?

Аманда стиснула зубы. Бунт в общем-то мелкий, но лиха беда начало. Она протянула руку к его волосам и осторожно потерла их пальцами. Улыбка появилась на ее лице, когда она поняла, что не обманулась в своих ожиданиях. Его волосы были шелковистыми, как ухо новорожденного котенка, но вместе с тем густыми и непослушными. Она откинула их с его лба и принялась внимательно изучать лицо незнакомца.

Темные, красиво изогнутые брови. Она не удержалась и провела пальчиком по одной из них. Ее восхитили длинные густые ресницы, способные вскружить голову любой молодой девчонке. К счастью, она уже давно стала взрослой и может держать под контролем свои эмоции.

Нос прямой, с небольшой горбинкой, а губы так красиво очерчены, что она с трудом сдержалась, чтобы не прикоснуться к ним – хватит, слишком много безумств за один

день, не пора ли остановиться?

Но тут ее взгляд упал на его щеку, где над скулой виднелся тонкий серебристо-белый шрам. Он был похож на след от удара саблей. Шрам нисколько не портил его, напротив, придавал его мужественной внешности загадочную таинственность... Она не смогла удержаться и потрогала его. Он оказался мягким и гладким.

Она обратила внимание на синеву щетины на его щеках и подбородке. Интересно, какова у мужчины на ощупь кожа, если он давно не брился? Аманда знала, что другой возможности выяснить это, кроме как оказавшись в интимных отношениях с мужчиной, допускаемых между мужем и женой, у нее не будет. Так что удержаться от очередной вольности она не смогла.

Соблюдая все меры предосторожности, она прикоснулась ладонью к его щеке, готовая в любую секунду отдернуть руку, если он заметит ее прикосновение. Сердце заколотилось у нее в груди от возбуждения, когда она медленно провела рукой по его лицу. Щетина колола ее ладонь, как жесткая щетка. Интересно, что она ощутит, если потрется о его щеку щекой или... грудью...

Аманда зарделась от своих греховных мыслей и хотела отнять руку, как вдруг мужчина, который до сих пор лежал неподвижно, неожиданно взял ее за запястье и прижал ее ладонь к своим губам. Аманда напряглась, а он разжал пальцы и слабо улыбнулся.

– Эй, шалунья, – произнес он глухо, и в его голосе послышались интимные нотки. – Разве тебе было мало? Дай мне поспать хотя бы еще полчаса, а потом...

То, что он собирался сделать потом, осталось тайной, потому что он болезненно поморщился и потянулся рукой к повязке. Аманда вышла из оцепенения, в которое ее повергло прикосновение его теплых губ к ее ладони, и помешала ему дотронуться до раны.

Ее удивило, насколько легко он подчинился ей. Однако она считала его слабость временным состоянием, вызванным тяжелой травмой и неумеренным потреблением алкоголя.

Аманда села на место и вжалась в сиденье, чувствуя себя так, словно балансировала на краю высокой скалы, не зная, в какую сторону ее качнет ветер. Она еще раз взглянула на джентльмена, который снова потерял сознание, и закрыла глаза. Не нужно было прикасаться к нему без особой необходимости, так было бы проще воздержаться от неразумных действий. Да и пялиться на него, как последняя дурочка, тоже было ни к чему.

Скоро они доберутся до постоялого двора, и Аманда наконец вздохнет с облегчением, устроив его в свободной комнате. Оставалось надеяться, что джентльмен до тех пор не придет в себя. Она всерьез беспокоилась о том, что он мог получить сотрясение мозга. Ей хотелось, чтобы он поскорее назвал свое имя и объяснил, как очутился один посреди дороги, проложенной через лес. Как только он заговорит, тайна

его появления перестанет быть тайной.

Интересно, женат ли он? Впрочем, мужчины редко носят кольца, подтверждающие их брачные обязательства. И еще это слово – «шалунья», – которым он ее назвал, на секунду придя в сознание. Относилось ли оно к жене или к какой-нибудь... подружке?

Аманда вдруг поняла, что ревнует к этой неизвестной женщине. И хотя она преступила границы дозволенного, о чем не то чтобы сокрушалась, но все же задумывалась, ей было приятно, что она извлекла столько удовольствий из пребывания наедине с этим человеком.

Ей потребовалось совсем немного времени, чтобы взять себя в руки. Теперь она удивлялась тому, что поддалась его очарованию и прикосновения к нему вызвали столь волнующие чувства в ее душе.

Аманда никак не могла решить, чем на самом деле вызвано ее влечение к этому незнакомцу: его красотой или желанием пойти наперекор правилам, которые с детства внушали ей родители? Слишком сложная задача, чтобы решить ее вот так, сразу. К тому же проблема, ради которой она отправилась на Торни-Айленд, не давала ей покоя.

Лошади с галопа перешли на рысь, и Аманда приподняла кожаную занавеску на окне, чтобы сориентироваться. Они проехали небольшую деревушку и вскоре свернули к постоялому двору. Аманда увидела убогую деревянную постройку с соломенной крышей и вывеску над дверью, освещенную

фонарем: «Три монашки». Она надеялась, что здесь найдутся две свободные комнаты. В крайнем случае в этой деревушке наверняка отыщется еще один постоялый двор.

Когда Харли открыл дверцу и опустил ступеньки, она велела ему остаться с раненым, пока не договорится о комнатах, но слуга не послушался. Он вошел вслед за госпожой в уютный холл, и они стали ждать, пока к ним кто-нибудь выйдет.

Наконец появилась худая женщина в переднике и с пучком седеющих волос на затылке. На ней было темное платье и белоснежный передник, о который она вытирала мокрые руки.

– Что вам угодно? – спросила она сухо. Ее взгляд скользнул по испачканной юбке Аманды и камзолу Джо, с которого стекала на пол грязная вода.

– Я бы хотела поговорить с хозяином, – вежливо обратилась к ней Аманда.

– Мой муж умер полтора года назад. Теперь я хозяйка этого заведения, и вам придется говорить со мной, – ответила женщина недружелюбно.

– Понятно. – Аманда растерялась, не зная, стоит ли приносить соболезнования, или лучше сразу изложить суть дела. – Мне нужна комната, – наконец решила она. – Вообще-то, мне нужны три комнаты, если у вас есть свободные. Одну для меня, одну для моего... спутника... он ждет в экипаже. И еще одну для моих слуг. Я бы хотела устроить их в

доме, а не на конюшне.

Хозяйка нахмурилась. Ей не понравился тон Аманды. Было бы лучше, подумала она, если бы эта грязнуля ограничилась просьбой, а не отдавала распоряжения.

– Сожалею, мисс, но у меня осталась всего одна комната, да и та вряд ли вам подойдет: она самая маленькая из всех.

– Но что же мне делать? – в отчаянии воскликнула Аманда. – Ведь до ближайшего постоянного двора наверняка не меньше десятка миль!

– Пятнадцать, мисс.

– Тогда придется обойтись одной комнатой, – вздохнув, сказала Аманда. Она пока еще не знала, как устроится, но другого выхода не было.

– Располагайтесь, мисс, – пожала плечами хозяйка, – как вам удобно. А слуги могут переночевать в конюшне вместе с остальными. Там довольно чисто, а в это время года почти не бывает блох. Комната, о которой я вам говорила, маленькая, но кровать там достаточно большая, чтобы вы могли поместиться на ней с вашим мужем. Если, конечно, он не великан.

– Нет, вовсе нет... – Аманда осеклась, прежде чем успела произнести слова, которые повергли бы ее в стыдливое замешательство. Она не подумала о том, как непристойно выглядел бы в глазах кого угодно – даже этой напыщенной старой ведьмы, вдруг ехидно прищурившейся, – тот факт, что она путешествует с мужчиной, который не является ее мужем. Обстоятельства, конечно, были необычными, но Аманда не

хотела пускаться в долгие объяснения с человеком, не способным ими проникнуться.

– Или этот человек не ваш муж, мисс? – заинтересовалась вдруг хозяйка. – У меня приличное заведение, и я не могу предоставлять кров всяким там влюбленным парочкам.

Она смерила Аманду презрительным взглядом: на голове у нее была помятая шляпка, а сама она ежилась от холода в промокшей одежде. В таком виде ее действительно можно было принять за женщину недостойного поведения.

– Уважаемая! – Аманда вдруг почувствовала себя уверенно. – Вы меня не поняли. Я не говорила, что этот человек мне не муж. Я имела в виду, что он вовсе не великан, а потому прекрасно поместится со мной в одной постели. Но поскольку с ним случилось несчастье в дороге, я подумала, что ему будет спокойнее одному. Мне подойдет раскладная кровать и...

– Несчастье в дороге? – заинтересовалась хозяйка. – А что с ним случилось?

– Он упал и ударился головой о камень, когда мы остановились, чтобы он мог... отойти на минуту. – Аманда покраснела оттого, что ей пришлось сообщить посторонней даме о таком интимном моменте.

– Надеюсь, он не расшиб голову до крови? Я только что вымыла полы и вычистила ковер в той комнате, где вы остановитесь, – проворчала хозяйка.

Аманда вдруг осознала, что никакое терпение и стремле-

ние договориться до чего-то разумного с этой женщиной не приведут к желаемому результату. Она с достоинством выпрямилась и надменно произнесла:

– Уважаемая, я благодарна вам за то, что вы с пониманием отнеслись ко мне и к моему раненому мужу, графу. – Аманда не видела, но почувствовала, как у ее слуги от изумления открылся рот. – Похоже, у меня нет другого выхода...

– Ваш муж граф? – У хозяйки отвисла челюсть. – Значит, вы – графиня? – Она снова оглядела дорожный наряд Аманды, заляпанный грязью.

– А что вас смущает? – холодно спросила Аманда.

– Я видела из окна кухни, как вы подъехали, и не заметила герба на дверце кареты, – смутилась хозяйка.

– Если вы обратили внимание на мою одежду, то не могли не заметить, что мы в трауре. Поэтому мой муж предпочитает не путешествовать в карете с гербами. Но это сейчас не важно. Он может заболеть воспалением легких, если пролежит еще хоть немного в холодном экипаже. Ему нужен врач. Впрочем, если вас больше всего заботят чистые полы, то мы можем отправиться дальше, где нам окажут более теплый прием. Но предупреждаю, если его сиятельству почему-либо понадобится вернуться сюда, вам придется винить в своих неприятностях только саму себя. – Аманда раскрыла дорожный кошель. – Если вы не сможете достойно устроить графа, известного своей щедростью, вам останется лишь сожалеть об этом.

– Ваше сиятельство! – вскричала хозяйка, по пухлости кошелька Аманды решившая, что имеет дело по меньшей мере с женой пэра. – Прошу вас, не обращайтесь на меня внимания! Меня целый день мучает мигрень, и я плохо соображаю.

– Как называется этот городок? – сдержанно спросила Аманда.

– Хоршем, миледи.

– А как зовут вас?

– Миссис Бин, миледи. – Хозяйка присела в реверансе.

– Миссис Бин, вы не могли бы послать надежного слугу за врачом? Надеюсь, у вас в округе найдется врач?

– Конечно, миледи. Но сначала, наверное, нужно помочь вашим слугам перенести вашего мужа в комнату?

Аманда согласилась, решив, что слугам и вправду будет затруднительно перенести ее «мужа-графа» в отведенную им комнату.

Надменный тон Аманды, вид кошелька с деньгами и упоминание громкого титула произвели магическое действие на миссис Бин, которая в мгновение ока превратилась в радушную хозяйку, не знающую, как получше угодить новым постояльцам. Она предложила даже выгнать из самой большой комнаты поселившихся там людей и отдать ее в распоряжение графской четы. С поистине королевской снисходительностью Аманда отказалась от такой жертвы и не позволила миссис Бин тревожить других жильцов.

Когда джентльмена перенесли наконец в маленькую ком-

натку с низким потолком и уложили на кровать, Аманда склонилась над ним и тревожно взглянула в его бледное лицо. Он по-прежнему казался ей удивительно красивым, но его красота была холодна и неподвижна. Черты лица безупречны, но безжизненны, как у мраморной статуи. Аманда вдруг подумала, что он может умереть, и очень испугалась. Пока его тащили наверх по крутой узкой лестнице, он не проявлял никаких признаков жизни.

– Господи, до чего же он изможден, – сочувственно заметила миссис Бин и повернулась к Аманде: – А где же камердинер его сиятельства?

– Он... ему вдруг стало нехорошо, когда мы выезжали из дома, – с ходу придумала отговорку Аманда. – Внезапный жар. Мой муж очень добрый человек, поэтому он предпочел одеваться самостоятельно, чтобы не вынуждать несчастного слугу отправляться в длительное путешествие.

– Что ж, это говорит о том, что ваш муж действительно великодушный человек, – хмуро и недоверчиво отозвалась миссис Бин, считая такую заботливость явно чрезмерной. – Но теперь, когда ваш муж не в состоянии ни одеться, ни раздеться сам, это придется делать вам.

– Мне? – В глазах у Аманды потемнело, и она схватилась за столбик кровати, чтобы не упасть.

– Конечно, миледи. Не думаю, что будет разумно оставить его в этой грязной, промокшей насквозь одежде. Если поторопитесь, то успеете раздеть его и укрыть одеялом к то-

му моменту, как я приготовлю горячий ужин. – Хозяйка направилась к двери. – Я покормлю ваших слуг, прежде чем они отправятся спать на конюшню. – Тео, Джо и Харли в это время испуганно заглядывали в комнату через приоткрытую дверь, не решаясь войти. – Я велю горничной принести сюда побольше дров и подать вам ужин, – проговорила миссис Бин уже на пороге.

– Это было бы замечательно, миссис Бин. – Аманда расправила плечи и обратилась к слугам с вымученной улыбкой: – Отправляйтесь с миссис Бин на кухню и поужинайте. Я и мой муж... граф... будем здесь в полной безопасности.

Слуги вынуждены были подыгрывать Аманде, но делали это с большой неохотой, особенно Тео, который никак не мог решиться оставить госпожу наедине с незнакомым мужчиной, которого ей к тому же предстояло раздеть.

– Ну что, вы собираетесь ужинать или нет? – окликнула миссис Бин слуг. – Либо ешьте сейчас, либо отправляйтесь спать голодными!

Угроза подействовала только на Джо и Харли, которые стремглав бросились вниз по лестнице следом за хозяйкой. Тео дождался, пока они ушли, и просунул голову в дверь.

– Мисс, это не дело, – громко прошептал он. – Позвольте мне остаться и раздеть джентльмена.

– Нет, – решительно возразила Аманда, хотя предпочла бы уступить ему эту обязанность. – Миссис Бин может показаться странным, что я отказываюсь сама раздеть своего

мужа. А она должна поверить в то, что он мой муж, иначе мы окажемся на улице!

– Не окажемся. Просто ей нужно хорошо заплатить. Она, похоже, из тех, кто падок на звонкую монету.

– Но я уже сказала ей, что он мой муж, Тео.

– Еще вы сказали, что он граф, мисс, – неодобрительно покачал головой слуга.

– Это был единственный способ заставить старую ведьму отнестись к нам с должным почтением. А теперь, Тео, отправляйся ужинать!

– Но, мисс...

– Это приказ, – сердито ответила Аманда.

Наконец Тео удалился, всем своим видом выражая неодобрение. Аманда закрыла за ним дверь и повернулась к кровати. Предстоящая задача вызвала в ней необычайное волнение. Широкоплечий, худой и гибкий в талии молодой мужчина лежал поперек кровати, раскинув в стороны ноги и руки. Мускулистое, прекрасно вылепленное тело угадывалось сквозь тонкую ткань рубашки и брюк. Всего лишь взглянув на него, Аманда ощутила, как приятное, расслабляющее тепло растеклось по ее животу.

Она напомнила себе, что этот человек ранен и нуждается в ее помощи. Необходимо снять с него мокрую одежду прежде, чем он заболит. А если это занятие кажется ей несколько нескромным... или несколько непривычным, то остается лишь стиснуть зубы и приняться поскорее за дело.

Аманда глубоко вздохнула, склонилась над незнакомцем и обеими руками взялась за его правый сапог.

Глава 3

После первой попытки снять его она поняла, почему джентльмены нуждаются в помощи камердинеров, чтобы раздеться. Задача оказалась не из легких; справившись наконец с сапогами, она сняла с себя плащ и повесила его на крюк у двери, потому что пот лил с нее градом.

Аманда промокнула вспотевший лоб платком, разглядывая незнакомца и размышляя над тем, как лучше снять с него куртку – настоящее произведение портновского искусства – из алого бархата, плотно облегающую его плечи и мощный торс. Знаменитый Уэстон, мужской портной, создавая этот шедевр, и подумать не мог, что его придется снимать с неподвижного тела. Впрочем, камердинерам приходится производить такие операции регулярно, а потому Аманда попыталась воодушевить себя этим фактом.

– Как бы мне хотелось, чтобы вы очнулись, – бормотала она себе под нос, подкладывая обе руки под его правое плечо. – Хотя если бы это произошло, мне потребовалась бы уйма времени, чтобы объяснить, как мы оказались женаты. – Она толкнула его, пытаясь перевернуть на бок, но он не шелохнулся. – Судя по всему, это все же было бы легче, чем вас раздеть.

Она влезла на кровать и повторила попытку, навалившись на него всем телом. Она зарычала совсем не по-женски и,

перевернув его, уперлась в его спину коленом.

– Интересно было бы узнать, вы на самом деле лорд или нет, – ворчала она, стягивая куртку с его плеча и с трудом высвобождая руку из узкого рукава. – Судя по толщине вашего кошелька и аристократическому виду, пожалуй, так и есть. Возможно, я не сильно покривила душой, когда сказала этой старой ведьме, что вы граф.

Она справилась с первым рукавом, и теперь ей предстояло повторить тот же маневр с другим. Она перевернула его на спину, но вместо того, чтобы слезть с кровати, обойти ее и подобраться с другого боку, Аманда решила через него переползти. Тем более что на это потребовалась бы всего секунда.

К сожалению, она не приняла в расчет объемы своих нижних юбок. Ей пришлось высоко задрать их и обнажить колени, чтобы не запутаться в них и не свалиться с кровати.

Подобрав бомбазиновые юбки, она попыталась перекинуть через него ногу, но поскольку незнакомец лежал раскинувшись, ей не удалось преодолеть препятствие за один раз. Переступив через одно его бедро, она приготовилась перешагнуть через второе, но в этот момент дверь распахнулась, и на пороге появилась горничная с охапкой дров. Увидев знатную даму с высоко задранными юбками, сидящую верхом на мужчине, она сделала единственно логичный вывод: своим появлением она помешала любовному акту.

– О, миледи! – Горничная густо покраснела и потупи-

лась. – Простите! Я думала, что его сиятельство без сознания, поэтому и ворвалась так некстати...

Полная светловолосая горничная в скромном чепце растерялась, не зная, что делать в данной ситуации. Она робко покосилась на джентльмена, приготовившись встретиться с его разъяренным взглядом, но он лежал неподвижно, так что любому идиоту стало бы ясно – он не способен ни на какие любовные игры.

Горничная перевела изумленный взгляд на Аманду, которая замерла в той позе, в какой ее застали. Именно эта ее поза и вызвала румянец на щеках горничной.

– Это совсем не то, о чем вы подумали... – начала Аманда.

– Теперь, когда я вижу, что его сиятельство действительно не в себе, я не знаю, что и думать, – развела руками горничная.

– Мне нужна ваша помощь...

– Вряд ли я сумею помочь вам, миледи. – Смущенная девушка попятилась к двери.

Аманда устало вздохнула и села на его ногу, через которую так и не успела перелезть. Она уперла руки в бока и со строгим видом обратилась к служанке:

– Не будьте ребенком! Я просто пыталась снять с этого мужчины – моего мужа – куртку. Мне нужно раздеть его и уложить в постель до прихода врача. Скажите, приходилось ли вам когда-нибудь раздевать мужчину, который находится без сознания?..

– Нет, не приходилось, миледи. – Глаза горничной стали огромными от ужаса.

– Можете мне поверить, это очень трудно. Особенно если он такой большой, как этот... э... мой муж. Подойдите и помогите мне снять с него куртку. Не волнуйтесь, я не попрошу вас помогать мне с брюками.

Служанка положила на пол дрова и с опаской приблизилась к Аманде. Та слезла с кровати, оправила юбки и объяснила горничной, что ей надо сделать: снять куртку, галстук и серый жилет со множеством брелоков и цепочек. Оказалось, что сорочка под курткой и жилетом совсем не промокла, и Аманда про себя порадовалась, что не придется раздевать его догола хотя бы сверху. К сожалению, брюки промокли насквозь, и игнорировать этот факт не представлялось возможным.

Но тут горничная извинилась, подкинула дров в камин и поспешно удалилась.

– Трусиха, – сквозь зубы процедила ей вслед Аманда. Она снова повернулась к кровати и поджала губы. – Пожалуй, я сумею стянуть с него штаны, не покраснев, если сначала накрою его одеялом, – сама себе сказала она. – Может быть, на нем есть кальсоны, а может, и нет. Впрочем, я не намерена это выяснять. – Она нахмурилась. – Но в любом случае мне придется расстегнуть его брюки, иначе их не снять.

Надеясь, что ей удастся выйти без особых потерь из самого щекотливого и неудобного положения, какие ей при-

шлось пережить в жизни, Аманда склонилась над кроватью и дрожащими пальцами принялась расстегивать пуговицы на брюках. Она старалась не смотреть на внушительную выпуклость под гульфиком и не думать о той части мужского тела, в непосредственной близости от которой ей приходилось трудиться.

Рубашка была заправлена в брюки, поэтому Аманде не пришлось краснеть при виде голого мужского живота. Разве могла она подумать, что когда-нибудь окажется в таком ужасно неловком положении и будет расстегивать брюки на незнакомом мужчине! Правда, надо признать, на довольно красивом мужчине...

Ее взгляд снова остановился на его лице, и холодок ужаса пронзил ее сердце. Он был бледен как полотно, и даже шрам казался ослепительно белым. И он не шевельнулся и не проронил ни слова с тех пор, как назвал ее шалуньей – разумеется, в бреду. Он с тем же успехом мог назвать так тетю Нэн или тетю Прис, и все же Аманде очень понравилось, как он произнес это слово. Она была не прочь снова услышать его из уст незнакомца, но лишь для того, чтобы убедиться, что к нему возвращается сознание.

Аманда вздохнула и напомнила себе, что о быстром выздоровлении ее подопечного не может быть и речи, если она не поторопится и не снимет с него мокрую одежду. Она взяла теплое стеганое одеяло и завернула в него раненого, оставив торчать снаружи лишь ступни, после чего ухватилась за

обе штанины и стащила с него брюки.

– Слава Богу, с этим покончено, – облегченно вздохнула она. – Будем надеяться, что худшее позади!

У нее осталось несколько минут, чтобы привести себя в порядок перед приходом врача... Этот тучный джентльмен в поношенном коричневом сюртуке, щеголяющий пышными баками, как у Тео, и великолепными очками с толстыми стеклами, которые делали его похожим на старую мудрую сову, вошел в комнату без стука – как, похоже, было принято на этом постоялом дворе, – ворчливо поздоровался с Амандой, представился как доктор Бледсо и склонился над пациентом.

Он приподнял его веки и долго всматривался в зрачки, недовольно сопя, затем осмотрел рану под повязкой, приложил руку ко лбу больного, чтобы выяснить, нет ли жара, пощупал пульс и, наконец, выпрямился.

– Как его зовут? – строго спросил он у Аманды.

– Как зовут? – растерянно переспросила та.

– Да. Как зовут вашего мужа? – Доктор сурово сдвинул кустистые брови.

Аманда лихорадочно перебирала в уме титулы и знакомые фамилии, чтобы не попасть впросак, и наконец назвала имя, которое показалось ей наиболее подходящим.

– Это граф Торнфилд. – Судя по озадаченной мине врача, это имя было ему незнакомо. – Неужели вы никогда не слышали о нем? – с важной заносчивостью осведомилась Аманда.

да.

– Никогда. Впрочем, мне наплевать на то, что объявляет дворецкий, когда ваш муж приезжает на какой-нибудь бал. Я хочу знать, как его называете вы, дорогуша.

Фамильярный тон эскулапа удивил, но не обидел Аманду. Она решила, что не стоит строить из себя светскую даму в присутствии провинциального лекаря, тем более что сумела разглядеть в этом грубоватом человеке способность к искреннему состраданию и сразу почувствовала к нему доверие. Она хотела было сказать, что ее мужа зовут Джон, но внезапно ей в голову пришла причудливая фантазия, и она решила окрестить незнакомца именем своего идеального романтического героя, персонажа из недавно прочитанного романа.

– Его зовут Деметрий, – произнесла она, еле сдерживая улыбку. – А почему вы спрашиваете, доктор?

– Потому что в своем нынешнем состоянии он вряд ли сможет сообразить, что лорд Торнфилд – это он и есть. Вам так не кажется, дорогуша?

Аманда кивнула, прекрасно понимая, что сейчас он не отзовется ни на одно из придуманных ею имен.

Врач промыл рану и сменил повязку, затем склонился над пациентом и громко позвал его:

– Деметрий! Деметрий, вы меня слышите? – Больной не шевельнулся. Тогда Бледсо повернулся к Аманде: – А знаете ли вы, дорогуша, что ваш муж сильно пьян?

– Да, я знаю. Может быть, он именно поэтому до сих пор не пришел в себя?

– Не думаю, – с хмурым видом покачал головой врач. – Впрочем, это ничего не меняет. У вашего мужа сотрясение мозга. Могут быть осложнения.

– Какого рода осложнения? – От страха по спине у нее побежали мурашки.

– Говоря по-простому, внутреннее кровотечение увеличивает мозговое давление, и это может привести к коме.

– Господи! – Аманда пришла в ужас.

– Я сказал лишь, что это может случиться, дорогуша. Считаю, что вы должны быть готовы к худшему, хотя вовсе не утверждаю, что эта беда обязательно постигнет вашего мужа. – Он внимательно и со знанием дела оглядел пациента. – С виду он в прекрасной физической форме. Сколько ему лет?

– Э... тридцать, сэр. – Аманда надеялась, что приблизительно угадала его возраст, и с облегчением перевела дух, когда доктор удовлетворенно кивнул.

– Молодой. Совсем молодой. По правде говоря, я не сомневаюсь, что он поправится очень быстро, хотя не исключены временные провалы в памяти и нарушение мозговой деятельности. Но должен предупредить, что вам предстоит беспокойная ночь, дорогуша.

– Что вы имеете в виду, доктор? Ведь он лежит совсем неподвижно!

– Его может бросить в жар, не исключен бред и болезненное возбуждение. Если это произойдет, вы должны будете протирать ему виски уксусным раствором. Разденьте его до гола и не кутайте ни в какие одеяла. Даже простыни не нужно. Чем сильнее он замерзнет, тем быстрее понизится температура. Давайте только ячменный отвар, если он попросит пить или есть, и постарайтесь сделать так, чтобы он не испытывал никаких неудобств.

– Хорошо, доктор. – Аманда залилась краской смущения при мысли о том, что ей, возможно, предстоит сделать для спасения незнакомца.

Бледсо взялся за ручку своего потрепанного саквояжа, и впервые в жизни Аманда вдруг испытала неподдельный страх за жизнь другого человека. Она вцепилась в рукав доктора. В ее глазах застыла мольба.

– Вы уже уходите? Но как же я управлюсь с ним одна? Он очень сильный и... такой большой. Что, если я сделаю что-нибудь не так?

– На всем свете не найдется человека, который управится с ним лучше вас, дорогуша. – Доктор с ободряющей улыбкой похлопал ее по руке. – Поговорите с ним ласково, с любовью. Ваш голос и знакомые прикосновения успокоят его. Я абсолютно уверен в том, что сиделка из вас получится отличная. Не волнуйтесь, вы все сделаете правильно. Просто постарайтесь помочь ему справиться с лихорадкой, помолитесь за него, а завтра утром я обязательно к вам загляну.

Теперь уже было поздно признаваться, что она вовсе не любящая жена этому раненому джентльмену; любые объяснения прозвучали бы неубедительно и вызвали подозрение. И хотя идеальной сиделкой она тоже не была, во всем доме не нашлось бы человека, который захотел бы возиться с раненым. Кроме того, она считала себя в некотором роде виновной в этом несчастье и внушила себе, что несет ответственность за дальнейшую судьбу этого человека. Ей не хотелось, чтобы он умер.

Если отбросить все разумные доводы, которые вынуждали ее играть роль жены незнакомца, главным в этом деле оказывалось то, что ей просто понравилась эта роль. Ей нравилось, что ее считали женой такого привлекательного мужчины, женщиной, чей голос и само присутствие могут стать лучшим лекарством для него. Она почувствовала себя особенной, необходимой и нужной. Она почувствовала себя чьей-то любимой женой, каковой ей, возможно, никогда не придется стать...

После ухода доктора Аманда наспех съела кусок холодного мяса, тарелку супа с ломтем хлеба и велела принести в комнату раскладную кровать. Затем она умылась и причесалась, то и дело с опаской поглядывая на своего подопечного, который в любую минуту мог начать метаться по кровати и что-нибудь бормотать в бреду. Однако ничего пока не происходило, он лежал неподвижно, а Аманда время от времени касалась его лба рукой, но не обнаруживала никаких

признаков жара.

В девять часов в дверь постучали, и вошел Тео.

– Я думала, ты уже устроился на ночь, – удивилась она. – Жаль, что не удалось раздобыть для вас комнату в доме, но...

– Благодарю вас, мисс, но меня не очень-то волнуют условия, в которых я буду спать. – Тео бросил хмурый взгляд через плечо Аманды на кровать, где лежал раненый. – Меня волнует то, где будете спать вы.

Она тоже оглянулась на кровать, где из-под легкого покрывала виднелся обнаженный мощный торс мужчины, чем-то напоминавшего римского воина.

– Ничего не поделаешь, Тео. Я ответственна за его жизнь, а теперь, когда пришлось обмануть хозяйку и доктора Бледсо, мне придется играть роль его жены.

– А что вы станете делать, когда он очнется, мисс?

– Я расскажу ему правду и узнаю, как связаться с его родными. Будем надеяться, что он все же очнется. Доктор предупредил, что он может впасть в кому. Если это уже не произошло, – мрачно усмехнулась она.

– Почему вы не позволяете остаться с джентльменом на ночь мне, мисс?

– Согласись, это будет выглядеть странно, Тео. Кроме того, я сама хочу остаться с ним. Я беспокоюсь о нем. После того как я его раздела... – тут они оба отвели глаза, чтобы не встретиться взглядом друг с другом, – он не доставлял мне никаких хлопот. Доктор сказал, что у него может быть жар и

бред, но я уже начинаю сомневаться в том, что это когда-нибудь случится. Мне даже хотелось бы, чтобы он начал бредить. Я была бы рада любому признаку жизни.

– Вот будет номер, если он помрет, не правда ли, мисс? Он и сейчас лежит, как покойник. Хоть бы пошевелился, что ли. А что мы будем делать с телом? Мы не сможем похоронить его, не сообщив констеблю о несчастном случае. А он наверняка захочет опознать тело.

– Не говори так, Тео. – Аманде стало дурно от разговора о «теле» и похоронах. – Если этот джентльмен умрет, наши проблемы будут ничтожны по сравнению с его проблемами. Он слишком молод, чтобы умирать!

– Слишком уж вы расчувствовались из-за него, мисс. А ведь вы его совсем не знаете. По мне, так он больше всего похож на мошенника!

– Чего это ты расквохтался, как наседка! – возмутилась Аманда. – Мошенники могут выглядеть как угодно. А вдруг он епископ местной церкви, подгулявший по случаю какого-нибудь праздника?

– Ну тогда и свиньи умеют летать, – мрачно пробормотал Тео, которому такое предположение показалось просто смехотворным.

– Ладно, отправляйся спать. Может быть, рано утром нам придется отправиться в путь. Я хочу, чтобы ты был свежим и бодрым.

Тео неохотно направился к двери, по пути несколько раз

оглянувшись на нее. Она держалась в присутствии слуги уверенно и храбро, но, закрыв за ним дверь, почувствовала, что сердце у нее колотится от страха. Она сама обрекла себя на одиночество этой ночью, обещавшей любые сюрпризы.

Аманда подошла к кровати и пристально взгляделась в лицо незнакомца. Его неподвижные черты показались ей по-мальчишески невинными, почти ангельскими. Она еще раз потрогала его лоб и пощупала пульс. Жара не было, сердце билось ровно, хотя и слабо.

Усевшись в кресло-качалку возле камина, она укрыла ноги теплым пледом. На ночном столике горела единственная свеча, мягко освещая лицо раненого и его волосы, отливающие синевой на фоне белоснежной наволочки.

Аманда тихонько покачивалась в кресле, размышляя о мужчине, который едва не погиб под копытами ее лошадей. Интересно, как его зовут, знатен ли он, как она это придумала, где живет, почему оказался один среди ночи на пустынной дороге в отвратительно пьяном виде и, главное, существует ли какая-нибудь женщина, которая ждет его и которую волнует его внезапное исчезновение?

Она покачала головой и улыбнулась своим мыслям. Может быть, Тео и прав. Может быть, он и вправду мошенник, сердцеед, коварный обольститель, чей жизненный путь усеян бесконечной вереницей разбитых женских сердец.

Как бы там ни было, но невозможно даже представить, что исчезновение такого мужчины пройдет не замеченным хотя

бы для одной представительницы прекрасного пола.

* * *

– Что значит исчез?! Он не мог исчезнуть! Что это за свадьба без жениха! Знаете, что я вам скажу... это скандал. Вот что это такое!

Сотни свечей в хрустальной люстре освещали гостиную огромного особняка на Грейт-Стэнхоп-стрит и бледные, растерянные, недоумевающие лица тех, кто в ней находился, – двух потрясающе красивых женщин и двух мужчин, один из которых был хозяином этого дома.

С точки зрения всех участников этой сцены, по накалу страстей напоминавшей отрывок из греческой трагедии, основной фигурой в ней была пышная дама средних лет в красновато-коричневом шелковом платье, полулежавшая в шезлонге с флакончиком нюхательной соли, поднесенным к носу. Еще один участник этой сцены, высокий господин, стоял возле двери. Он не захотел, чтобы о нем доложили, и теперь тайно наблюдал за тем, что происходило в гостиной.

– Как это похоже на Джексона Монтгомери, – простонала леди Батсфорд, прижимая к своей необъятной груди платок, пропитанный лавандовым маслом. – Он всегда был шалопаем. И как только твой отец позволил ему ухаживать за тобой, Шарлотта!

– Послушай, Теодора, – сэръ Томас Батсфорд густо покрас-

нел и покинул свое излюбленное место у камина, где обычно наслаждался трубкой, – любой в этой комнате может подтвердить, что ты хотела этого брака для нашей дочери с тех самых пор, как она впервые высунула нос из классной комнаты. Ей еще тринадцати не было, когда ты заказала для нее бальные платья у мадам Симон и заставила ее брать уроки танцев у этого тщедушного торговца антраша и прочими прыжками... Андре... или как его там! И все это с расчетом именно на Джексона Монтгомери!

Глаза леди Батсфорд едва не вылезли из орбит, а грудь взволнованно заколыхалась, когда она услышала предательскую речь мужа, ставшую для нее настоящим ударом.

– Томас, как ты можешь так говорить со мной? Разве ты не знаешь, что у меня слабые нервы? – Ее голос задрожал от возмущения. – Как ты смеешь обвинять в этом ужасном фиаско меня!

– Если в этом и есть чья-либо вина, то только моя, – сокрушенно заметил со своего места Роберт Гамильтон. Он сидел на обитой дамасским шелком софе рядом с Шарлоттой и сжимал ее руку в своих ладонях. – Мне следовало не спускать с него глаз всю ночь! Но я всего на минуту отлучился на кухню, чтобы раздобыть что-нибудь поесть. А он в это время незаметно исчез. Мы обыскали окрестности на много миль вокруг, но все оказалось напрасно!

– Вы не должны винить себя, Робби, – утешила его Шарлотта. Она была бледна и молчалива, но ей удавалось сохра-

нять самообладание лучше, чем всем остальным. – Кто мог предположить, что он заблудится.

– Если только произошло именно это, – еле слышно проговорила леди Батсфорд.

– Мама, – Шарлотта с достоинством выпрямилась, и ее глаза гневно блеснули, – надеюсь, ты не думаешь, что Джек решил сбежать из-под венца и сыграл с нами такую... жестокую шутку? – В ее голосе прозвучали стальные нотки. – Согласна, что он легкомыслен и взбалмошен, но на такую подлость он не способен.

– Ты права, Шарл, – поддержал ее Роб. – Не нужно очернять его характер сверх меры. Я лучше любого другого знаю, на что Джек способен, а на что нет. Он известен своими проделками и плутнями, но он никогда бы не обманул Шарлотту... даже если бы был...

Все повернулись к нему и выжидающе замолчали. Роб понял, что сболтнул лишнее, и смущенно поджал губы.

– Даже если бы – что? – спросила Шарлотта.

В этот момент Джулиан решил, что пришло время обнаружить свое присутствие. Он бесшумно преодолел расстояние, отделявшее его от софы, и заговорил прежде, чем присутствующие успели его заметить.

– Уверен, что Роберт слишком смущен, чтобы закончить начатую фразу, – начал он, наслаждаясь эффектом, который произвело на всех его неожиданное появление. – А фраза должна была звучать так: «Джек никогда бы не обманул

Шарлотту, даже если бы был пьян, как свинья». Я узнал, что Джек остановился в королевском шатре. Проведя целый день в обществе принца и его распутной компании, мой маленький братец не мог не напиться до потери сознания. Я прав, Роб?

– Черт побери, лорд Серлинг, почему вы всегда подкрадываетесь незаметно? – Роб, вскочив, повернулся к Джулиану.

– А разве вы не посылали за мной? – На лице Джулиана отразилось легкое недоумение. – Вы оставили для меня записку у Уайта с просьбой как можно скорее явиться в дом Батсфордов.

– Я удивлен, что вы пришли, милорд, – отозвался Роб с оттенком недовольства.

– А я и не пришел бы... если бы вы не упомянули имя моего брата в связи с некоей неприятностью. Поскольку я несу ответственность за этого беспутного малого, как я мог проигнорировать вашу просьбу?

Джулиан поднес к глазам лорнет и надменно уставился с высоты своего роста на Роба. Тот смутился и вынужден был отвести взгляд. Джулиан с самодовольным видом достал из кармана табакерку и вдохнул щепотку табака. Он знал, что Джек обязан Роберту Гамильтону жизнью. Лишь по этой единственной причине он соглашался терпеть рядом с братом этого пронырливого сморчка.

Роб был карьеристом и пустомелей, склонным ко всяческому вредным и опасным излишествам. Он давно промотал

то небольшое состояние, которое выделил ему некий мистический «дядюшка» из Йоркшира. Ни одно из этих качеств Роба не удовлетворяло придирчивым требованиям Джулиана. Он подозревал, что у того есть еще более ужасные тайные пороки, что этот человек аморален и наверняка непорядочен. Однако доказательств у него не было. К сожалению, этот проходимец был близок с его братом, который уже довольно давно подпал под его тлетворное влияние.

– Я уже многое услышал, Роб, так почему бы вам наконец не рассказать в подробностях, что же на самом деле произошло? – Джулиан выжидающе скрестил руки на груди. – Я бы хотел услышать вашу версию происшедшего.

Роб не заставил себя долго упрашивать, и вскоре все узнали о событиях того злосчастного дня.

– Лорд Серлинг, разве это не ужасно? – воскликнула Шарлотта, когда Роб закончил свой рассказ. В ее больших зеленых глазах, которые так гармонировали с пышными золотисто-каштановыми волосами, вспыхнуло неподдельное отчаяние. – Что с ним могло случиться? Я так боюсь, что он оказался в руках... бесчестных людей! – При этих словах ее голос задрожал, а на глаза навернулись слезы.

Джулиан был тронут до глубины души. При том что он неодобрительно относился к большинству затей младшего брата, его помолвка с Шарлоттой Батсфорд стала для него приятной неожиданностью. Шарлотта, несомненно, обладала целым рядом достоинств, несмотря на то что перед глаза-

ми у нее был неутешительный пример матери, а попытки отца обуздать властный нрав жены неизменно заканчивались неудачей.

До появления Шарлотты Джулиан долгие годы с завидным терпением наблюдал за тем, как Джек растрчивает сердечный пыл и свое состояние на бесчисленных красоток, отказываясь брать пример со старшего брата, который умел устраивать свои романтические отношения с безупречным тактом, что позволяло ему, расставаясь с подружками, сохранять с ними дружеские отношения. Джек, как правило, смеялся над братом, называя его осколком британского айсберга, после чего хлопал по плечу и предлагал купить ему бутылку виски.

На войне Джек проявил себя храбрым офицером, который никогда не приказывал своим подчиненным делать то, чего сам делать бы не стал. Его отправили домой после тяжелого ранения в колено. Он несколько месяцев проходил с тростью, да и теперь иногда прихрамывал, если уставал или был пьян.

Джек был на редкость щедр, любил шутки, веселые розыгрыши и женщин. Но прежде всего он был честен и благороден.

Внешне, как и по многим чертам характера, Джулиан и Джек были не похожи друг на друга так же, как день и ночь. Джулиан был светловолос, как викинг, а Джек – смугл и черен, как цыган. Но это не мешало им прекрасно ладить друг

с другом, как и подобает братьям. Глубокая привязанность Джулиана к брату скрывалась за фасадом светской невозмутимости, но его оскорбил намек леди Батсфорд, что Джек способен пренебречь своим долгом и устроить такой переполох только для того, чтобы избежать брачных уз.

Джулиан сразу догадался, что своим как бы невольно вырвавшимся и намеренно оборванным на полуслове высказыванием Роб хотел намекнуть собравшимся, что Джек сожалеет о своей помолвке. Несомненно, Роб преследует собственные интересы. Он мечтает оказаться на месте Джека, хотя одному Богу известно, почему он решил, что Шарлотта или ее родители согласятся на их брак. Джулиана поражало самомнение этого ничтожного человека.

Может быть, Джек действительно сожалел о помолвке. Может быть, он даже признался в этом Робу. Но Джек ни при каких обстоятельствах не отказался бы жениться, будучи помолвленным! Джулиан, как и Шарлотта, опасался худшего – что с братом случилось несчастье. Никакого другого объяснения его внезапному и странному исчезновению он не находил.

– Я не стану смущать ваши чувства и разум, мисс Батсфорд, заверениями, что беспокоиться не о чем, – помолчав, сказал Джулиан. – Считаю, что у нас есть все основания для беспокойства.

Шарлотта побледнела еще сильнее, и из уголка ее глаза скатилась слезинка. Она смущенно отвернулась и быстро

достала платочек, чтобы уничтожить следы своей слабости. Эта трогательная попытка совладать со своими чувствами умилила и восхитила Джулиана. Он терпеть не мог слезливых истеричек. Но было очевидно, что горе и отчаяние Шарлотты непритворны.

– Зачем вы пугаете ее, Серлинг? – сквозь стиснутые зубы процедил Роб. Он придвинулся к Шарлотте и снова взял ее руку в свою. – Я уверен, он скоро вернется. Он всегда возвращается, как заколдованный пенни, – пошутил он, стараясь ее развеселить.

Шарлотта попыталась улыбнуться в ответ, но тут же подняла глаза на Джулиана:

– Вы сказали, что есть основания для беспокойства, милорд... Но могу ли я надеяться по крайней мере на то, что в конце концов все завершится благополучно?

– Я очень рассчитываю на то, что вы будете надеяться, и на ваши молитвы, мисс Батсфорд. – Его теплая улыбка смягчила ее сердце. – Я встревожен, но надежды не теряю. И вообще, я намерен разыскать своего непутевого брата как можно скорее, где бы он ни находился.

Шарлотта с облегчением вздохнула. Она доверяла Джулиану безоговорочно, поэтому отняла свою руку у Роб и протянула ее брату будущего мужа. Роб хмуро наблюдал, как тот поднес ее руку к губам и поцеловал.

– Я приступлю к поискам завтра с утра и первым делом позабочусь о том, чтобы каждый уголок нашего великого

островного государства был тщательно обыскан, – произнес Джулиан деловито и сухо. – И начать нужно с западного Суссекса. Я буду держать вас в курсе дела, мисс Батсфорд, – учтиво поклонившись, пообещал он.

– Я могу быть вам чем-нибудь полезен? – выступил вперед сэр Томас.

– Спасибо. Но пока нечем. – Джулиан отвесил общий поклон, уделяя особое внимание леди Батсфорд, которая все это время молча просидела в шезлонге с посеревшим от тревоги лицом.

Джулиан был рад, что эта неумная и взбалмошная дама старалась не давать воли своему болтливому языку в течение его краткого визита и ему не пришлось осаживать ее какой-нибудь колкостью. Для леди Батсфорд исчезновение Джека означало всего лишь скандал в свете и было сопряжено с необходимостью этим же вечером разослать сотни уведомлений о том, что свадьба откладывается на неопределенный срок. Ей было безразлично, жив он или мертв, и даже то, что его, опоив, могли отправить простым матросом в плавание к берегам Китая.

А вот Джулиану это было не безразлично. Совсем.

Глава 4

– Сзади, Эванс! Черт побери, оглянись же! Но-о-о!

Аманда в ужасе проснулась и сначала не поняла, где находится. Ее взгляд тревожно блуждал по комнате до тех пор, пока она вдруг не вспомнила все, что с ней приключилось: не запланированную заранее поездку на Торни-Айленд, несчастный случай, красивого незнакомца, визит врача.

Она выпрямилась и потянулась. Единственная свеча, которую она оставила у изголовья больного, давно догорела. Комнату освещали лишь тлеющие в камине угли. Около полуночи она прилегла на раскладную кровать, чтобы немного вздремнуть, и провалилась в беспробудный сон.

Она торопливо отщелкнула крышку часиков, висевших у нее на поясе, и поднесла циферблат поближе к огню. Господи, три часа ночи!

– Слишком уж вы доверились мне, доктор, – пробормотала она, с трудом поднимаясь на ноги. – Вы говорили, что я все сделаю правильно. А я бросила вашего пациента на целых три часа, и теперь одному Богу известно, в каком он состоянии!

Она стремительно преодолела небольшое расстояние до кровати, где лежал незнакомец. Было слышно, как он ворочается с боку на бок, и Аманда торопливо зажгла свечу на

ночном столике. Ее поразило его вид: теперь он не был похож на безжизненное мраморное надгробие самому себе, напротив, он метался в жару и секунды не мог пробыть без движения.

Его черные волосы взмокли от пота, губы запеклись, а рубашка прилипла к телу. Из его обрывочных и зачастую нецензурных выражений она поняла, что в бреду он заново переживает события какого-то давнего сражения.

Терзаемая чувством вины и страхом, что из-за ее халатности незнакомец, быть может, оказался на волосок от смерти, Аманда принялась за работу с удвоенным рвением. Она отбросила одеяло, исполненная решимости строго следовать указаниям врача, даже если это приведет к тому, что она доглатит сторит от стыда. Ведь Бледсо велел ей раздеть больного догола, если у него начнется лихорадка.

Аманда прикусила губу, когда ее взору открылись длинные, мускулистые мужские ноги, верхнюю часть которых едва прикрывал край рубашки. Теперь она знала, что этот джентльмен не имеет обыкновения носить нижнее белье. Впрочем, еще немного, и это будет уже не важно. Ей предстоит снять с него рубашку, и он останется лежать перед ней голышом, как младенец... правда, с прекрасно развитым телом взрослого мужчины.

Аманда нервно сглотнула и постаралась отнестись к этому обстоятельству хладнокровно, как подобает профессиональной сиделке. Она принялась расстегивать пуговицы на

вороте, но они были очень маленькими и выскальзывали из ее дрожащих пальцев. Тогда она наклонилась ближе, чтобы получше их разглядеть.

В тот момент, когда рубашка была уже наполовину расстегнута, а все внимание Аманды было поглощено видом его обнаженной груди, незнакомец вдруг поднял руку, обхватил ее за плечи и прижал к груди. Она уткнулась носом в жесткую поросль и ощутила на своей щеке прикосновение твердого соска. Она уперлась в его грудь обеими руками и попыталась отстраниться.

– Нет, Лаура, – проговорил он глухо. – Не уходи, любовь моя. Ты нужна мне. Нужна мне...

И вдруг он выпустил ее так же неожиданно, как только что схватил. Аманда немедленно выпрямилась и поспешила закончить с пуговицами, чтобы не дать ему возможности снова напасть на нее и прижать к себе.

Укоряя себя за непростительное плотское любопытство, которое заставило ее восхищаться его физическими достоинствами, вместо того чтобы спасти ему жизнь, Аманда решительно стащила с него рубашку, не допуская ни единой посторонней мысли, взгляда или эмоции. Снять рубашку оказалось куда легче, чем брюки, тем более что теперь раненый не лежал неподвижно, а безостановочно размахивал руками.

Аманда взяла с комода плоскую с уксусным раствором и заранее приготовленную тряпицу. Как следует намочив ее,

она на мгновение растерялась, не зная, как удобнее подступиться к джентльмену, чтобы растереть его, не глядя на «ту часть» тела. Наконец она решила, что пение псалмов поможет ей отвлечься от ненужных мыслей, а заодно и побороть недуг незнакомца.

Она старательно отжала тряпицу и приложила ее к его пылающему лбу. Он тут же благодарно замычал. А когда она принялась тихонько напевать, то почувствовала, как ее пациент начал успокаиваться.

Возможно ли это? Неужели она действительно способна облегчить страдания чужого человека? Решив, что не ее голос, а слова псалма производят на него такое магическое действие, она запела чуть громче. А вдруг она имеет дело со вполне уважаемым, религиозным человеком, которого псалом способен воодушевить?

Она провела тряпицей по его скуле, где уже начинала пробиваться черная щетина, по губам, затем по шее, которая оказалась жилистой и мощной, плавно переходящей в широкий разворот плеч. Она снова намочила ткань и растерла ему плечи и грудь, бессознательно обходя маленькие, цвета красного вина, соски.

Здесь ей пришлось на мгновение прекратить пение, чтобы перевести дух, после чего она снова запела, громче и решительнее, на этот раз уже не думая о нем, а только для того, чтобы подбодрить себя при приближении к той части его тела, которой, как она пыталась притвориться, вообще не су-

ществует.

Но она существовала, и, проведя влажной тканью по его плоскому животу, Аманде наконец пришлось с этим смириться.

У нее сдавило горло, и она не смогла продолжить пение. Аманда никогда прежде не видела обнаженных мужчин. Правда, однажды, когда она рылась в отцовской библиотеке в поисках какой-то нужной ей книги, ей попался на глаза том медицинской энциклопедии со сравнительными иллюстрациями мужского и женского физического строения. Но несмотря на то что вовсе не подготовленной назвать ее было нельзя, сейчас вид этого органа сразил ее наповал. Она не могла отвести от него взгляда, и он почему-то совсем не вызывал у нее отвращения.

– Грета?

Аманда устыдилась своего неприличного любопытства, когда незнакомец вдруг заговорил.

– Почему ты перестала это делать, Грета? – жалобно протянул он. – Мне нравится, когда ты моешь меня, сладкая.

Очевидно, в бреду он легко переносился с поля битвы в спальню какой-нибудь красотки. Аманда задумалась о том, что стало с Лаурой, которую он упоминал всего минуту назад, и предположила, что она канула в небытие, не сумев поделиться с ним возвышенной религиозностью своей несчастной души. Видимо, Тео был не так уж не прав, утверждая, что под колеса их экипажа угодил скорее мошенник и бес-

путный повеса, нежели благочестивый пастор.

Она провела влажной тканью по его ногам и наткнулась на огромный уродливый шрам на правом колене. От неожиданности она вздрогнула и невольно поморщилась, представив себе, насколько ужасной была эта рана. Она несколько раз протерла его уксусом с головы до кончиков пальцев на ногах, и примерно через час после этих интимных процедур его кожа заметно похолодела и приобрела нормальный цвет. Аманда взглянула на себя в зеркало и обнаружила, что зато сама она как-то странно порозовела.

А разве могло быть иначе? Ведь она только что подробно ознакомилась со строением мужского тела, да еще на таком великолепном примере. Теперь каждая родинка, каждая косточка, каждый мускул этого тела навсегда останутся в ее памяти. До конца жизни она не сможет забыть этого прекрасного, обнаженного и так нуждающегося в ее помощи незнакомца.

Его вид, беспомощный и возбуждающий одновременно, будоражил ее и доставлял удовольствие. Она понимала, что не должна на него смотреть... но ей нравилось смотреть на него...

Для Аманды эта ночь оказалась очень длинной. К счастью, жар спал, и она смогла снова укрыть незнакомца одеялом. Он продолжал метаться в бреду, бормоча имена каких-то женщин. В зависимости от того, к кому из них он обращался, на его губах играла то куртуазная улыбка, то недву-

смысленная усмешка, то выражение ласковой нежности. У Аманды больше не оставалось сомнений: независимо от того, был ли ее подопечный женат, его вполне можно было причислить к категории дамских угодников.

На рассвете он провалился в глубокий спокойный сон. Он больше не был похож на покойника, чинно лежащего в гробу, напротив, он перевернулся на бок, подтянул колени к животу и сложил руки у груди. Аманда немного успокоилась, но, опасаясь рецидива, решила не ложиться спать и подтащила кресло поближе к кровати.

Просидев в нем несколько минут, она вдруг поняла, что в комнате очень холодно. Она подложила в камин дров и раздула угли. Вернувшись в кресло, она устроилась в нем с ногами и завернулась в плед.

Ей пришло в голову, что теперь, когда лихорадка отступила, ее подопечному, должно быть, холодно, но он спит слишком крепко, чтобы осознать это. Ведь он был накрыт всего лишь простыней и тонким одеялом. Она поднялась и укутала его толстым пледом, который был сложен в ногах.

Подтыкая плед под его заросший щетиной подбородок, она не удержалась и склонилась к нему, чтобы полюбоваться видом глубоких теней, которые отбрасывали его ресницы на смуглые щеки. Она простояла над ним очень долго. Неожиданно из-под одеяла вынырнула его рука, обхватила ее за плечи и притянула к себе.

– Ложись со мной, красавица, – глухо пробормотал он.

– Я не могу, – ответила Аманда задыхаясь и попробовала отстраниться.

– Не дразни меня, Анджела. – В уголках его губ дрогнула еле заметная улыбка. – Я знаю, что ты этого хочешь. А мне так холодно...

Аманда подумала, что для того, кто находится без сознания, он слишком силен. Она крутилась и изворачивалась, но он лишь крепче сжимал ее в объятиях.

Долгая бессонная ночь отняла у нее все силы, и она отказалась от дальнейшего сопротивления. К тому же объятия этого мужчины доставляли ей удовольствие. К слову сказать, с ней прежде никто никогда так не обращался. Несмотря на то что он называл ее Анджелой, его руки согревали и успокаивали ее.

Аманда смирилась с неизбежностью, прилегла рядом с ним на кровать, подтянула к себе плед из кресла и, уткнувшись в плечо незнакомца, заснула безмятежным сном.

* * *

Джеку снился сон. Он был в церкви, и ангел в прозрачном белом одеянии кружил у него над головой, распевая гимн под аккомпанемент золотой арфы. Лицо ангела было скрыто вуалью, но голос этого неземного создания действовал на него умиротворяюще.

И вдруг оказалось, что это вовсе не ангел, а его невеста...

идет к алтарю в платье с длинным шлейфом, покачивая головой в такт торжественному маршу.

Он стоял у алтаря и ждал... и обливался липким потом... и содержимое его желудка мягко колыхалось, как сливки в маслобойке. Он оттянул пальцем тугой воротничок, чтобы глотнуть воздуха. Он задыхался, но не мог заставить себя дышать, потому что не пройдет и минуты, как он будет необратимо женат. Женат. Женат!

Он сделал отчаянную попытку проснуться, разорвать черную пелену бреда, пока не поздно... пока он не оказался в расставленной пастором ловушке.

Чернота постепенно превращалась в серый туман, сквозь который стали пробиваться пятна света, но открыть глаза не было никаких сил. Веки налились свинцом, горло пересохло, как охапка соломы, долежавшей до зимы, а в висках стучал барабан с монотонностью похоронного марша.

Наверное, он слишком много выпил накануне... да еще и веселился всю ночь напролет. Теперь приходится за это расплачиваться. И когда только он научится умеренности?

С огромным трудом он разлепил веки и сощурился, оттого что в глаза ему сквозь тонкую шторку на окне бил солнечный свет. Похоже, он находится в комнате какой-то дешевой гостиницы.

Постепенно глаза его привыкли к яркому свету, а вслед за этим к нему вернулись и остальные чувства. Он вдыхал запах свежего постельного белья и еще чего-то сладкого и

волнующего. Очень похожего на запах... женщины.

Он скосил глаза и сразу обнаружил источник этого запаха. Он исходил от волос... светлых и пушистых, копна которых лежала у него на плече.

Его дедуктивные способности, как оказалось, не были полностью утрачены под воздействием алкоголя, и он сообразил, что под волосами должно находиться лицо, а еще ниже – тело. Оставалось надеяться, что и то, и другое очаровательно.

Он нахмурился. Ему никогда не изменял вкус в том, что касалось женщин, но, убей Бог, эту он вспомнить не мог. Пожившись, он стал ждать, когда к нему вернется память. Это было не первое утро в его жизни, когда он просыпался полностью лишенный мыслительных и прочих способностей.

Впрочем, одна из его способностей, похоже, не утратилась. Под одеялом он был совершенно голый и... возбужденный.

Женщина, которую он держал в объятиях, была одета и лежала поверх одеяла, что казалось странным, но он готов был дождаться объяснений. Тем более что теперь он с радостью повторил бы то, что они уже наверняка делали и чего он, к сожалению, совсем не помнил.

Он склонился и поцеловал ее в макушку, но этот легкий наклон головы почему-то причинил ему острую боль и заставил поморщиться.

– Черт бы побрал эту выпивку, – процедил он сквозь зубы.

Боль постепенно утихла, но он решил, что пока безопаснее шевелить руками, нежели головой. Он принялся медленно исследовать формы женского тела, начав с пышных бедер и плоского живота, и подбираясь к твердым округлым грудям. Грудь оказалась и вправду великолепной: не слишком большой, но и не маленькой, как раз такой, как надо...

Женщина тихонько застонала во сне и перевернулась, и теперь он смог разглядеть ее лицо. Странно, но на нем не было и следа косметики, какой обычно пользуются девицы, обслуживающие клиентов в дешевых гостиничных номерах. Он почувствовал, что возбуждение его растет и что пора разбудить Спящую красавицу вошедшим в историю поцелуем.

Но как только он склонился к ее лицу, она вдруг открыла глаза. Чудесные голубые глаза с густыми длинными ресницами. И в глазах этих был ужас.

– Боже мой! – взвизгнула она и, оттолкнувшись от его груди обеими руками, скатилась с кровати и вскочила на ноги. – Что вы себе позволяете?

Джек удивился и смутился. Он сел на постели, причем одеяло съехало ему на талию, и в этот момент... его голова разлетелась на куски.

Мгновенный приступ мучительной боли поразил его как удар молнии. Он зажмурился и изо всех сил попытался не провалиться в черную бездну беспамятства, грозившую снова его поглотить. Он должен был любой ценой избежать темноты... и своего кошмарного сна.

Его голова бессильно упала на подушку, и он инстинктивно потянулся к источнику боли. Как только его пальцы коснулись повязки, в запястье ему вцепились холодные женские пальцы.

– Не трогайте рану! – услышал он умоляющий голос. –
Прошу вас, сэръ, кровотечение снова может открыться!

– О чем, черт побери, вы говорите? – Он с трудом открыл глаза.

– Вы что, забыли, что с вами произошел несчастный случай? – удивилась она.

Джек почувствовал, что не может говорить: его тошнило, а язык прилип к небу.

– Мне нужно что-нибудь выпить, – буркнул он и замолчал, до скрипа стиснув зубы. Нельзя поддаваться обмороку, он должен во что бы то ни стало остаться по эту сторону реальности.

– Вот, выпейте это, – Женщина поднесла к его губам чашку и осторожно наклонила ее.

Жидкость смочила его горло, и жажда отступила. Но как только он распробовал напиток, его желудок тут же сжался, отторгая его. Он оттолкнул кружку.

– Что это за дрянь? – Поморщившись, он вытер рот ладонью. – Пойло из корыта для свиней?

Незнакомка неодобрительно поджала губы и сурово подбоченилась.

– Я не привыкла к тому, чтобы джентльмены позволяли

себе подобные выражения в моем присутствии, сэр. Поэтому я прошу вас держать себя в руках, пока мы вынуждены терпеть общество друг друга. К вашему сведению, то питье, о котором вы только что так брезгливо отозвались, это лекарство, прописанное вам доктором. Он велел дать его вам, как только вы сможете пить.

– Я не стану это пить. Я бы лучше...

– Я знаю, «что» бы вы лучше! – сварливо перебила его она. – Но этого вы и так накануне выпили чересчур много. Может быть, если бы вы не были так пьяны, несчастья удалось бы избежать и мы оба не оказались бы сейчас в таком дурацком положении.

Только теперь Джек начал понимать, что перед ним не потаскушка. Он никогда не видел потаскушек в строгих траурных платьях. Да и никакая потаскушка не стала бы говорить с ним тоном, полным презрения и искреннего негодования.

Итак, ей не нравится, что он ругается, и еще она сердится на него из-за чего-то, что, должно быть, связано с каким-то несчастным случаем, в результате которого у него появилась рана на голове. На языке у Джека вертелись десятки вопросов, требовавших немедленных ответов. Он понимал, что если хочет что-то узнать, то вопросы придется задавать вежливо и учтиво.

Если не поднимать голову и не открывать глаза, то боль становится вполне терпимой. Он все же решил открыть глаза и попросить хотя бы чаю, на этот раз тоном, достойным

джентльмена, но вдруг почувствовал, что на его лоб легла холодная влажная ткань. Склонившись над ним, незнакомка с виноватым видом обтирала ему лицо.

– Мне жаль, что я накричала на вас. Но я действительно очень устала. Я всю ночь провела у вашей постели, пока вы метались в жару. И потом, я ужасно выгляжу, а это всегда выводит женщин из равновесия. – Она откинула за спину растрепавшиеся волосы.

– Вы мне нравитесь, – пробормотал он.

– Наверное, так и есть. – Она покраснела. – Когда я проснулась, вы... трогали меня.

– Извините, – произнес он смущенно. – Я был не в себе. Я принял вас за... другую. – У него не хватило духу признаться, что он принял ее за проститутку.

Она снова намочила тряпицу и стала протирать ему шею и плечи.

– Если учесть ваше состояние, то удивительно, что у вас хватило сил попытаться... ну, вы понимаете, – застенчиво сказала она.

– Мужская сила неистощима, когда речь идет о... ну, вы тоже это понимаете, – улыбнулся он.

Она вспыхнула до корней волос и, очевидно, решив, что пустилась слишком уж в вольные разговоры с больным, тут же приняла деловой вид.

– Вы наверняка голодны, сэр. Скажите, вы что-нибудь ели или пили кроме алкоголя?

– Я пил чай, – ответил он, мысленно поражаясь несоответствию между ее строгими речами и растрепанным, почти непристойным видом. – Я умираю от голода. Прикажите хозяину подать мне жареного цыпленка или что-нибудь вроде этого.

– Вы будете пить слабый чай и ячменный отвар до прихода доктора, – ответила она непреклонным тоном.

– Черт бы побрал всех этих костоправов! Все доктора – шарлатаны! – заявил Джек.

– Извините, я должна привести себя в порядок. – Сделав вид, что не слышала его слов, она подошла к зеркалу и взяла в руки расческу. – Сейчас я велю принести вам чаю. А пока вы можете отдохнуть.

– Я не хочу отдыхать, – капризно возразил Джек. – Я хочу знать, где я и как сюда попал.

– У меня тоже есть к вам несколько вопросов, – невозмутимо отозвалась она, продолжая расчесывать волосы. – Но вы почувствуете себя гораздо лучше, если отдохнете. Может, вам и не хочется это признавать, но вы еще очень слабы.

Джек слишком устал, чтобы спорить. Он просто лежал и молча смотрел, как она причесывала свои длинные золотистые волосы плавными, ритмичными движениями гребня. Это зрелище производило на него магическое впечатление, завораживало и успокаивало. Никогда прежде в его присутствии ни одна женщина не причесывалась, и наблюдать за этим процессом ему нравилось.

На него постепенно накатила дремота, мысли и образы перемешались в его сознании. Наверное, если бы ему дали поспать, то в голове у него сразу все прояснилось, а пока он голоден, он вообще не способен соображать. Так что если он на минутку закроет глаза...

* * *

Пока незнакомец спал, Аманда разожгла огонь в камине, наскоро обтерлась влажной губкой за ширмой, стоящей в углу комнаты, переделась в чистое платье и уложила волосы в аккуратный пучок. Закончив со своим туалетом, она заказала чай и завтрак горничной, которая осторожно поскреблась в дверь около семи часов утра. После того как девушка накануне застала Аманду в довольно пикантной позе, она не рискнула войти в комнату без предупреждения.

Пока Аманда ждала завтрак, пришел Тео. Она воспользовалась случаем и попросила слугу помочь джентльмену справить нужду, а сама вышла прогуляться. Между ней и незнакомцем успели установиться довольно интимные отношения, и ей не хотелось смущать ни себя, ни его исполнением всех без исключений обязанностей сиделки.

Когда Аманда вернулась в комнату, горничная уже принесла завтрак. Аманда приказала выстирать и выгладить рубашку незнакомца, чтобы он мог как можно скорее ее надеть. Ей не хотелось смотреть на его обнаженную грудь дольше,

чем этого требовала необходимость.

Тео стоял возле кровати с угрожающим выражением лица, пока Аманда поглощала свой завтрак, но все же помогал больному удержать в руках чашку.

– С вашей стороны жестоко есть при мне, – сварливо заметил тот, допивая ячменный отвар.

– От яичницы вам тут же стало бы плохо, – невозмутимо ответила она, вытирая рот салфеткой. – Даю слово, что уже сегодня вечером вам можно будет съесть что-нибудь более калорийное.

– Именно это я и намерен сделать, – отозвался он тоном, не терпящим возражений. Он подтянулся на руках и сел на кровати, опершись на подушки, так что вся его мощная грудная клетка оказалась в поле ее зрения. Аманда почувствовала, что неудержимо краснеет при мысли о том, что ночью ей довелось увидеть куда больше, и постаралась смотреть ему прямо в глаза, не отводя взгляда.

– Кажется, вы чувствуете себя лучше, – заметила она храбро. – На щеках появился румянец. Голова очень болит?

– Не очень. Тошнит немного.

– Уверена, это пройдет. Скоро приедет доктор.

– У меня есть к вам вопросы...

– У меня тоже. И я вынуждена настаивать на том, чтобы по крайней мере на один мой вопрос вы ответили первым. Я совершаю очень важную поездку и не могу задерживаться здесь дольше, чем это необходимо. Так что если вы назове-

те себя и скажете, как сообщить о случившемся вашим родственникам, я немедленно прикажу это сделать. Не сомневаюсь, что все они с нетерпением ждут известий о вас...

Аманда осеклась. Незнакомец вдруг изменился в лице, побледнел как полотно, в глазах у него заплескался ужас.

– Господи! Что с вами? – всполошилась она, участливо наклоняясь к нему. – Вас тошнит? – Она обернулась к Тео, и он тут же подскочил к кровати с тазом.

Незнакомец раздраженно оттолкнул посудину и провел рукой по встрепанным волосам.

– Нет, меня не тошнит, – ответил он странным голосом.

– Тогда в чем дело? – Аманда удивленно посмотрела на него.

Он медленно поднял на нее глаза. Они были черными, как у цыгана, но в их глубине мерцали золотистые искорки.

– Видите ли, – начал он с растерянной улыбкой, – я только что понял, что не могу назвать никого, кому бы вы могли обо мне сообщить.

– Почему? – холодея от страха, спросила она.

– Потому что я не знаю, кто мои родственники и друзья.

– Боже! – Ее голос задрожал. – Вы хотите сказать...

– Боюсь, что да, – кивнул он. – Черт побери, я даже понятия не имею, кто я такой!

Глава 5

– Это ужасно! – восклицала Аманда, прохаживаясь взад и вперед по истрепанному ковру. Она не находила места своим рукам, совсем как тетя Прис в подобных случаях. – Что же нам теперь с вами делать?

– Мне жаль, что моя амнезия нарушает ваши планы, миледи, – язвительно отозвался незнакомец. – Но я ничем не могу вам помочь. – Он сложил руки на широкой голой груди и нахмурился, взирая на окружающий мир, как король какой-нибудь дикой страны, придумывающий, кому бы отрубить голову.

– Конечно, не можете. – Аманда остановилась перед ним, смирившись с этим фактом. – Но если бы вы знали, как я разочарована! Если бы вы только знали, как я спешу отправиться в дальнейший путь, чтобы разыскать своего...

Аманда прикусила губу, пожалев, что не может взять и откусить свой предательский язык! Ей вовсе незачем рассказывать этому незнакомцу о незаконнорожденном отпрыске отца. У нее был составлен план, осуществлению которого могут повредить досужие сплетни.

Судя во внешнему виду и манерам незнакомца, Аманда заключила, что он вхож в светские круги Лондона, а то и задает там тон. Если он узнает, зачем она едет на Торни-Айленд, он может позднее использовать эту информацию про-

тив нее и таким образом помешать ее брату или сестре устроить свою жизнь. Особенно если это девушка. Девушкам всегда труднее!

– Значит, вы кого-то разыскиваете? – Он посмотрел на нее так, словно считал ее последней дурочкой. Затем его брови удивленно поднялись. – В таком случае где же ваш эскорт, миледи?

– Эскорт? – растерянно переспросила она, точно так же, как тогда, когда доктор захотел узнать имя ее «мужа».

– Вы путешествуете с отцом?

Она покачала головой.

– С братом?

Она снова покачала головой.

– Тогда, может быть, с... мужем? – На лице его отразилось изумление.

– Я не могу похвастать таким обилием родственников, – надменно отозвалась она. – Но даже если бы у меня были отец, брат и муж, я не стала бы беспокоить их просьбой сопровождать меня, как какую-то маленькую девочку! Мне двадцать три года, и я в состоянии позаботиться о себе сама!

Этот человек, страдающий амнезией, судя по всему, не забыл, что такое спор, и открыл было рот, чтобы возразить, но в этот момент в дверь тихонько постучали. Тео направился к двери, чтобы открыть ее, но на пороге комнаты без всякого приглашения вдруг возникла миссис Бин.

– Доброе утро, миледи, – проговорила она учтиво, но

со своим всегдашним кислым выражением лица. При слове «миледи» незнакомец вздрогнул и вопросительно посмотрел на Аманду, приподняв бровь. Она отметила про себя, что у него на редкость выразительные брови.

– Как себя чувствует ваш супруг?

Теперь и другая его бровь полезла вверх, а в глазах промелькнуло изумление.

– Он... он... чувствует себя гораздо лучше, спасибо, – запинаясь, ответила Аманда. Она подошла к незнакомцу и, взяв его за руку, до боли сжала запястье. – У лорда Торнфилда пока еще сильные головные боли и небольшие провалы в памяти, которые, я надеюсь, долго не продлятся.

Она лучезарно улыбнулась хозяйке и бросила на незнакомца взгляд, который, как ей казалось, вполне мог сойти за ласковый. Однако долго оставаться в позе любящей жены Аманде было не под силу, потому что незнакомец вдруг ответил ей таким же взглядом, сопроводив его откровенно двусмысленной улыбкой. Аманда молила Бога, чтобы мужчина не сделал что-нибудь такое, что смутило бы ее окончательно и разоблачило ее обман.

Миссис Бин сокрушенно покачала головой, узнав, что его сиятельство потерял память, хотя старую пройдоху интересовал только карман, куда он спрятал свой кошелек, и то, где этот карман находится. Ведь рано или поздно ему придется платить за постой.

– Какое несчастье, – фальшиво посочувствовала она и тут

же перешла к делу: – Значит, вы задержитесь еще на несколько дней?

– Я не... – начала Аманда, но «его сиятельство» ее перебил.

– Мы с женой уедем завтра, – заявил он, поднося руку Аманды к губам и целуя ее. Приятное ощущение от прикосновения его теплых губ ошеломило ее, и она даже утратила дар речи, чем тут же воспользовался незнакомец. – Правда, я точно не помню, но, кажется, у нас есть срочное дело... не так ли, дорогая?

– Да... милый, – подтвердила она, удивленная тем, что незнакомец так легко включился в игру. На нее это произвело неизгладимое впечатление, и особенно обращение «дорогая», которое хотя и прозвучало с оттенком еле уловимой иронии, но все же заставило ее сердце забиться чаще.

– Вы уверены, что поправитесь к завтрашнему дню, милорд? – поинтересовалась миссис Бин, надеясь продержаться у себя под крышей графа и его слуг по крайней мере еще неделю. – Вы ведь не виделись сегодня с доктором.

– Разумеется, я не отказываюсь от осмотра и приму к сведению все его предписания. Однако я абсолютно уверен, что, несмотря на мою временную забывчивость, мы могли бы тотчас покинуть гостиницу без всякого вреда для моего здоровья, поскольку я полностью полагаюсь на способность моей жены позаботиться обо всех моих нуждах. – Он сжал ее руку, как только что сделала она сама, и улыбнулся нахальной

улыбкой.

Если он пытался притвориться, что обожает ее, то, по мнению Аманды, делал это очень неубедительно и слегка переигрывал, и она бы не удивилась, если бы миссис Бин быстро разоблачила его.

– Оставайтесь столько, сколько хотите, – разочарованно проговорила хозяйка и направилась к двери. – Нет ли у вас особых пожеланий по поводу обеда?

– Есть, – с готовностью отозвался незнакомец и попытался сесть, забыв о том, что голову ему лучше держать на подушке. – Я хочу пирог с печенкой, жареного цыпленка, сыр, хлеб, картофель... – Он задумался на мгновение и спросил: – Не найдется ли у вас пива, миссис Бин?

– Дорогой, ты же знаешь, что пива тебе пока нельзя, – мягко возразила Аманда, бросив на него испепеляющий взгляд. – Вы умеете готовить мясной бульон?

– Полагаю, что да, – несколько обиженно ответила хозяйка.

– Это все, что граф будет есть на обед. Ну, может быть, еще жидкий чай и небольшой кусочек хлеба. Возможно, ужин мы закажем более основательный.

– Я очень надеюсь на это, а не то вы уморите меня голодом, – очень тихо, так, чтобы его могла услышать только Аманда, проворчал он.

– Что вы говорите, милорд? – наострила уши миссис Бин.

– Ничего, миссис Бин, все в порядке. – Аманда подошла к

ней и стала осторожно теснить ее к двери. – Вы на редкость гостеприимны. Большое спасибо, сейчас нам больше ничего не нужно. Пришлите к нам доктора, как только он придет.

Хозяйка удалилась, недовольная столь скромными желаниями графа. Как только дверь за ней закрылась, незнакомец потребовал объяснений. Аманда благоразумно удалила из комнаты Тео, зная строгий характер слуги. Тот недовольно нахмурился, но все же оставил их одних.

– Выходит, вам не нужен муж и никакой другой мужчина, чтобы сопровождать вас в путешествии? – язвительно усмехнулся незнакомец.

– Не нужен!

– Тогда почему вы сказали миссис Бин, что мы женаты?

Аманда скрестила на груди руки, подошла к окну и выглянула во двор, серый и унылый в этот пасмурный день.

– Потому что иначе она не дала бы нам комнату, – нехотя призналась Аманда. – Ну, теперь довольны?

– Не совсем, – ответил он ей в тон. – Это не слишком большая и уютная комната... для графа.

– Эта была единственная комната, и я с большим трудом ее добилась, – возмущенно заявила Аманда. – Миссис Бин, эту жадную пройдоху, не пронять ничем, она реагирует только на громкие титулы и на деньги. Так что мне пришлось не только наделить вас титулом, но и помахать у нее перед носом туго набитым кошельком.

– Моим кошельком?

– Нет, моим. Правда, у вас в кармане тоже оказался довольно пухлый кошель.

Он прищурился.

– И не надо на меня так смотреть! Не в моих правилах шарить по карманам у людей, которые находятся без сознания. Просто мы со слугами хотели найти какой-нибудь ключ к разгадке вашей таинственной личности.

– Я и не думал, что вы собирались меня ограбить, – смутился незнакомец. – Иначе вы бросили бы меня умирать посреди дороги, а не стали бы сидеть рядом всю ночь напролет.

– Кстати, вы еще не поблагодарили меня за это, – гордо вскинула подбородок Аманда.

– Вы правы. – Незнакомец виновато улыбнулся и пожал плечами. – Я благодарю вас.

– Не за что. – Аманду взволновали его непосредственный жест и искренние слова. – Я поступила бы так же, окажись на вашем месте любой другой. К тому же я чувствую себя отчасти виноватой в том, что произошло...

– Правда? Прошу вас, миледи, не оставляйте меня в неведении. Почему вы считаете себя виноватой в том, что у меня на голове появилась эта огромная шишка?

– Я сказала «отчасти виноватой», – уточнила она.

– Хорошо, пусть будет «отчасти», – нетерпеливо отмахнулся он. – Но прежде чем вы начнете говорить, может быть, скажете, как вас зовут? В этом нет ничего неприличного, коль скоро мы с вами муж и жена... или по крайней мере

пытаемся играть эту роль. Я бы представился первым, но, к сожалению, это невозможно.

– Вы можете называть меня мисс Дарлингтон. – Аманда с достоинством выпрямилась.

– Эта форма обращения слишком официальна, чтобы ее удобно было добавлять к каждой фразе, – усмехнулся незнакомец. – Как вам это понравится? «Не могли бы вы поправить мне подушку, мисс Дарлингтон?», «Можно мне что-нибудь съесть, пока я не умер с голоду, мисс Дарлингтон?», «Как вам кажется, будет ли дождь, мисс Дарлингтон?» Понимаете, что я хочу сказать... мисс Дарлингтон? Уж лучше я буду по-прежнему называть вас «дорогая».

– Мне бы этого не хотелось, – возмущенно вспыхнула она.

– Но поскольку я играю роль вашего мужа, вы не можете отказать мне в такой малости... во всяком случае, в присутствии посторонних.

Аманда поджала губы.

– Тогда, надеюсь, вы не станете возражать, если я буду называть вас Деметрием?

– Деметрием? – Незнакомец открыл рот от изумления. – Вы уже называли меня так при посторонних? Но такие имена встречаются разве что в готических романах Радклифф!

– Это первое, что пришло мне в голову.

– Мне не очень это нравится, дорогая, но спорить я не стану. Надеюсь, к ночи память ко мне вернется, и я очень рассчитываю на то, что вы будете играть честно и станете

называть меня моим настоящим именем, когда... мы оба его узнаем.

– Ночью это не будет иметь значения, потому что я не собираюсь называть вас никак, – ответила она.

– Остроумия вам не занимать, – рассмеялся он. – Я не помню этого наверняка, но мне кажется, что такие женщины в моем вкусе.

Аманда невольно покраснела, польщенная его комплиментом, и отвернулась, чтобы скрыть это.

– Почему бы нам не пойти на компромисс? – предложил он.

– Какой? Что вы имеете в виду?

– Я буду называть вас мисс Дарлингтон, а вы станете называть меня каким-нибудь обычным именем... например, Джон, Джек или Джо. Вам не кажется, что одно из них подойдет мне больше, чем Деметрий?

Аманда не считала, что в личности незнакомца так уж много черт, подходящих под определение «обычный», но в его словах был здравый смысл.

– Я буду называть вас Джоном. Это доставит вам радость?

«Джон» улыбнулся. У него была обаятельная улыбка, обнажающая два ряда великолепных зубов и ямочку на левой щеке.

– Это всего лишь начало, – пообещал он. – А теперь, пока мы не ушли в сторону от темы, расскажите мне, как я оказался раненым. Возможно, если вы сообщите мне об обсто-

ательствах дела, я кое-что вспомню, и вы сможете послать весточку моим друзьям или родственникам...

– Или вашей жене.

Улыбка мгновенно стерлась с его лица.

– Я абсолютно уверен, что у меня нет жены.

– Значит, что-то вы все-таки помните? – спросила Аманда, стараясь не обращать внимания на то, что сердце ее учащенно забилося.

– Да так, некоторые повседневные вещи, какие-то свои привычки. Например, я помню, что люблю крепкий кофе и чай – два куска сахара и никаких сливок, – яйца всмятку, солнечную погоду, серых лошадей и так далее. – Он взглянул на нее с лукавой улыбкой: – И поскольку вы мне нравитесь, мисс Дарлингтон, это, без сомнения, означает, что я очень люблю красивых женщин.

– Мой кучер считает вас повесой и шалопаем, и, судя по тому, как бесстыдно вы флиртуете с женщиной моего возраста и положения, он прав, – проговорила она строго.

– Но это простое черное платье не может скрыть вашей красоты, мисс Дарлингтон. А двадцать три года – еще не зрелость, – улыбнулся «Джон».

– А вам известно, что вы бредили, пока были без сознания? – поспешила сменить тему Аманда. Ей не хватало вее-ра, чтобы охладить пунцовые щеки. Этот проклятый нахал, очевидно, решил смутить ее до слез.

– Не помню, чтобы кто-нибудь говорил мне об этом, мисс

Дарлингтон, Впрочем, моя ущербная память... – Он криво усмехнулся.

– Вы упоминали некоторые женские имена. – Аманда отвернулась, рассеянно проводя пальцем по инкрустации на столбике кровати. Она искоса взглянула на него и увидела, что на лице его сияет самодовольная улыбка.

– Вы не могли бы повторить их? – попросил он.

– Если бы я могла запомнить их все! – проворчала она, пожимая плечами.

– Может быть, эти имена помогут мне восстановить память. Но прежде, мисс Дарлингтон, расскажите мне наконец о том, как произошло несчастье.

Аманда рассказала ему все в подробностях, о том, когда и где это случилось, и добавила, что он был сильно пьян. Он выслушал ее очень внимательно, после чего, глубоко задумавшись, откинулся на подушки.

– Когда я очнулся сегодня утром, мне было плохо, как всегда после перепоя, но я и представить не мог, что напился до такой степени, чтобы угодить под колеса экипажа, запряженного четверкой лошадей!

– В ту ночь был очень сильный туман, – утешила его Аманда.

– И все же такая беспечность мне не присуща. Странно! А теперь назовите имена, которые я произносил в бреду.

Аманда села в кресло и сложила руки на коленях. Этот разговор не доставлял ей удовольствия, но она должна была

помочь «Джону» вернуть память, после чего они оба смогут пойти каждый своей дорогой.

– Сначала вы звали Лауру.

– И что же я говорил об этой милой даме?

– Немного. Только то, что... она вам нужна.

– И это все? – разочарованно спросил он. – Как неоригинально! Кто была следующая?

– Грета. – Аманда опустила глаза и смущенно откашлялась. – Очевидно, она... часто помогала вам принимать ванну.

– Вы уверены? – Он изумленно приподнял бровь. – Как же я мог забыть женщину, которая была настолько добра, что купала меня в ванне!

Аманда оставила его восклицание без комментариев, но подумала о том, что это имя всегда будет будить в ней самой воспоминания о том, как она мыла «Джона», чье великолепное тело навсегда запечатлелось в ее памяти.

– Хорошо. Еще кто-нибудь был? – продолжал расспрашивать он.

– Еще была Анджела.

– Красивое имя.

– Да, наверное. – Она помолчала и вдруг выпалила: – Вы решили, что я – это она, когда потащили меня в постель.

– Так вот как вы в ней оказались! – радостно воскликнул он, словно отыскал наконец ответ на мучившую его загадку. – Но почему же вы остались?

Аманда вскочила с места и гневно прошипела:

– Я осталась только потому, что не хотела беспокоить вас, и еще потому, что устала и смертельно хотела спать. Поскольку ни одно из перечисленных мною имен не всколыхнуло вашу память, сэр, я не намерена дольше продолжать этот неприятный и бессмысленный разговор.

– Прошу прощения, мисс Дарлингтон. – Он старался сдерживать самодовольную улыбку, но ему это плохо удавалось. – Я не стану больше просить вас называть имена, но, может быть, вы скажете, не говорил ли я еще о чем-нибудь?

Аманда пришла в замешательство. Она не сомневалась, что «Джон» просто хочет смутить ее и заставить снова покраснеть до корней волос. Однако в его бреде действительно было нечто, что могло помочь ему хоть что-нибудь вспомнить, – он видел себя на поле брани, принимал участие в каком-то сражении. Это наверняка станет для него серьезным, а возможно, и очень болезненным откровением, но для того, чтобы вернуть человеку память, все средства хороши.

– Я думаю, что вы были солдатом, Джон, – неуверенно сказала она. – Ночью вы, наверное, переживали заново какое-то сражение, кричали...

Удивление на его лице сменилось тревогой. Аманде показалось, что он начинает что-то вспоминать или по крайней мере близок к этому. Но он вдруг тряхнул головой и посмотрел на нее.

– Даже если я действительно был солдатом, я и этого не

помню. – Он пожал плечами и весело улыбнулся.

– Или не хотите вспомнить! – предположила она. – Если бы я воевала, я бы постаралась это забыть.

– Уж лучше я постараюсь вспомнить Грету и ее ванны, – произнес «Джон», демонстрируя нежелание отнестись к делу серьезно.

– Вы безнадежны, – устало вздохнула она и набросила на плечи шаль. – А мне нужен глоток свежего воздуха. Я попрошу горничную посидеть с вами, пока я буду на прогулке. – Уже в дверях она обернулась и строго добавила: – И пожалуйста, не пугайте бедную девочку и не гоняйтесь за ней по комнате.

– Я обещаю вести себя хорошо, – ответил этот нахал. – У меня просто нет сил на дурное поведение. Вы ведь морите меня голодом! Но прежде чем вы уйдете, мисс Дарлингтон, могу я предложить вам один способ узнать наверняка, был я солдатом или нет?

– И что же это за способ?

– Если я был солдатом, я скорее всего был ранен.

– И что же? – Аманда сдвинула брови, пытаясь угадать, к чему он клонит.

– Так... я был ранен? – Он улыбнулся дьявольской улыбкой.

– Откуда я могу это знать? – ответила она со все возрастающим в душе тревожным чувством.

– Я плохо разбираюсь в том, как обычно ухаживают за

больными, если они в лихорадке, мисс Дарлингтон. Но может быть, вчера ночью, когда вы раздели меня, чтобы обтереть влажной губкой, вы заметили на моем теле след от ранения?..

Джек веселился от души. Правда, после того как мисс Дарлингтон в ярости хлопнула дверью, пулей вылетев из комнаты, голова у него заболела сильнее, но это того стоило. Ему нравилось видеть, как чопорная мисс Дарлингтон заливается стыдливым румянцем. Глупенькая девочка думает, что квакерское платье способно скрыть ее редкую красоту, но на самом деле черный фон лишь подчеркивает ее.

Он поудобнее устроился на подушках, хотя спина у него онемела от долгого лежания, а в животе бурчало от голода, который невозможно утолить мясным бульоном и корочкой хлеба. Он потер рукой щеку, подумал о том, что неплохо бы побриться, и тут же повеселел, решив, что попросит мисс Дарлингтон помочь ему в этом. Ей придется низко нагнуться над ним, и ее восхитительные упругие груди окажутся всего в нескольких дюймах от его лица.

Разумеется, теперь, когда он знает, что она леди, он не позволит себе прикоснуться к ней или скомпрометировать ее как-то иначе – это прекрасный способ добровольно нацепить на себя кандалы, а брак не входил в его планы, – однако Джек собирался пуститься в отчаянный флирт. Как еще можно скоротать долгие часы вынужденной неподвижности?

Но не только красота и трогательная невинность мисс

Дарлингтон волновали Джека. В этой девушке было что-то загадочное. При всей своей очевидной благовоспитанности она путешествовала без компаньонки или родственника-мужчины. Это говорило о независимости ее натуры, а также, возможно, о некоей тайной миссии, с какой она отправилась в дальний путь. И хотя об интимном знакомстве с этой прекрасной дамой не могло быть и речи, Джек вознамерился узнать как можно больше ее секретов.

А может быть, ему удастся помочь ей выбраться из затруднительного положения – в случае, если она в него попала.

Джек улыбнулся. Возможно, он благородный, галантный джентльмен, которому доставляет удовольствие помогать женщинам в трудных ситуациях. А может быть, он всего лишь распутник, которому нравится соблазнять всех женщин подряд. Впрочем, в этот момент его не интересовало, каким человеком он был в прошлом, вчера или десять лет назад, его занимали возможности, которые предоставлял ему день сегодняшний.

Он нахмурился и рассеянно почесал голую грудь, думая о том, в каком положении оказался он сам. Он потерял память, что должно было бы огорчить его всерьез, но никакого беспокойства по этому поводу почему-то не испытывал. Он был уверен, что память вскоре вернется к нему и жизнь войдет в привычную колею. Его друзья, те люди, которых он любит, наверняка скучают без него, и это жаль, но ничего поделать с этим нельзя. Он пока не знает, кто он такой.

Если говорить совсем честно, то Джеку даже нравилось не знать этого. В этом приятном состоянии забвения он чувствовал себя абсолютно свободным. Ему казалось, что он избежал чего-то ужасного в своей жизни, хотя и понятия не имел, чего именно.

Аманда невольно затронула очень интересную тему, когда сказала, что если бы была солдатом, то постаралась забыть о том, что воевала. Ему в голову закралось подозрение, что он тоже старается что-то забыть, но это вряд ли связано с военной карьерой. То, что он старался забыть, носило скорее личный характер...

Его глаза сами собой закрылись. Он очень устал, и голова снова разболелась. До прихода врача лучше поспать, чтобы потом заявить старому шарлатану, что он здоров как бык. Ведь если память не вернется к нему до завтрашнего дня, он вынужден будет остаться на попечении этой уродливой карги, хозяйки постоянного двора. А он предпочел бы продолжить путь с мисс Дарлингтон, независимо от того, в какую авантюру она ввязалась. Так что придется постараться, чтобы врач признал его достаточно здоровым и способным продолжить путь с «женой».

Уже засыпая, Джек вспомнил недавнее видение о том, как стоял у алтаря, и убедил себя в том, что оно больше не вернется. Притворяться чьим-то мужем ему нравилось, но быть им на самом деле – это не для него.

Аманда плотнее закуталась в шаль. Начал моросить дождь, и пора было возвращаться. Она могла бесконечно любоваться цветником возле постоянного двора, но становилось холодно, и ее начал пробирать озноб.

Однако Аманда предпочла бы умереть, нежели снова оказаться наедине с Джоном, особенно после того, как он догадался, что она сама раздевала его. Если он действительно был военным, то наверняка сотни раз видел, как сиделки ухаживали за ранеными, особенно когда те метались в жару.

Аманда подняла голову и посмотрела на окно комнаты, в которой на кровати лежал незнакомец – по-прежнему голый, загорелый и волнующе мужественный. С белой повязкой на голове, небритыми щеками и обнаженной грудью, широкой и мускулистой, как у «Давида» Микеланджело, он был похож на дикого, коварного пирата. А сегодня утром, несколько часов проспав рядом с его теплым сильным телом, она проснулась оттого, что он прикасался к ее груди.

Сначала она решила, что ей это снится: она замужем и лежит в объятиях законного супруга, который ласкает ее так, как она втайне об этом мечтала. Это было очень возбуждающе и эротично – и в высшей степени неприлично. Она вышла из этой щекотливой ситуации достойно, но – черт побери! – пока она длилась, ей это нравилось!

Аманда несколько раз прошла взад и вперед по мощеному дворику. Она видела, что Джону нравится подшучивать над ней и вынуждать ее заикаться и краснеть от стыда. Для него это было игрой, а она оказалась легкоуязвимой для его глупых высказываний. Как бы ей хотелось, чтобы память поскорее вернулась к нему! Тогда она с чистой совестью могла бы умыть руки и продолжить свое путешествие.

Он так легкомысленно относится к своей амнезии! Если бы она проснулась в каком-то незнакомом месте без единого воспоминания, кроме того, сколько кусков сахара кладет в чай, она сошла бы с ума от ужаса. А Джону все нипочем. Либо он настолько умен, чтобы терпеливо, не впадая в панику, ждать, когда память к нему вернется, либо настолько глуп, чтобы понять, что может утратить свое прошлое и свою личность навсегда.

Ее беспокоила еще одна проблема: что делать с ним дальше? Он сказал миссис Бин, что они собираются уехать завтра, но Аманда не могла этого допустить... разве что взять его с собой до ближайшего города и сдать там в руки полиции. А они уж сообразят, как разыскать его родственников. Если разослать по Лондону его портрет, его тут же найдут.

Аманда остановилась и снова взглянула на окно. Пожалуй, можно обойтись и без вмешательства полиции. Ведь память может вернуться к нему в любую минуту. А когда это произойдет и кто-нибудь из родственников его разыщет, вряд ли он огорчится, что ему некоторое время пришлось

пробыть в заведении миссис Бин.

При мысли о его родственниках Аманда вспомнила о своем собственном, который живет на Торни-Айленд. Она плотно сжала губы, вознамерившись любой ценой сохранить в тайне от Джона цель своего путешествия. Ни ему, ни кому-либо другому она не позволит причинить боль ребенку, заточенному в Торнфилд-Коттедже. И вот теперь она вынуждена тратить драгоценное время! Что бы ни случилось, что бы ни сказал доктор, вернется к Джону память или нет, но она завтра же утром продолжит свой путь к побережью.

Во двор с грохотом въехала двуколка, и Аманда увидела доктора Бледсо. Они вместе вернулись в дом, чтобы доктор осмотрел пациента.

Глава 6

– Вы чувствуете себя гораздо лучше, милорд, но еще слишком слабы, чтобы отправиться в путь завтра, – таково было мнение врача. – Рана вряд ли откроется, но шрам, боюсь, останется у вас навсегда.

– Одним больше, одним меньше – какая разница, – пожал плечами Джек.

– Что касается памяти... – Бледсо задумчиво нахмурился и почесал подбородок.

– Я уверен, что она вернется, – без колебаний заявил Джек. Он сидел на кровати голый по пояс, пока доктор слушал его сердце и легкие. Он заметил, как мисс Дарлингтон смотрела на него, и, перехватив ее взгляд, весело ей подмигнул. Она вздернула подбородок и тут же перевела взгляд на врача.

– Я тоже так думаю, милорд, – согласился Бледсо. – Однако я и понятия не имею, когда это радостное событие может произойти.

Джек видел, какое впечатление произвело это заявление на мисс Дарлингтон. Она стиснула руки и поднесла их к груди, словно собиралась молиться, затем подступила к врачу.

– Как вы думаете, доктор, это скоро случится?

Джек не сдержал усмешки. Оказывается, она ждет не дождется момента, когда сможет избавиться от него, а ему

некуда идти, и он доволен, как разъевшийся кот, своим местом у ног мисс Дарлингтон.

– Я же сказал, дорогуша, что понятия не имею, когда это произойдет, – ответил Бледсо, складывая инструменты в саквояж. – Это может случиться сегодня, завтра или через месяц. Предугадать невозможно. А пока будьте готовы к тому, что у вашего мужа могут начаться приступы. Сейчас он в ясном сознании, но травмы головы, бывает, преподносят сюрпризы.

Мисс Дарлингтон была в отчаянии. Доктор заметил это и ободряюще похлопал ее по плечу:

– Не пугайтесь, дорогуша. Берите пример со своего супруга. – Он кивнул в сторону кровати, и Аманда невольно взглянула на Джека. – Его сиятельство переносит эту неприятность с завидной выдержкой. Ему, как и мне, известно, что память нельзя восстановить насильно и что возвращение к нормальной жизни будет происходить постепенно и естественно.

– Вы хотите сказать, что когда я вернусь домой в... – Джек повернулся к Аманде с выражением искреннего любопытства на лице: – Где мы живем, дорогая?

Он видел, как лихорадочно завертелись в ее мозгах колеса и шестеренки, пока она подыскивала ответ.

– В Йоркшире, дорогой, – наконец вывернулась она. Джек понял, что она не прирожденная лгунья, и отдал должное ее сообразительности: она назвала место достаточно удаленное

отсюда, чтобы избежать возможных совпадений – здесь вряд ли кто-нибудь знает наперечет всю тамошнюю знать.

– Все будет хорошо, – примирительно проговорил Бледсо. – Вам невероятно повезло, милорд, что ваша жена сопровождает вас в путешествии. Она оказалась прекрасной сиделкой. Страшно подумать, что могло бы случиться, если бы вы оказались в одиночестве, вдали от дома, где никто не помог бы вам вспомнить, кто вы такой.

– Да, это было бы поистине ужасно, – согласился Джек. – Если бы не она, мне пришлось бы полагаться лишь на милосердие посторонних людей.

Он бросил подчеркнуто признательный взор на мисс Дарлингтон и увидел, как ее тонкие ноздри дернулись, а губы сжались в тонкую линию – она изо всех сил пыталась удержаться от колкого выпада в его адрес в присутствии врача. Ее задел намек на то, что она могла бы бросить его на произвол судьбы на этом постоялом дворе.

Но она ошиблась, когда решила, что он хочет заставить ее отложить отъезд. Напротив, невзирая на предписания доктора, Джек настаивал на том, чтобы они как можно скорее отправились в путь... Вместе.

– Вы очень далеко от дома, – вздохнул доктор, направляясь к двери. Он оглядел черное платье мисс Дарлингтон и высказал мысль, до которой Джек мог бы додуматься и сам: – Вы в трауре, дорогуша?

Мисс Дарлингтон сначала смутилась, потом сдержанно

кивнула, всем своим видом давая понять, что не хочет говорить на эту тему. Но добродушный доктор этого не заметил и поспешил проявить дружеское участие:

– Значит, вы ехали на похороны?

– Да, – ответила Аманда и покраснела, из чего Джек сделал вывод, что она опять лжет. – Вот почему мы оказались так далеко от дома, доктор Бледсо.

– Неужели у нас в округе кто-то умер? – встревожился тот. – Я лечу народ к западу отсюда вплоть до Шопуайка.

– Нет, мы ехали на похороны в другое графство, – ответила она. – Спасибо за все, доктор. Мы не побеспокоим вас снова, если только мужу не станет хуже. Я постараюсь выполнять все ваши указания, чтобы этого не случилось.

Мисс Дарлингтон достала из кошелька внушительную горсть монет и протянула ее Бледсо. Тот оказался настолько приятно удивлен и растроган, что воздержался от дальнейших расспросов и нудного повторения своих инструкций. Аманда поспешила проводить его к двери.

– Приятный человек, – заметил Джек, когда мисс Дарлингтон закрыла за врачом дверь и повернулась к нему с каменным лицом.

– Я думала, вы не любите докторов, – ледяным тоном произнесла она. Очевидно, она не могла простить ему упоминания о ране, полученной на войне. – Не далее как час назад вы говорили, что все доктора шарлатаны.

– Должен признаться, что я не помню в своем прошлом

ни единого опыта общения с докторами, которое могло бы склонить меня к такому низкому мнению об их профессиональных способностях. — Джек пожал плечами. — Но мне почему-то кажется, что по сравнению с прочими доктор Бледсо более опытен, практичен и сведущ. Он мне понравился.

— Мне тоже. — Голос ее слегка потеплел.

— Надеюсь, он понравился вам не настолько, чтобы действительно следовать всем его указаниям, до последней мелочи?

— Какая именно мелочь вас беспокоит, Джон? — Она скрестила руки на груди и подошла к кровати.

— Я имею в виду его запрещение отправляться в путь завтра.

Она тяжело вздохнула, потупилась и опустила руки. Джек наклонил голову, стараясь заглянуть ей в лицо:

— Он не прав. Я знаю, что вам не терпится продолжить свое путешествие, и не позволю себе задерживать вас дольше.

— Вы хотите остаться здесь? — спросила она с надеждой.

— Нет. Вы прекрасно знаете, чего я хочу. Я хочу ехать с вами.

— Но вы еще не вполне здоровы, — попыталась она возразить.

— Вы предлагаете мне остаться в заботливых руках миссис Бин до тех пор, пока ко мне не вернуться память и силы? Вы действительно готовы бросить меня здесь, мисс Дарлингтон?

И потом, как вы объясните ей, что бросаете своего мужа одного?

– Я скажу правду! – Она стала мерить комнату быстрыми шагами. – Это единственный выход, но я готова на него решиться! Я ненавижу лгать! Я всегда ненавидела ложь, а с недавних пор ненавижу ее еще сильнее. А с вами я запуталась во лжи, как в паутине. Мне следует рассказать миссис Бин всю правду и отправиться по своим делам. У вас достаточно денег, чтобы оплатить свое содержание!

– Но совесть не позволит вам бросить меня, мисс Дарлингтон. Если вы это сделаете, может произойти все, что угодно. Все, – многозначительно подчеркнул он.

– Теперь вы решили разыграть мелодраму! Да, это верно. Меня волнует, что будет с вами, если я оставлю вас одного. Хотя не думаю, что многочасовая тряска в экипаже больше пойдет вам на пользу, чем навязчивая забота миссис Бин.

– А что, если я докажу вам, что вполне здоров? – спросил Джек и сделал попытку подняться, свесив ногу с кровати.

– Если вы осмелитесь встать с постели без одежды, я закричу! – пригрозила она и, покраснев, выставила вперед руки, словно хотела от него защититься.

Джек совершенно забыл о том, что он абсолютно голый, поэтому быстро юркнул в постель и закрылся простыней до подбородка.

– Интересно, что подумали бы о нашем браке миссис Бин, да и все ее постояльцы, если бы вы закричали? Впрочем, я

прошу меня извинить. Просто я уже так долго лежу в постели и мне здесь так уютно, что я совсем забыл... – Он помолчал, подыскивая корректные слова: – Забыл, что не вполне одет для выхода.

– Ваша одежда должна уже быть готова, – сказала Аманда, выдавая свое смущение тем, что без конца теребила пуговицы платья. – Я поговорю с горничной. – Она направилась к двери.

– Видите ли, я не смогу одеться до тех пор, пока...

Мисс Дарлингтон медленно повернулась, и ее руки, которые, как он помнил, были очень нежны и прохладны, сжались в кулаки. Впрочем, может быть, ему просто приснилось ее прикосновение?

– Пока – что? – с угрожающим спокойствием проговорила она. Ее терпение было на пределе.

– Пока не приму ванну, разумеется. – Он взглянул на нее так, словно ответ был очевиден.

– Да, я об этом как-то не подумала. Может быть, вам лучше...

– Мне лучше принять ванну, – закончил он за нее.

– Ну, что ж... Я прикажу, чтобы согрели воды. – Она повернулась, чтобы уйти.

– Но мне понадобится помощь, – напомнил он, когда Аманда уже открывала дверь.

Она опять повернулась, и по ее суровому и непреклонному выражению лица он понял, что надоел ей бестактны-

ми напоминаниями о смущении, которое ей пришлось пережить.

– Независимо от того, какие аргументы вы приведете, сэр, я не стану помогать вам принимать ванну, – ответила она ледяным тоном. – Я не ваша жена. И я не Грета, чье очарование и прочие неоспоримые достоинства, я уверена, вы рано или поздно вспомните. Что касается меня, Джон, то вряд ли я останусь для вас настолько приятным воспоминанием, что вы будете когда-либо повторять мое имя в бреду.

– Тогда, может быть, горничная согласится протянуть мне руку помощи, – с притворной застенчивостью предложил он. Его веселила беседа с мисс Дарлингтон, и он не мог отказать себе в удовольствии ее подразнить.

– Кто-нибудь из моих слуг вам поможет, – кивнула она, приняв окончательное решение, и после небольшой паузы добавила угрожающе: – Я думаю, Тео подойдет для этого лучше всего – он самый сильный из всех и ненавидит вас больше остальных.

– Да, но мне нужно побриться, мисс Дарлингтон, – смеясь, возразил Джек. – А ваш Тео каждый раз смотрит на меня так, что я всерьез опасаясь за свою жизнь. А уж если он возьмет в руки бритву и поднесет ее к моему горлу...

– Тогда вам придется вести себя очень прилично, – торжествующе заключила она. – Будьте сдержанны и не досаждайте мне, а то я скажу Тео, что не особенно огорчусь, если его рука дрогнет, когда он будет вас брить!

После ее ухода на лице Джека еще долго сияла довольная улыбка. Он не помнил, когда в последний раз так отлично развлекался – впрочем, он ведь вообще ничего не помнил.

Джек потер небритый подбородок и загрустил. Что ж, может, ему повезет, и у Тео окажется твердая рука, и он не одержим страстью к душегубству. Затем ему в голову пришла мысль побриться самому. То, что она не пришла ему в голову раньше, говорило о том, что он, очевидно, не привык осуществлять эту процедуру самостоятельно и прибегал к помощи камердинера.

Джек вздохнул и подумал, что, если бы не страдал амнезией, он бы вспомнил о камердинере, а также возобновил знакомство с удивительной Гретой. Разве может быть более нежное проявление дружбы со стороны женщины, чем то, когда она купает мужчину!

Он откинулся на подушки и с наслаждением представил себе горячую ванну с хлопьями мыльной пены. А рядом с мягкой губкой в руках и с ласковой улыбкой стояла... мисс Дарлингтон.

* * *

Аманда была поражена – всего за несколько часов «Джон» воскрес из мертвых. Казалось, вот только что он умирал и походил на труп, а теперь вдруг ожил и был вполне готов отправиться в путешествие. Тео помог ему дойти до ванны

и забраться в нее. Аманда, разумеется, при этом не присутствовала, но позже, когда они встретились в холле, слуга полностью перед ней отчитался: «Джон» отказался от помощи и вымылся сам, кроме того, несколько раз с сожалением упомянул о какой-то Грете.

– Я запомнил имя, мисс, потому что подумал: а вдруг оно поможет найти родственников этого парня? Как вы думаете, может, это его сестра? – предположил Тео.

– Я уже говорила с джентльменом об этой женщине, – ответила она невозмутимо. – К сожалению, она ему не родственница.

Тео выслушал ее объяснение с мрачным видом, после чего произнес:

– Что ж, главное, что он теперь чистый и снова лежит в постели. Я хотел помочь ему побриться, но он не подпустил меня к себе и побрился сам, пока сидел в ванне.

Это замечание вызвало в воображении Аманды весьма соблазнительную картину: его широкая грудь в мыле, массивные колени торчат из воды, как вулканические острова из морской пены, а пальцы ловко сбрасывают со щек черную пиратскую щетину.

– Что с его одеждой? – спросила она, стараясь не думать о том, что ей придется еще одну ночь провести в комнате с обнаженным мужчиной. И если накануне он был слаб и беспомощен, то теперь в здравом уме и полон сил.

– Миссис Бин принесла ему ночную рубашку, чтобы под-

готовить его одежду к завтрашнему дню. – Тео тихо проговорил, придвинувшись к Аманде: – Мы ведь не возьмем его с собой, правда, мисс?

– Я не могу оставить его с миссис Бин, Тео, – сокрушенно развела руками Аманда. – Доктор сказал, что у него могут быть приступы и помутнение рассудка, пока рана окончательно не заживет. Так что за ним нужно ухаживать до тех пор, пока он снова не окажется в кругу семьи и память его не восстановится.

– Но это может вообще никогда не произойти, – возразил Тео. – Неужели вы собираетесь везти его в Дарлингтон-Холл!

– Конечно, нет. Но он только начал поправляться после несчастного случая, и я не могу бросить его на произвол судьбы. Возможно, к тому времени, как мы доберемся до Чичестера, он настолько окрепнет, что его можно будет оставить на попечение властей. На Торни-Айленд он с нами не поедет.

– Если хотите знать мое мнение, мисс, то нам на Торни-Айленд тоже лучше не соваться, – проворчал Тео.

– Но я вовсе не хочу знать твое мнение, Тео. – Аманда сочла, что пора прекратить этот разговор.

– Сказать по правде, мисс, по-моему, вы делаете ошибку, решив привезти этого никому не известного отцовского отпрыска в Дарлингтон-Холл, – продолжил Тео с уверенностью давнего преданного слуги. – Ничего хорошего из это-

го не выйдет, одни только лишние проблемы. И еще, вам не следует спать в одной комнате с этим джентльменом. Ничего бы этого не случилось, если бы вы не солгали миссис Бин или если бы не отправились в путь без компаньонки. Ваши родители всегда говорили, что...

– Довольно, Тео. – Аманда повысила голос.

Тео взглянул на нее с досадой и удивлением, потому что госпожа всегда позволяла ему окружать ее чуть ли не отеческой заботой, зная, как искренне он привязан к ней. Однако Аманда не могла вынести намека Тео на добродетельность и благонравие ее родителей, особенно после того, как открылся факт существования незаконного ребенка отца.

– Мне не хочется быть с тобой резкой, Тео, – примириительно произнесла она, – но не забывай, что я уже не маленькая девочка. Я прекрасно знаю, что делаю, но даже если я ошибаюсь, то не тебе читать мне нотации.

– Да, мисс, – обиженно насупился Тео.

– А теперь отправляйся ужинать и ложись спать пораньше, – распорядилась она. – Нам всем нужно как следует отдохнуть перед дальней дорогой.

Тео поклонился и ушел, а у Аманды остался неприятный осадок на душе, оттого что она обидела верного слугу. Ей вовсе не хотелось ставить его на место, но слушать о том, как много родители сделали для ее воспитания, ей уже было невозможно. Их добродетель была сплошным лицемерием, и Аманда предпочла бы теперь даже совершить ошибку, но

свою, основанную на собственном понимании добра и зла.

Из-за этой маленькой ссоры с Тео у Аманды испортилось настроение. Усугубила ситуацию и сцена, которую она застала в их общей с «Джоном» комнате: ее «муж» развлекал горничную, которая сидела на краю его постели и хохотала так громко, что казалось, вот-вот лопнет, а ее женские прелести угрожали в любую минуту вывалиться за пределы низкого декольте.

После ванны и бритья «Джон» стал выглядеть еще привлекательнее, его не портил даже крохотный порез на подбородке – свидетельство неумелого обращения с бритвой. Его черные волосы отливали синевой, к густым прядям, стянутым под свежей повязкой, хотелось прикоснуться, чтобы почувствовать, как они струятся между пальцами.

На нем была ночная рубашка, очевидно, раздобытая миссис Бин на дне сундука с одеждой покойного мужа, однако ее простой покроем и незатейливой расцветкой не только не испортили, но даже подчеркивали природную красоту ее «мужа».

Горничная перестала хохотать и, обернувшись к двери, заметила Аманду. Она вскочила на ноги, отпрыгнула от кровати и неловко поклонилась.

– О, миледи, это вы! – пролепетала она, краснея, словно Аманда застала их играющими в жмурки под одеялом. «Джон» сидел на кровати как ни в чем не бывало, с довольной улыбкой на лице и вовсе не походил на человека, который совсем недавно пережил страшную аварию и теперь

страдает оттого, что утратил память.

– Да, это я, – с напускным равнодушием ответила она, сомневаясь, что смогла бы отнестись к подобной сцене – по правде говоря, совершенно невинной – так же, если бы действительно была женой этого человека. Ведь даже теперь ей пришлось пережить что-то похожее на ревность. – Что мой муж рассказывал вам такого веселого? – Она бросила недовольный взгляд на «Джона», а тот лишь пожал плечами и разулыбался еще шире.

– Его сиятельство рассказал мне очень смешную историю, – ответила горничная, все еще стараясь подавить смешок. – Он такой весельчак.

– Да, он всегда умел стать душой любой компании, – сухо отозвалась Аманда, войдя в комнату и оставив дверь открытой, намекая горничной, что ей пора удалиться. Горничная молча выскользнула в коридор.

– Если вы в состоянии развлекать прислугу веселыми историями, не означает ли это, что к вам вернулась память? – спросила она, встав в ногах его кровати.

– Почему вы всегда держитесь на таком большом расстоянии, когда говорите со мной? Салли, например, меня совсем не боится.

– Я вас тоже не боюсь. С чего вы это взяли? – солгала Аманда, которая вдруг обнаружила, что ревнует, когда он так фамильярно назвал горничную по имени. – Просто мне не обязательно сидеть у вас на коленях, чтобы поддерживать

разговор.

– Это и правда не обязательно, но могло бы быть очень мило и уютно, – после недолгого размышления ответил он.

– По-моему, вам и без того достаточно уютно, Джон. А теперь скажите: вы уже начали хоть что-то вспоминать?

– Да, но все больше какие-то несущественные моменты: несколько бак, которые я, очевидно, слышал в клубе. При этом я категорически не помню людей, которые могли бы мне их рассказать. Странно, не правда ли?

– Очень! – согласилась Аманда и даже топнула ногой от досады.

– Вы мне не верите? – пристально взглянул на нее «Джон».

– Я не вижу никакой причины, по которой вы захотели бы мне лгать, – честно призналась она. – Просто ваша амнезия носит... очень избирательный характер.

– Это так. Я начинаю думать, что, пожалуй, действительно существует нечто, что я когда-то хотел забыть, а теперь не хочу вспоминать, – произнес он задумчиво.

– Я думаю... – Она осеклась и рассеянно поправила юбку, не решаясь поделиться с ним своим предположением.

– О чем, мисс Дарлингтон?

– Я думаю, что это связано с какой-то серьезной неприятностью... или опасностью. – Она подняла на него взгляд и увидела, что его заинтересовало ее мнение, но ничуть не испугало.

– Звучит интригующе. – Он, нахмурившись, уставился в потолок. – Вы решили, что если я оказался один в какой-то глуши, то это произошло потому, что кто-то... специально бросил меня там?

– Да, эта мысль приходила мне в голову. А какое, еще объяснение можно придумать?

– Объяснений можно придумать сколько угодно... – Он заложил руки за голову и с видимым удовольствием вытянулся на кровати. Аманда давно поймала себя на том, что ей трудно отвести от него взгляд, когда он так блаженно и ласково улыбается. – Да и сам я могу оказаться кем угодно. Вас это не беспокоит, мисс Дарлингтон?

Все в этом человеке ее беспокоило, но она скорее умерла бы, чем призналась ему.

– Ваша одежда, манера говорить... вообще ваш вид свидетельствуют о вашем знатном происхождении, Джон. Не исключено, что вы даже пэр. Так что не думаю, что я сильно слукавила, когда сказала миссис Бин, что вы граф.

– Мой вид, говорите? Граф? – «Джон» приосанился и стал похож на надутого индюка.

– Но это еще не означает, что вы хороший человек, – поспешила усмирить его Аманда. – И если меня что-нибудь беспокоит в отношении вас, Джон, то это не ваше социальное положение, а то, могу ли я вам доверять, могу ли быть уверена, что вы поведете себя как благородный человек.

– Хотелось бы мне знать...

– Что?

– Благородный я человек или нет, хороший или нет... – Он помолчал немного. – А как по-вашему, какой я человек, мисс Дарлингтон?

«Бабник, плут, повеса, может, даже мошенник... но при всем том чертовски обаятельный», – подумала про себя Аманда, а вслух сказала:

– Я еще не составила о вас определенного мнения.

– Но вы считаете меня опасным для себя, не так ли?

Джек видел, что она отнеслась к его шутливому вопросу серьезнее, чем он того заслуживал.

– Вы никогда не причините мне зла, – произнесла она, подумав. – Во всяком случае, намеренно.

Джека застало врасплох ее признание, и он не знал, что ответить на это. Он был тронут и смущен ее искренней доверчивостью, поэтому поспешил скрыть свое замешательство под маской легкого флирта.

– Значит, вам известно обо мне больше, чем мне самому! Достаточно сказать, что я по-прежнему остаюсь большой загадкой для нас обоих. Давайте лучше поговорим о вас, мисс Дарлингтон.

– В этом нет необходимости. Память моя в порядке, а история моей жизни скучна и ничем не примечательна. – Она подошла к камину, чтобы подбросить в него дров. – Во мне нет ничего загадочного.

– Я придерживаюсь другого мнения. Сначала я решил, что

вы носите темное платье, чтобы скрыть свою красоту, но теперь вижу, что доктор был прав – вы в трауре.

Джек почти не видел ее лица, потому что она отвернулась от него, присев у камина, однако он заметил, как щека у нее побледнела, а уголок рта печально опустился. Он рассердился на себя за то, что причинил ей боль.

– Если вы не хотите говорить об этом...

– Ничего страшного. – Она повернулась к нему с грустной улыбкой. – Мои родители умерли полгода назад.

– Примите мои соболезнования.

Аманда подошла к окну, а он решил тактично сменить тему. Однако эта женщина вызвала в нем сильное любопытство, и он не смог удержаться от дальнейших расспросов:

– Почему вы путешествуете одна?

– Потому что такая независимая и состоятельная женщина, как я, может делать то, что хочет. Нужны другие объяснения?

– Нет, пожалуй. Но это опасно.

– Я рискую по собственной воле.

– Вы очень волевая женщина, мисс Дарлингтон.

– С недавних пор – да, – еле слышно промолвила она, но Джек расслышал ее слова.

Это замечание показалось ему весьма интригующим: что же такое произошло в ее жизни, если она вдруг превратилась в волевою женщину, способную отправиться в дальний путь в гордом одиночестве?

– Кого вы разыскиваете, мисс Дарлингтон?

– Никого. С чего вы взяли? – Аманда изобразила удивленный смешок.

– Вы сами сказали, что должны как можно скорее отправиться дальше, потому что кого-то ищете. Но вы не сказали кого. Просто оставили фразу недосказанной.

– И я не собираюсь ее заканчивать, потому что это не ваше дело.

– Вы даже не скажете, куда держите путь? Как нелюбезно с вашей стороны! – Он вдруг понизил голос: – Разве такая скрытность не говорит о вашей загадочности?

– Что ж, Джон, приходится признать, что мы оба представляем загадки друг для друга, – ответила она с притворной мягкостью в голосе. – Но поскольку мы оказались вместе только благодаря стечению неприятных обстоятельств и не собираемся связывать наши судьбы навсегда, я думаю, это не так уж важно. А теперь, если вы не возражаете, я ложусь спать.

У Джека сна не было ни в одном глазу, но он решил, что достаточно подвергал мисс Дарлингтон расспросам в этот вечер, потому покорно задул свечу на ночном столике и отвернулся лицом к стене, чтобы дать даме возможность спокойно совершить туалет.

При свете огня в камине она распустила волосы и стала причесываться. Джек не видел этого, но, слыша каждое шуршащее прикосновение гребня к волосам, сразу вспомнил,

как она делала это утром.

Он лежал не шевелясь и постепенно начал засыпать. Скорее всего он привык спать один... разумеется, если не считать редких ночей, которые он проводил с продажными красотками. Без сомнения, женат он не был, и все же запахи и звуки, которые распространялись по комнате, свидетельствуя о присутствии другого человека, действовали на него умиротворяюще и были желанны.

Уже засыпая, он перевернулся на спину, ожидая увидеть темный силуэт мисс Дарлингтон на раскладной кровати. Сердце подпрыгнуло у него в груди, и сонливость улетучилась без остатка, когда он увидел ее за ширмой: решив, что он спит, она совершала водные процедуры при помощи губки. Она поставила зажженную свечу на столик за ширмой, так что ее силуэт – гибкий и удивительно женственный – был виден отчетливо, словно в театре теней.

Она старалась двигаться бесшумно, чтобы не разбудить его, но Джек давно и думать забыл о сне и лежал, зачарованно затаив дыхание. В какой-то момент она повернулась в профиль, и он увидел очертание ее груди с темной точкой соска...

Он судорожно сглотнул. Она сказала, что доверяет ему. Чтобы заслужить это доверие, он должен был бы немедленно отвернуться и заснуть. Невероятным усилием воли он заставил себя снова уставиться в стену, но уж теперь-то о сне не могло быть и речи.

Он тяжело вздохнул. Похоже, сейчас он может ответить на вопрос, благородный ли он человек. Очевидно, да. Черт побери!

Глава 7

Аманда проснулась от громкого петушиного крика. Она спустила ноги со своей узкой кровати и огляделась, с трудом разлепляя веки после короткого беспокойного сна. Комнату наполняли серые предрассветные сумерки, «Джон» крепко спал. Очень удобный момент, чтобы встать и одеться, не опасаясь, что ей помешают. Она не станет даже тратить время на то, чтобы подбросить дрова в камин, и займется утренним туалетом.

Она набросила на плечи халат и поспешила за ширму. Накануне она сумела наскоро вымыться, воспользовавшись тем, что ее подопечный заснул, и приготовила свежее дорожное платье. Он сладко посапывал во сне, так что нечего было опасаться его неожиданного пробуждения.

Аманда застегивала длинный ряд пуговиц на платье и размышляла над тем, отчего прошедшая ночь выдалась такой беспокойной. Впрочем, ничего удивительного: одна лишь необходимость делить комнату с мужчиной могла выбить из колеи порядочную женщину, а «Джон» к тому же еще и разговаривал во сне. Она несколько раз подходила к нему, чтобы проверить, нет ли у него температуры. К счастью, лихорадка отступила, но его бессвязное бормотание всерьез тревожило ее.

Без сомнения, существовало нечто такое, что не давало

ему покоя даже во сне, но начисто исчезало из памяти, когда он бодрствовал. Аманда сгорала от любопытства, что бы это могло быть.

Надев строгое платье и собрав волосы в тугий узел на затылке, она почувствовала, что к ней вернулось душевное равновесие. Однако, выйдя из-за ширмы, она первым делом бросила взгляд на кровать и лежащего на ней человека. Он по-прежнему крепко спал, а значит, у нее было время послать за Тео и приказать ему помочь джентльмену одеться.

Ее не беспокоило мнение миссис Бин насчет того, что она доверяет заботу о своем «муже» простому кучеру. С тех пор как незнакомец пришел в себя и стал подтрунивать над ней и задавать слишком много вопросов, Аманде было все труднее оставаться с ним наедине. К тому же они собирались уезжать этим утром, а потому мнение хозяйки можно было не учитывать вовсе.

Аманда направилась к двери, но задержалась, чтобы оглянуться на «Джона» и лишний раз полюбоваться его красивым лицом. Волосы его спутались, длинные ресницы отбрасывали густую тень на щеки, губы были плотно сжаты, совсем не так, как у ее отца, когда он храпел во сне.

Все же очень приятно, что «Джон» не храпит. Если бы он еще и не разговаривал во сне! Впрочем, слава Богу, это была последняя ночь, когда ей приходилось думать о том, как спит «Джон».

Аманда без труда разыскала Тео. Он изъявил готовность

выполнить любое ее приказание, чтобы искупить вину за свое вздорное поведение. Пока Аманда гуляла по дорожке неподалеку от дома, Тео помогал «Джону» одеться. Наконец, проголодавшись, Аманда вернулась в гостиницу.

Она осторожно постучала в дверь и, когда в ответ раздался громкий возглас «Джона», нерешительно переступила порог комнаты. Ее смущение не укрылось от внимательного взгляда ее подопечного.

До сих пор она видела этого человека только лежащим или сидящим на кровати. Теперь он стоял у камина, небрежно опираясь локтем на мраморную полку.

Стоя он оказался еще выше и крупнее, чем в горизонтальном положении. На нем был алый жакет, легкие серые брюки, тщательно отутюженные горничной, которая не забыла заодно начистить и его сапоги. Теперь его волосы были безупречно уложены, а на шее белел шелковый платок, завязанный таким изысканным узлом, что у Аманды перехватило дыхание от восторга, а в коленях появилась предательская слабость.

– Доброе утро, мисс Дарлингтон, – с улыбкой приветствовал ее «Джон».

Аманда заподозрила, что эта улыбка была вызвана ее растерянностью, и поспешила взять себя в руки.

– Доброе утро, сэр. Сегодня вы выглядите так, как будто вспомнили, кто вы такой. Может быть, в вашей памяти наступило просветление и вы теперь скажете, как вас зовут?

– Мне бы очень хотелось выполнить вашу просьбу, но, увы, я знаю о себе не больше, чем вчера, – ответил он с сожалением, которое показалось Аманде слегка фальшивым. – Боюсь, вам придется повозиться со мной еще некоторое время.

– Хорошо, но только до Чичестера. – Она с удовольствием заметила, что самодовольное выражение на его лице сменилось разочарованием. – Если вы настолько окрепли, что можете стоять, ходить и даже готовы преодолеть в тряском экипаже путь в пятьдесят миль, значит, вас вполне можно передать на попечение властей. У них больше возможностей разыскать ваших родственников и помочь вам вернуться домой. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что стоит вам показаться в Лондоне, как вас моментально узнают. Если бы у меня было время, я сама отвезла бы вас туда, но к сожалению...

– Я не хочу, чтобы меня отправляли в Лондон!

От его беззаботности не осталось и следа. Он принялся ходить взад-вперед по комнате, нахмурившись и стиснув кулаки. Она заметила, что он немного хромает.

– Но почему? Судя по вашему виду, вы принадлежите к высшему лондонскому обществу, поэтому логичнее всего искать ваших родственников и знакомых именно там.

– Не знаю почему, но Лондон вызывает во мне стойкое отвращение. Кроме того, у меня совсем нет желания выставиться на всеобщее обозрение, как кукла в витрине магази-

на, и ждать, пока меня кто-нибудь узнает.

– Я думаю, что у полиции есть и другие способы установить личность человека.

– Если вы имеете в виду описание внешности на листках, которые они расклеивают на столбах и распространяют среди толпы, то такой способ меня тоже не устраивает. Я предпочитаю сам вспомнить, как меня зовут.

– Но ведь вы не можете этого сделать, Джон, – напомнила она осторожно. – Вы не хотите прибегнуть к помощи властей, не хотите оставаться у миссис Бин, не хотите ехать в Лондон. Таким образом, у вас остается единственный выход – остаться со мной, что, как вы могли убедиться, доставляет массу неудобств нам обоим!

– Если вы намекаете на то, что хотели бы избавиться от меня поскорее, – резко отозвался Джек, – то я готов жить в другой комнате... но только не здесь! Я уверен, что со временем все вспомню.

Аманда смягчилась. Ее гнев был всего лишь попыткой противостоять дьявольскому очарованию этого человека. Она вовсе не желала подвергать его опасности ради собственного спокойствия.

– Доктор Бледсо сказал, что у вас могут быть приступы рассеянного сознания. – Она повторила слова доктора, чтобы не высказывать собственные опасения. – Речи быть не может о том, чтобы вы остались в одиночестве в этой гостинице. Кроме того, я в какой-то степени ответственна за то, что

вы оказались в таком положении, поэтому...

– Поэтому я не понимаю, зачем мы продолжаем этот разговор? – Он просиял, когда стало очевидно, что в этой схватке он вышел победителем. – Хотя вы и скрываете от меня подробности, но я знаю, что вам нужно как можно скорее ехать дальше. А мы тратим время на споры. Почему бы нам наконец не отправиться в дорогу? Если же вы все еще намерены спорить, то мы можем делать это в карете.

Аманда приказала слугам погрузить в экипаж ее дорожный сундук, после чего прекрасно сыграла роль заботливой жены, сопровождающей вниз по лестнице раненого мужа, который, кстати сказать, ни в какой поддержке не нуждался, напротив, был здоров и силен, как молодой жеребец. Уже в дверях «Джон» заплатил миссис Бин за постой, и весьма щедро.

Когда экипаж тронулся, Аманда уставилась в окно, демонстративно игнорируя присутствие своего спутника. «Джон» почувствовал, что она в дурном настроении, и не стал приставать к ней с разговорами.

Несмотря на то что за последние дни на нее свалилась масса неприятностей, Аманда не поддавалась унынию и даже находила в себе силы радоваться отличной погоде. День был солнечный и безветренный, если не считать легкого бриза, играющего с золотисто-желтыми кронами деревьев, стоящих вдоль дороги.

Сейчас они одолевали гряду меловых холмов, и Аман-

да восхищалась живописной местностью, известной своими доисторическими поселениями, средневековыми замками и удивительным ландшафтом. Стоило им миновать Хоршем, деревушку, расположенную прямо посреди лесной чащи, как из окна открылся совсем другой вид – вересковая пустошь, на которой мирно паслись олени и прочие дикие животные.

Они направлялись на юго-запад, к Арунделу, добраться до которого она планировала к полудню, а затем в Чичестер, где предполагалось остановиться на ночлег.

А сейчас ей приходилось ютиться в тесной карете с мужчиной, который занимал почти все свободное место и, к счастью, пока не проявлял желания общаться. У Аманды постепенно начала затекать шея от неподвижной позы, но отвернуться от окна она боялась: слишком велика была опасность оказаться втянутой в нежелательный разговор. «Джон» ничего не мог рассказать ей о себе... зато проявлял слишком живой интерес к ее персоне.

Аманда подумала, что можно прибегнуть еще к одной лжи, чтобы удовлетворить его любопытство. Например, она могла бы сказать, что едет на Торни-Айленд, чтобы забрать там своего... племянника и отвезти его к себе домой погостить.

Она все больше склонялась к этой мысли, поскольку ложь могла избавить ее от необходимости все время быть начеку в общении с незнакомцем.

Она круто повернулась к нему, ожидая встретить его вни-

матерный взгляд, но он крепко спал, откинув голову на спинку сиденья.

Аманда пришла к выводу, что, несмотря на свою недюжинную природную силу и упрямство, он все еще не оправился после травмы и ему, как и всем смертным, необходимо время для полного выздоровления.

Она тихо улыбнулась, радостно осознавая, что при своей редкостной красоте незнакомец тем не менее ничем не отличается от прочих смертных.

* * *

Миссис Бин только что позавтракала, выпила чашку крепкого кофе и теперь сидела на кухне в полном одиночестве, положив ноги на сиденье стула, стоявшего рядом. Она испытывала легкое разочарование от того, что граф и его маленькая женушка уехали так быстро и не успели потратить побольше денег, но зато ее утешала мысль о той щедрости, с какой знатный господин заплатил за оказанное ему гостеприимство.

Ей не нравилось быть хозяйкой постоянного двора, это занятие не отвечало ее склонности к уединенному образу жизни. Однако когда ее муж ни с того ни с сего предательски дал дуба, у нее не осталось другого выхода, кроме как продолжить его дело, чтобы не умереть с голоду. Этим утром разъехались все постояльцы, кроме одного, и она наслажда-

лась одиночеством. К сожалению, непродолжительным, потому что недостатка в постояльцах – правда, не таких знатных, как лорд Торнфилд, – у нее никогда не было. Знатные особы, как правило, считали ее заведение слишком убогим для себя. Хозяйка закрыла глаза и расслабилась, погрузившись в свои мысли.

– Миссис Бин? Простите за беспокойство, мэм, но там вас спрашивает какой-то господин.

Она открыла глаза и строго посмотрела на смущенную горничную, робко переминающуюся с ноги на ногу.

– Если ему нужна комната, Салли, отведи его наверх. Еще слишком рано. Я пока не в настроении возиться с клиентами.

– Нет, он не хочет комнату, мэм. Он хочет поговорить с вами.

Миссис Бин нахмурилась и спустила ноги на пол.

– О чем это? – проворчала она недовольно.

– Не знаю, мэм. – Салли нервно теребила свой передник. – Но он не из тех господ, которые привыкли к отказам.

– Что за чушь ты несешь, глупая девчонка! – рассердилась хозяйка, но в глазах ее вспыхнуло любопытство. – Всякому можно отказать. Вряд ли этот тип какой-то особенный.

Однако, войдя в гостиную, где ее ждал незнакомец, миссис Бин вынуждена была признать, что Салли права. Этот господин не был похож на других. Такого надменного и властного человека она никогда в жизни не видела.

Миссис Бин старалась содержать свое заведение в порядке и чистоте, но от присутствия этого высокого господина с патрицианскими чертами, в роскошной одежде и с утонченными манерами гостиняя даже ей самой показалась убогой и нищей. Испытывая естественное уважение к состоятельным знатым особам, миссис Бин на этот раз растерялась: никогда прежде она не встречала господина, который олицетворял бы собой самую рафинированную прослойку британского дворянства. Она не сомневалась, что имеет дело по меньшей мере с пэром Англии, поэтому от страха утратила дар речи и часто заморгала округлившимися от изумления глазами.

– Вы хозяйка этого заведения? – приподняв тонкую, красиво изогнутую бровь, спросил господин. Голос у него оказался приятным и спокойно уверенным.

– Да, – прочистив горло, выдавила из себя миссис Бин. Ее собственный голос показался ей чужим, хриплым и сдавленным. – Да, сэръ. Чем... кх... чем могу служить?

Незнакомец провел рукой по груди, облаченной в коричневый сюртук, из-под которого виднелся сливочного цвета жилет. Брюки из буйволовой кожи и высокие ботинки довершали его костюм, и впервые в жизни миссис Бин поймала себя на том, что с вождением смотрит на мужские бедра.

Вихрь мыслей в ее голове тут же унялся, когда незнакомец снова заговорил, тем самым напомнив ей о различиях между ними:

– Мне нужна некоторая информация, миледи.

– Конечно, сэр. Что именно вы хотите узнать? – У нее и мысли не промелькнуло о том, чтобы ему отказать.

– Я ищу человека, который, возможно, проезжал здесь недавно. Мужчина тридцати двух лет, ниже меня на два дюйма, хорошо одет, смуглый. На правой щеке шрам.

Миссис Бин сразу же узнала по этому описанию своего недавнего постояльца.

– Вероятно, вы говорите о графе Торнфилде? – предположила она, довольная тем, что смогла оказать услугу такому знатному господину, который, без сомнения, щедро вознаградит ее за усердие.

Мужчина проявил к ее словам некоторый интерес, но вместо того, чтобы обрадоваться, нахмурился:

– Вы видели человека с такими приметами, и он называл себя графом Торнфилдом?

– Да, сэр, – подтвердила она, почему-то начиная нервничать. Если они говорят о разных людях, то рассчитывать на вознаграждение не приходится. – Разве вы не его ищете, сэр?

– Как давно он был здесь?

– Он уехал сегодня утром, около восьми. Доктор велел ему оставаться в постели еще несколько дней после этого несчастного случая, но...

– После несчастного случая? Этот джентльмен был ранен?

– У него была разбита голова. Его жена сказала, что он неудачно упал и ударился о камень, когда...

– Его жена?

– Да, сэр. Леди Торнфилд и привезла его сюда позавтраком прошлой ночью. Он был без сознания и выглядел ужасно.

– И он поправился к сегодняшнему утру?

– Вполне. Он уже мог ходить и говорить, кроме того, он плотно позавтракал.

Она с радостью заметила, что господин с облегчением вздохнул, когда услышал эту новость.

– Они сказали, куда направляются? – спросил он.

– Нет, но они очень спешили.

– Вы не заметили, в какую сторону они уехали?

– По-моему, на запад.

– Можете описать экипаж?

– Разве вы не знаете, как он выглядит?

– Знаю, но я хотел бы услышать, что скажете вы.

– Светло-серый, с белыми полосками. Для графа выглядит довольно скромно. И нет герба на дверцах. Меня это удивило, но леди Торнфилд объяснила, что у них траур. Сама она была в черном платье.

– Хм, – нахмурился ее собеседник.

– Так вы ищете графа Торнфилда, сэр?

– Я... думаю, да.

Ей такой ответ показался странным, но она не подала виду. Господин погрузился в глубокую задумчивость, после чего достал из жилетного кармана несколько гиней и положил их в протянутую с готовностью руку миссис Бин.

– Спасибо за помощь, миледи.

– Не стоит благодарности, сэр, – просияла хозяйка, благодаря судьбу, пославшую ей двух таких щедрых господ всего за одни сутки.

Когда он направился к дверям, она вдруг подумала, что дополнительная информация об этом графе может оказаться для него важной, а ей принесет несомненную выгоду.

– Он потерял память, – произнесла она ему в спину.

– Джек потерял память? – круто обернулся господин, недоверчиво прищуриваясь.

– Джек, сэр? – Ее охватило смятение. – Но ведь мы говорим о Деметрии, лорде Торнфилде...

– Да, именно о нем. Значит, он потерял память?

– Да. Доктор даже сказал, что ему повезло, коль скоро он путешествует со своей женой, которая может о нем позаботиться. Было бы хуже, если бы он оказался один в незнакомом месте среди чужих людей, не помня, кто он такой и где его дом.

– Так, – задумчиво протянул незнакомец.

– Вы его друг? – спросила миссис Бин.

– Да, друг. – Господин стряхнул с себя задумчивость и решительно заявил: – И я намерен догнать его... и его очаровательную жену, чего бы мне это ни стоило!

Он развернулся и широкими шагами, но с редкостным достоинством направился к своей карете, украшенной гербами. Он о чем-то быстро переговорил с кучером, влез в ка-

рету, и через мгновение от нее осталось лишь серое облако пыли.

Миссис Бин проводила восхищенным взглядом черный, с серебряной инкрустацией, экипаж. Когда дорожная пыль осела, она покачала головой, размышляя о том, почему джентльмен умчался в такой спешке и почему он собирается догнать своего друга «чего бы это ни стоило». Впрочем, при таких деньгах, как у него, он может позволить себе любую блажь.

И тогда только она вспомнила, что рассчитывала на дополнительное вознаграждение и что джентльмен не оправдал ее ожиданий, и погрозила кулаком вслед карете, стремительно несущейся по дороге к Арунделу.

* * *

На подъезде к Арунделу экипаж мисс Дарлингтон как следует трянуло на какой-то рытвине. Тео показалось, что в карете что-то хрустнуло, и он остановился, чтобы проверить. Выяснилось, что обод правого переднего колеса треснул.

В таком состоянии экипаж не мог продолжать путь, поэтому Тео с величайшей осторожностью свернул в ближайшую деревню, чтобы найти каретного мастера. Вскоре они оказались на постоялом дворе. Тео распряг лошадей, приказал Харли и Джо напоить их и отправить пастись, а сам пошел искать мастера.

Джек проснулся. Вид у него был вполне здоровый после столь продолжительного отдыха. Он открыл дверцу и, щурясь на солнце, огляделся.

– Господи, до чего же хороший сегодня денек! – Он с улыбкой повернулся к мисс Дарлингтон.

– Я не заметила, – ворчливо отозвалась она, расстроенная вынужденной задержкой. Она избегала встречаться с ним взглядом, поэтому снова уставилась в окно.

– Почему бы вам не выйти и не размять ноги? – предложил он.

– Мы здесь надолго не задержимся.

– Вы переоцениваете способности деревенских мастеровых, – добродушно улыбнулся Джек. – Я уверен, что у нас достаточно времени даже для того, чтобы перекусить.

– Я собиралась позавтракать в Арунделе, – упрямо возразила она.

«Джон» потер подбородок и сочувственно посмотрел на свою спутницу.

– Я знаю, как вы торопитесь, мисс Дарлингтон, но если вы будете упрямо сидеть в душном, тесном экипаже, вместо того чтобы пойти прогуляться, вы не доберетесь до места быстрее. И если вы добровольно обречете себя на неудобства, это никоим образом не ускорит процесс починки колеса. К сожалению, не все события в этой жизни поддаются нашим желаниям, мисс Дарлингтон, так что уж лучше воспользуйтесь моментом и получите удовольствие от этой вынужденной за-

держки. Тем более что день сегодня выдался на редкость замечательный.

Он внимательно наблюдал за тем впечатлением, которое произвела его маленькая проповедь на мисс Дарлингтон. Она поджала губы и покосилась на слуг, которые стояли неподалеку и делали вид, что не слышат их разговор.

– Какое упорство! – насмешливо воскликнул «Джон». – Какая целеустремленность! Несомненно, ее можно объяснить лишь тем, что вы опаздываете на любовное свидание!

Мисс Дарлингтон вспыхнула:

– Если хотите знать, сэ, я направляюсь на Торни-Айленд для того, чтобы забрать оттуда своего племянника. Моя... сестра с мужем уехали, и я, как заботливая тетя, предложила им забрать ребенка к себе в Суррей и присматривать за ним до тех пор, пока они не вернуться. Теперь вы довольны?

«Джон» пристально посмотрел на нее. Он не был доволен, потому что видел, что она опять лжет. Да и кто доверит своего ребенка эксцентричной особе, которая ездит по Англии без охраны?

– Интересно, почему вы держали цель своего путешествия в тайне и раскрыли ее только теперь? – поинтересовался он небрежно.

– Я не предполагала, что это имеет к вам какое-либо отношение, сэ.

– Почему? Разве мы не друзья? Мне казалось, что мы достаточно сблизились на том постоялом дворе.

Лицо мисс Дарлингтон залил румянец стыда, когда она вспомнила, какого рода «сближение» произошло между ними. А вот Джека то обстоятельство, что она видела его голым, не только не смущало, но даже почему-то радовало. Оно придавало особую пикантность их отношениям, хотя он, как джентльмен, не мог воспользоваться своей привлекательностью, потому что... потому что она была леди.

Джеку хотелось знать истинную причину их поездки на Торни-Айленд – в это шумное, скандально известное место, – но он понимал, что никогда не получит прямого ответа на прямой вопрос. Приходилось действовать обходными путями. Нужно было подгадать момент и застать мисс Дарлингтон врасплох. Впрочем, времени вполне достаточно, поскольку все дела, которые у него, возможно, и были, теперь забыты напрочь.

Джек выбрался из экипажа, набрал полную грудь чистого воздуха и закинул руки за голову.

За спиной скрипнули рессоры, из чего он заключил, что мисс Дарлингтон решила все-таки последовать его совету и прогуляться. Он не отходил от дверцы, чтобы в любую минуту протянуть ей руку и помочь спуститься. Однако она даже тут проявила свой строптивый нрав и вылезла с другой стороны. Джек поспешил туда, но опоздал. Мисс Дарлингтон уже расправила складки на юбке и отправилась на прогулку в рощицу.

Джек бесстрашно двинулся следом, предвкушая очеред-

ную пикировку.

– Почему вы сегодня такая колючая, мисс Дарлингтон? Вы избегаете меня, как будто я болен тифом.

Мисс Дарлингтон смерила его уничтожающим взглядом. Он смутился и сделал вид, что снимает с рукава пушинку.

– Вы находите, что с моим костюмом что-то не в порядке? – невинным тоном спросил он.

– Нет, Джон. Напротив, вы сияете, как новый пятипенсовик. Судя по всему, вы привыкли уделять большое внимание своей внешности.

– А что в этом плохого? – рассмеялся он.

Она не ответила и продолжила сердито:

– Более того, вы несносный дамский угодник, который не может удержаться от флирта даже в присутствии такой скромной старой девы, как я. Между тем я всего лишь стараюсь помочь вам с тех пор, как...

– С тех пор, как сбили меня своими лошадьми?

Мисс Дарлингтон готова была ответить резкостью, но ее отвлекло появление Тео, который хмурился, как всегда, когда заставал свою госпожу наедине с Джеком.

– В чем дело, Тео? – спросила Аманда.

– Я не могу найти колесного мастера, – в отчаянии развел руками кучер. – Его нигде нет. Да и вся деревня словно вымерла.

Джек вышел из рощицы и оглядел небольшой ряд одноэтажных домов, из которых и состояла деревня. Мисс Дар-

лингтон и Тео подошли к нему. Они все вместе прислушались... и не услышали ни звука.

– Господи! – прошептала Аманда в ужасе. – Куда же они все подавались?

– Они не могли уйти далеко, потому что повсюду сохранились следы их недавнего пребывания, – заметил Джек.

– Но что послужило причиной их внезапного исчезновения?

– Наверное, свадьба или похороны, – предположил Тео.

– А разве есть разница? – еле слышно пробормотал Джек.

– В деревнях все соседи знают друг друга и дружат семьями, – пояснил Тео, тактично пропустив мимо ушей циничное замечание Джека. – Когда кто-то женится или умирает, все надевают праздничные наряды и собираются в церкви.

– Там, чуть ниже по дороге, есть церковь, – сказал Джек, заметив в отдалении каменное здание со шпилем, огороженное покосившимся плетнем. – Мы можем сходить на разведку.

– Тео, жди нас у экипажа вместе с остальными, – приказала Аманда. – Надеюсь, нам с Джоном удастся разыскать мастера.

Тео неохотно согласился, бросив подозрительный взгляд на Джека. Аманда и ее подопечный не спеша шли по дороге и вскоре оказались возле дверей старинной церкви. Вдруг двери распахнулись, и из них вывалилась целая толпа людей, в самом центре которой сияли счастливые лица жениха

и невесты.

– Похоже, это не похороны, – сделал вывод Джек.

Прошлой ночью его опять мучил все тот же кошмар: неизвестная невеста и хомут супружества на шее. Теперь ему казалось, что сон продолжается даже наяву.

Но сейчас на месте жениха стоял другой, за что Джек от всей души благословлял судьбу.

Глава 8

Оказалось, что вся деревня действительно собралась в церкви на свадьбу. Аманда была потрясена и взволнована видом такого огромного количества радостных и счастливых людей, высыпавших на недавно выкошенную лужайку возле церкви.

Сельские жители были одеты по-праздничному: мальчишки в домотканых коротких штанах играли в салки вокруг надгробий; девочки в кружевных панталончиках и коротких юбочках; пышнотелые молодухи в цветастых муслиновых платьях, бросающие на невесту завистливые взгляды из-под полей украшенных осенними цветами соломенных шляпок; здоровенные парни в красных галстуках, туго стягивающих воротнички накрахмаленных сорочек; вдовы в старомодных шелковых туалетах; солидные землевладельцы и торговцы, фермеры с багровыми лицами, стареющие красотики, изнашивающие в затянутых корсетах.

И в этой колоритной толпе находится колесный мастер, с которым были связаны их надежды на скорейшее продолжение пути.

– Как же мы его здесь отыщем? – растерянно спросила Аманда. Она не могла смириться с тем, что на ее пути постоянно возникают какие-то препятствия. Похоже, к тому времени, когда она доберется до Торни-Айленда, ее брат или

сестра успеет состариться!

– Надо спросить у кого-нибудь. Мы и так привлекли всеобщее внимание, – ответил Джек.

И он оказался прав. Вся нарядная толпа с любопытством глазела на них. Аманда вдруг смутилась и инстинктивно взяла «Джона» под руку, когда он направился к селянам. Он заглянул ей под шляпку и ободряюще улыбнулся. Она приготовилась выслушать очередную насмешку, но он лишь сказал:

– Не волнуйтесь, мисс Дарлингтон, эти люди вполне дружелюбно настроены. – Он прижал к себе ее руку.

Его уверенность и спокойствие передались Аманде, и она не захотела отстраниться.

Когда они подошли ближе, по толпе пронесся шепот. Люди расступились, пропуская их к новобрачным. Аманду смущал тот факт, что они оказались непрошеными гостями на этом празднике, тем более что они представляли собой довольно странную пару.

Мало того что они с «Джоном» принадлежали к другому кругу, на ней было черное траурное платье, а он выглядел как светский лев, выбравшийся за город на пикник. Белая повязка на лбу придавала ему залихватский вид.

Невеста в белом муслиновом платье с венком из плюща на голове выглядывала из-за букета цветов с нескрываемым любопытством. Жених сердечно пожимал руку какому-то пожилому господину, который, судя по внушительному облику

и поразительному внешнему сходству с ним, являлся его отцом: оба были высокими, худыми, загорелыми, с резко выступающими кадыками.

Невеста толкнула жениха локтем в бок, и отец с сыном ушли на Аманду и ее «мужа».

– Добрый день, сэр, – с обаятельной улыбкой приветствовал Джек жениха.

– Добрый день, – вежливо, но настороженно ответил тот.

– Я вижу, вы уже получаете поздравления.

– Верно, – вмешался грубоватый чернобородый мужчина, стоявший рядом с невестой. – Это счастливое событие, и все мы радуемся, как птички весеннему солнышку. Чем мы можем быть полезны вам и вашей жене, сэр?

Джек не стал объяснять, что Аманда ему не жена. Он решил, что в данных обстоятельствах это не имеет значения. Она тоже не возражала, потому что начала ценить преимущества путешествия в сопровождении мужчины и не хотела вдаваться в сложные, путаные объяснения.

– Мы направляемся в Арундел, но у нашего экипажа сломалось колесо. Нам нужен колесный мастер. Жаль, что приходится портить вам праздник, но не могли бы вы познакомить нас с этим человеком? Мы были бы счастливы, если бы он нам помог.

Судя по тому, как просиял собеседник Джека, он и был колесным мастером.

– Он перед вами, сэр, – ответил бородач и ту же затянул

узел галстука. – Я лучший колесный мастер Патчинга и горжусь этим.

– Прекрасно, – кивнул Джек. – В таком случае не можем ли мы ненадолго забрать вас с этого торжества? Починка колеса не займет много времени, и мы сразу же уедем.

– Боюсь, это невозможно, сэр, – нахмурился мастер.

– Почему? – удивился Джек.

– Потому что я отец невесты и организатор праздника, – несколько агрессивно и явно не желая слушать возражения, заявил он. – Не хотите же вы, чтобы я пропустил свадьбу собственной дочери?

Аманда прикусила губу от досады, кляня судьбу за новую неудачу, а Джек продолжал подчеркнуто вежливо:

– Вы правы, сэр. А через какое время вы могли бы заняться колесом?

Мастер был приятно поражен тем, что знатный господин вошел в его положение, и добродушная улыбка вернулась на его лицо.

– Дайте мне час или два, сэр, а потом я починю ваше колесо... и совершенно бесплатно!

– Не стоит отказываться от вознаграждения, – улыбнулся Джек. – Пока вы празднуете, мы с женой и наши слуги хотели бы отдохнуть и перекусить. Не могли бы вы указать нам место, где это можно было бы сделать?

– К сожалению, сейчас в деревне все закрыто.

– Этого я и боялся. Но ничего страшного. Мы подождем

вас в той роще. Только дайте нам знать, когда...

– Что за ерунда! – воскликнул отец жениха с радушной улыбкой. – Коль скоро вы отнеслись с пониманием к естественному желанию человека выпить и закусить на свадьбе молодых, я готов отплатить вам тем же. Присоединяйтесь к нашему столу! Для ваших слуг тоже найдется место.

Джек посмотрел на Аманду, но та не могла решить, стоит ли принимать приглашение. Она проголодалась, и ее вовсе не шокировала мысль, что она будет сидеть за одним столом с йоменами и торговцами Патчинга, но ей казалось, что их присутствие смутит селян.

– А мы им не помешаем? – шепотом спросила она Джека, приподнявшись на цыпочки к его уху.

Однако колесный мастер стоял слишком близко и услышал ее вопрос.

– У нас достаточно еды и питья, мэм, и вы будете желанными гостями в нашей веселой компании, – вмешался он. – Мы будем счастливы, если вы разделите нашу радость и примете участие в нашем незатейливом празднике.

Приглашение было сделано в такой галантной и доброжелательной манере, что Аманда не нашла в себе сил отказаться. Она уже хотела открыть рот, чтобы принять приглашение, но подумала, что стоит предоставить это право своему «мужу». Посмотрев на него, она поняла, что он тоже хотел бы остаться. Они поняли друг друга без слов и повернулись к мастеру.

– Мы с радостью присоединимся к вашей компании, – улыбнулся Джек.

– Для нас это большая честь, сэр, – ответил отец невесты и протянул ему свою огромную мозолистую ладонь. – Меня зовут Ричард Кларк.

– А меня Джон Дарлингтон, лорд Торнфилд, – представился Джек без тени смущения. – А это моя любимая жена, леди Торнфилд.

Кое-кто из гостей вытаращил на них глаза, услышав столь громкий титул, но Ричард Кларк несколько не смутился и с редким для сельского жителя достоинством представил господам семью конюха, с которой породнился, а также некоторых своих друзей, оказавшихся поблизости. У Аманды голова шла кругом от обилия новых имен, но она честно старалась запомнить их все.

Наконец Ричард решил, что пора начинать праздник, и со своей пышнотелой женой возглавил череду гостей, направляющихся к столу. Аманду с Джеком тут же поглотила радостная толпа, заполонившая лужайку.

В этот момент за спиной у Аманды раздался грохот несущейся во весь опор кареты. Она обернулась и с завистью проводила ее взглядом. Вскоре на дороге, ведущей на Торни-Айленд, осталось лишь облако пыли, а кареты и след простыл.

Их завертело в водовороте счастливых лиц, и праздничная атмосфера заставила Аманду забыть о неприятностях.

Действительно, разве в ее силах изменить ситуацию? Им придется задержаться до тех пор, пока колесо не починят, так почему бы не повеселиться от души? Джек был прав, когда говорил, что следует пользоваться моментом и получать удовольствие.

Аманда наслаждалась свободой. Она едва не подпрыгивала от радости, когда «муж» вел ее к столу. Ему, судя по всему, тоже нравилось разыгрывать роль заботливого супруга. А она испытывала восторг оттого, что ее считают женой такого знатного и красивого господина, и в сердце у нее поселилась гордость. Она решила, будь что будет, но она всласть повеселится, раз уж выпала такая возможность.

Свадебное пиршество проходило в огромном амбаре, стены и пол которого были вычищены до блеска ради такого торжественного случая. В самом центре, где предполагалось устроить танцы, были разбросаны охапки душистой соломы. Со стропил свешивались цветочные гирлянды, столбы были украшены охапками подсолнухов и спелыми тыквами. Вдоль стен было навалено сено, заменяющее стулья и скамейки.

Длинные столы, расставленные по периметру амбара, ломились от яств: жареные фазаны и кролики, свежие овощи и зелень, хлеб и бисквиты, сыры и вино.

Гости суетливо ринулись к столам, тесня и отталкивая друг друга, но Ричард удержал два места для Аманды и ее «мужа» рядом с собой и неподалеку от жениха с невестой. Аманда вспомнила о своих слугах и попросила Джека устро-

ить так, чтобы их тоже позвали.

– Разумеется, дорогая, – с подчеркнутой предупредительностью и лукавым блеском в глазах ответил он.

Аманда ничего не могла поделать, потому что обмен ласковыми словами между супругами был в порядке вещей.

Когда Джек встал из-за стола и направился к выходу, она залюбовалась его стройной фигурой и решила, что, пожалуй, не станет возражать, если он в ближайшие два-три часа будет называть ее «дорогая». И хотя они всего лишь играют навязанные им роли, разве от этого станет кому-нибудь хуже?

Джек вернулся со слугами, и после краткой молитвы, которую громким голосом прочел Ричард Кларк, гости набросились на угощение.

– Вот, дорогая, попробуй, – произнес Джек, наполнив ее бокал до половины каким-то темно-красным напитком. – Ричард говорит, что это приготовлено по его собственному рецепту.

– А что это? – подозрительно заглянула она в бокал.

– Сладкое вино из ягод бузины, – ответил он и сделал большой глоток.

– Вы уверены, что вам можно пить после недавнего сотрясения мозга? – нахмурилась Аманда.

– Глупости, – засмеялся Джек. – Это легкое вино. Посмотрите, даже детям его дают, только разводят водой. Так что можете позволить себе это удовольствие и попробовать.

Аманда сомневалась в том, что стоит приобретать такой

жизненный опыт – ведь она никогда прежде не пробовала спиртного, – но Джек вдруг склонился к ее уху и прошептал:

– Вы ведь не привыкли позволять себе удовольствия, разве не так, мисс Дарлингтон?

– Я делаю это регулярно, сэр, – солгала она.

– Что же именно вы себе позволяете? Положить лишний кусочек сахара в чай? Или чуть дольше полежать в ароматизированной ванне? Кстати, крепкий чай опасен для здоровья, мисс Дарлингтон! А после такой ванны можно и не заснуть до полуночи!

Аманда разволновалась. Родители никогда не держали алкогольные напитки в доме, и сама она считала, что так безопаснее, хотя знала многих людей, которые умеренно выпивали и при этом не становились завсегдатаями местных пивных.

Насчет «мужа» у нее такой уверенности не было. В ту ночь, когда она сбила его, он вышел на дорогу из леса пьяный как сапожник. А потому она не знала, какое действие произведет на него вино из бузины Ричарда Кларка.

– Не вам давать мне подобные советы, сэр. Насколько я могу судить, вы позволяете себе слишком много и не знаете меры, отчего и оказались в столь плачевном состоянии, – прошептала она укоризненно.

– Что ж, дорогая, вы правы, – ответил он без тени обиды. – И все же я предпочитаю иногда не знать меры, нежели никогда не испытывать удовольствия. До чего скучной, тусклой

и однообразной была бы жизнь, лишенная риска, вы не находите?

Аманда считала точно так же, потому что ее собственная жизнь была тому примером.

– А то, что я попал под копыта лошадей той ночью... – продолжал он задумчиво. – Я, конечно, не помню, но сдается мне, что я никогда раньше не напивался так сильно. В том, что произошло тогда, есть какая-то странность.

– Я тоже так думаю, – согласилась Аманда, но Джек пожал плечами и тут же сменил тему разговора.

– Не бойтесь, мисс Дарлингтон, – ободрил он ее шепотом. – Я вовсе не намерен напиваться. Но коль скоро я решил вести себя хорошо, то почему бы вам не попробовать быть немножко плохой? Пригубьте вина, мисс Дарлингтон. Если вы опьянеете и потеряете над собой контроль, я обещаю не компрометировать вас.

– Не смешите меня, Джон. – Аманда отмахнулась от него, сделав вид, что его замечание нисколько не смущает и не беспокоит ее. – Вы не уговорите меня пить это вино, но когда мистер Кларк произнесет тост за свою дочь, я охотно присоединюсь к нему.

И в этот момент, словно заранее договорившись с Джеком, Ричард Кларк предложил выпить за счастье, здоровье, процветание и плодовитость молодоженов. Однако тост оказался длинным, потому что гости пили за каждое пожелание в отдельности. К концу тоста невеста раздурманилась, а при

пожелании плодовитости покраснела, как маков цвет.

Аманда чувствовала, что ее щеки тоже горят. Но не от смущения, а от вина. Этот напиток оказался гораздо более бодрящим, чем самый крепкий чай, и, похоже, мог разогреть любого от кончиков пальцев до корней волос. Теперь Аманда поняла, почему люди любят пропустить рюмочку холодными зимними вечерами. После четвертого тоста она ощутила на себе чудесное действие этого напитка, несмотря на жаркий июльский вечер.

Чтобы казаться взрослой и умудренной опытом женщиной, она при каждом тосте делала несколько больших глотков, и хотя закашлялась при первом, но стойчески выдержала испытание до конца, невзирая на то, что на глазах у нее выступили слезы, а горло жгло огнем. Впрочем, довольно скоро она привыкла к необычному вкусу вина и полностью расслабилась.

Джек стал подумывать о том, что переборщил и не стоило, пожалуй, предлагать мисс Дарлингтон вино. Сначала он решил, что она до сих пор позволяла себе лишь глоток миндального ликера или шерри на каком-нибудь официальном приеме, но по тому, как она пила вино Ричарда Кларка, он догадался, что это ее первый опыт. Она приняла его вызов и не хочет ударить в грязь лицом. Однако, судя по ее поведению и пылающим щекам, она скоро совсем опьянеет.

Пока мисс Дарлингтон увлеченно беседовала с глухой старухой, сидевшей слева от нее, Джек забрал у нее бокал с ви-

ном. Он не хотел, чтобы она напивалась, потому что, как известно, алкоголь развязывает язык. А они не могли рисковать.

В какой-то момент она протянула руку за бокалом и не обнаружила его, но Джек ловко отвлек ее, кивнув на скрипача, настраивающего инструмент в углу амбара:

– Поскольку, как я только что сообщил жениху, мы с вами состоим в счастливом браке уже несколько лет, я должен был бы знать о вас некоторые интимные подробности, дорогая. Но все же освежите мою память. Скажите, вы любите танцевать?

Как только скрипач заиграл зажигательную джигу, половина гостей захотела потанцевать, и в центре амбара стало тесно. Аманда с восторгом и завистью смотрела на танцующих, демонстрирующих если не мастерство, то по крайней мере энтузиазм, и притоптывала в такт музыке.

– Мне нравится смотреть, как танцуют другие, – призналась она с улыбкой. – Я думаю, мне понравилось бы танцевать самой, но я делала это лишь несколько раз в Лондоне, когда впервые вышла в свет.

– Но ведь в Лондоне вы танцевали с незнакомыми мужчинами, не так ли?

– Да, я всегда была слишком стеснительной и с трудом сходилась с людьми. Особенно с мужчинами.

– Но со мной вы близко знакомы. – Он попытался заглянуть ей в глаза, чтобы уловить ее смущение, но она ответила,

не сводя глаз с танцующих:

– Вы не правы, Джон. Я просто ухаживала за вами, пока вы были больны, но я ровным счетом ничего о вас не знаю. – Она повернулась к нему: – Впрочем, это, наверное, и нравится мне в вас больше всего.

– Что именно? – удивился он.

– Ваша таинственность, – застенчиво улыбнулась она.

– Почему же?

– Потому что это позволяет мне держаться более раскованно, – склонив голову набок, задумчиво проговорила она.

– Я никогда не наблюдал в людях большей сдержанности, чем в вас. – Он изумленно поднял брови.

– На самом деле я очень сдержанна, – заверила она его.

– Правда?!

– Да, но в последнее время я очень изменилась. Недавнее событие в моей жизни убедило меня в том, что нужно поступать по велению сердца, а не в соответствии с правилами, внушаемыми нам с рождения.

Джек усмехнулся, хотя его тронуло до глубины души ее откровенное признание.

– Не всегда можно доверять чувствам, мисс Дарлингтон. Импульсивность иногда может привести к губительным последствиям. Но вы правы в том, что стараетесь стать менее... скованной.

– Да, я тоже так думаю!

– Если вы готовы согласиться со мной, то, вероятно, по-

тому, что вино ударило вам в голову и заставило вас поразмыслить, – язвительно предположил Джек.

– Нет, дело не в вине, – серьезно возразила она. – Разве эти люди не восхитительны, Джон? Я никогда раньше не имела дела с такими открытыми, свободными и непосредственными людьми. Вы заметили, как мистер Кларк обхаживает свою жену? Мои родители никогда не были так нежны друг с другом.

– Ну...

– Даже молодожены чувствуют себя легко и непринужденно, хотя, казалось бы, они должны смущаться.

– По-моему, все молодожены ведут себя одинаково невыносимо, – поморщился Джон.

– Я знаю, что мне следовало бы сейчас мчаться на Торни-Айленд, но я не виновата, что колесо сломалось, – со вздохом произнесла она. – Сказать по правде, я даже рада, что мне довелось побывать на этом празднике.

Джек забеспокоился, потому что деревенское вино оказывало на мисс Дарлингтон, обычно державшуюся подчеркнуто строго, неожиданное действие. Он хотел, чтобы она немного расслабилась и развеселилась, но ему совсем не хотелось, чтобы она впала в эйфорию, за которой неминуемо последует депрессия. Кроме того, она, похоже, напрочь забыла о своих неотложных делах на Торни-Айленде.

Мисс Дарлингтон вдруг схватила его за руки.

– Как вы думаете, это будет очень неприлично, если я по-

танцюю?

Джек был потрясен. Он боялся даже подумать о том, чтобы пригласить ее потанцевать. Хотя бы потому, что она в трауре. Многие женщины через полгода позволяют себе сменить черное платье на обычное, но мисс Дарлингтон, казалось, не собиралась расставаться с трауром еще очень долгое время.

– Я думаю, что кое-кто неодобрительно нахмурится, но и только, – ответил он. – Но большинство будут только рады. Впрочем, вы уверены, что хотите этого?

– Абсолютно, – кивнула она и оглядела зал. – А кого мне пригласить?

– Моя дорогая девочка, – укоризненно улыбнулся он. – Вне всякого сомнения, вы должны танцевать со мной!

– Но ваша голова... и колено...

Он поднялся и властно притянул ее к себе. Не хватало еще, чтобы ее крутил в зажигательном танце какой-нибудь деревенский бугай! Она действительно выпила больше, чем следовало! Его жена не будет танцевать ни с кем, кроме него самого!

Скрипач заиграл новую мелодию, и Джек решительно повел свою партнершу в центр зала. Их появление было встречено с большим интересом, а вскоре раздались восторженные аплодисменты, потому что танцевали они очень хорошо.

Мисс Дарлингтон, как выяснилось, была очень легкой, гибкой и грациозной. Ему нравилось кружить ее и видеть,

как счастливо сияют ее глаза. На очередном крутом вираже с нее слетела шляпка, и какой-то мальчишка быстро поднял ее с пола. Мисс Дарлингтон лишь рассмеялась и тряхнула головой, отчего ее пышные кудри рассыпались и упали на лицо.

Джек был ошеломлен. Он и представить себе не мог, что мисс Дарлингтон обладает такой живой красотой и неумемной энергией. В его присутствии она всегда была чересчур сдержанной, строгой, неприступной и... чем-то глубоко печальной.

Он не хотел верить, что причиной столь чудесного превращения оказалось всего лишь вино из бузины Ричарда Кларка. Если бы это вино и вправду обладало такой магической силой, колесному мастеру давно следовало бы отказаться от своего ремесла и заняться продажей этого волшебного зелья!

Только после того, как мисс Дарлингтон отплясала три танца, Джек с трудом уговорил ее вернуться на место. У него болело колено, кружилась голова и сердце готово было выскочить из груди, но он скорее бы умер, чем признался ей в этом.

– Лорд Торнфилд. Милорд?

Джек не сразу понял, что Ричард Кларк обращается к нему. Мастер тоже танцевал и теперь, тяжело дыша, вытирал вспотевший лоб платком.

– Мистер Кларк, – сочувственно улыбнулся Джек. – Я вижу, вы тоже выбились из сил.

– Да, дамы могут танцевать с утра до ночи... Я готов за-

няться вашим колесом, сэр. Как вы на это смотрите?

– Отлично. Сколько времени это займет?

– Не больше получаса.

– Вы ведь знаете, где находится экипаж? Можете приниматься за дело. А мы с леди Торнфилд прогуляемся, чтобы немножко освежиться. Я заметил за церковью весьма живописный ручеек, мы пойдем в ту сторону.

– Прекрасная мысль, – одобрительно кивнул мистер Кларк. – У нас очень красивые места. Надеюсь, вы получите удовольствие от прогулки.

Джека волновал не столько живописный пейзаж, сколько состояние мисс Дарлингтон. Танцы возбудили ее, обычно столь холодную и чопорную, и он хотел отвести ее в какое-нибудь тихое местечко, где она могла бы немного прийти в себя. Дело не в том, что она не нравилась ему в таком виде – раскрасневшаяся и радостная, – просто он опасался, что в любой момент ее настроение может измениться. Будет лучше, если это произойдет вдали от людей.

Мисс Дарлингтон поцеловала мальчика, который подобрал ее шляпку, распрощалась со всеми, с кем успела познакомиться, и взяла Джека под руку. Они вышли на улицу.

– Куда мы идем? – спросила она. – Экипаж в другой стороне.

– Я подумал, что мы можем прогуляться вдоль ручья, пока мистер Кларк чинит колесо. Вы не против?

– Нет. Вы же сами говорите, что нет смысла сидеть в душ-

ном экипаже, если можно погулять на чистом воздухе, да еще в такую чудесную погоду.

Джек взглянул на ее улыбающееся лицо. Щеки ее размянились от танцев, глаза сияли небесной чистотой. Распущенные волосы отливали золотом. Он боролся с желанием запустить пальцы в ее пышные локоны и ощутить их шелковистое скольжение, и с трудом сдерживался, чтобы не прижать ее к себе.

– Я вижу, вы больше не торопитесь сломя голову на Торни-Айленд, – заметил он.

На лбу ее обозначилась тревожная складка.

– Для меня по-прежнему важно попасть туда как можно скорее... – Она отвернулась, чтобы не встречаться с ним взглядом, – потому что я дала обещание своему брату и его жене. Но ведь нам все равно придется ждать, пока починят колесо, а значит, мы можем погулять. Сколько у нас есть времени?

– Около получаса, – ответил он, отметив про себя, что в прошлый раз она говорила о своей сестре и ее муже.

– Хорошо, – удовлетворенно вздохнула она.

Джек был удивлен и... растерян. Он приписывал ее странное поведение опьянению, но она вовсе не была пьяной. И никакая депрессия, судя по всему, ей не грозила. Она держалась раскованнее, чем обычно, но полностью владела своими чувствами и эмоциями. Кроме того, она выглядела весьма довольной жизнью.

Да, именно довольной. С того момента, как он пришел в себя, ее состояние впервые можно было обозначить этим словом. Джек предпочел не заниматься анализом ситуации, а просто порадовался тому, что это так.

Они прошли через кладбище и спустились к ручью, по берегам которого росли старые ивы. Прозрачная холодная вода весело бежала по каменистому дну, и зрелище это было так прелестно, что завораживало взор. Они какое-то время постояли молча, после чего повернулись друг к другу.

Легкий ветерок распушил волосы мисс Дарлингтон. Они упали ей на лицо, и Джек протянул руку, чтобы убрать их со лба. В этот момент она поскользнулась на куче опавшей листвы и едва не упала. Он подхватил ее, обняв за талию.

– Осторожно, – сказал он и посмотрел на ее губы, чуть приоткрытые от изумления.

– Да... осторожно, – повторила она, упираясь руками в его грудь.

Сердце у него заколотилось, дыхание стало учащенным, а перед глазами стояли нежные, призывные губы мисс Дарлингтон.

– Мисс Дарлингтон, вы знаете, что вы красавица? – прошептал он, крепко прижимая ее к себе.

Она вспыхнула, и ее ресницы удивленно взметнулись вверх.

– Я – красавица?

– О да. – Он с улыбкой приподнял ее лицо за подбородок,

заставив посмотреть себе в глаза. – Вы прекрасны. Вы сейчас так близко, что я готов пожалеть о том, что я джентльмен. Вы самое удивительное, нежное и прекрасное создание, которое я встречал в жизни... насколько я помню, – добавил он с грустной усмешкой.

Она улыбнулась и опустила глаза. Он не мог отвести взора от ее ресниц, отбрасывающих густые тени на щеки, от соблазнительной ямочки на подбородке. Ее руки по-прежнему упирались ему в грудь, но теперь кулачки разжались, и она – возможно, не отдавая себе в том отчета? – осторожно гладила его. Джек был уверен, что под ее внешней неприступной и строгой оболочкой скрывается на редкость чувственная натура.

– Мисс Дарлингтон, вас когда-нибудь целовал мужчина? – хрипло спросил он.

– Да, – дрожащим голосом ответила она. – Но... это были не вы.

Глава 9

Джек готов был поклясться, что она попросила его поцеловать ее! Ему так хотелось, чтобы он не ослышался, тем более что это было вполне в ее характере: никакого флирта, никаких кокетливых ужимок. Такая прямота в выражении чувств вызывала уважение. Вот только вопрос: сама ли мисс Дарлингтон это сказала, или в ней заговорило вино из бузины?

Несмотря на то что в трезвости ее сознания можно было усомниться, Джек не смог устоять перед искушением. Он давно уже намеревался украсть у нее поцелуй и теперь не хотел упускать свой шанс. Черт побери, он никогда не простит себе, если сейчас ее не поцелует! К тому же ему не терпелось выяснить, хочет ли она этого поцелуя так же, как и он сам.

Но Джек не желал пользоваться ее слабостью, поэтому он спросил напрямик:

– Скажите честно, вы пьяны, дорогая?

– Вовсе нет, Джон, – тихо отозвалась она. Ее руки опять несмело заскользили по его груди. Она следила глазами за движениями своих рук, и ее сосредоточенность подействовала на него возбуждающе.

– Может быть, я женат, – с трудом переведя дух, проговорил он, нежно глядя ее по спине.

Она подняла на него сияющее лицо:

– Вы сказали, что не женаты, и я вам верю. Вы не могли бы забыть о таком важном событии. – Она продолжала ласкать его грудь, и он почувствовал, как к его чреслам приливает кровь.

– Но что гораздо важнее – я и не собираюсь жениться, – добавил он.

– Я догадалась об этом уже давно по некоторым вашим высказываниям, – ответила она беспечно и вернулась к своему занятию: теперь она исследовала его плечи и основание мощной шеи.

– Но я даже не знаю вашего имени. Вы велели называть вас мисс Дарлингтон... помните?

– Меня зовут Аманда, – прошептала она.

– Аманда, посмотрите на меня, – приказал он.

Она повиновалась.

Он сгреб ее в охапку и прижал к своей груди.

– Если учесть, как сильно я хочу этого, лучше бы мне вас не целовать.

К невероятному разочарованию Джека, она покорно кивнула, опустила глаза и произнесла:

– Я пойду к экипажу.

– Черта с два! – возмутился он и с новой силой притянул ее к груди. Он не ожидал такой стремительной капитуляции. Он хотел поцеловать ее и сделает это... и к черту все доводы разума!

– Аманда... – простонал он и поцеловал ее.

У Аманды появилось чувство, что она всегда, всю свою жизнь ждала именно этого поцелуя. Его губы оказались твердыми и упругими, но вместе с тем теплыми и терпкими на вкус. Сладкая боль зародилась в ее груди, постепенно распространившись по всему телу. Голова закружилась, а ноги стали ватными.

Аманда и прежде целовалась. Один раз в возрасте тринадцати лет с Бенджамином Уокером, сыном местного сквайра, и дважды с приходским священником в Иденбридже, во время их краткого романа два года назад. Поцелуй Бенджамина был мокрым и липким, и он был единственным, потому что Аманда никогда больше не согласилась бы пойти с ним в амбар. Поцелуй священника Митфорда был сухим и холодным и не вызвал в ней никаких эмоций. Аманда решила дать ему еще один шанс, но результат оказался таким же.

Возможно, именно тогда она поняла, насколько скучным была совместная жизнь родителей, и решила, что сама она никогда не повторит их ошибки. Поэтому от дальнейших визитов священника она вежливо уклонилась.

Поцелуй Джека не был похож ни на один из них. Каждая клеточка ее тела трепетала, каждый нерв был натянут до предела, кровь бежала по венам с бешеной скоростью. Более того, она знала, что он испытывает те же чувства.

Она не думала о том, хорошо или плохо то, что она делает. Она утратила ощущение времени и пространства. Ей захотелось сорвать с себя одежду и оказаться нагой в объ-

ятиях этого мужчины. Она вдруг вспомнила, как он лежал обнаженный на кровати в гостинице, и ей захотелось снова увидеть его таким и снова прикоснуться к его коже.

Она принялась ласкать его с нежной страстью, вспоминая бугры мышц на его груди, плоский живот, узкие бедра, внушительных размеров мужской орган...

У нее подкосились ноги, и она ослабла в его руках. Джон начал осторожно опускать ее на траву...

– Хм... мисс?

Аманда едва не упала от неожиданности. Она повернулась и оказалась лицом к лицу с... Тео. Он стоял, вытянув руки по швам и деликатно глядя в сторону; на его губах застыло выражение крайнего изумления и неодобрения.

– Колесо починено, мисс.

Аманда пришла в ужас. Она казалась себе голой, выставленной напоказ, как будто Тео мог увидеть сквозь платье, как бурно вздымается ее распалившаяся грудь. Как будто он мог увидеть интимные части ее тела или догадаться о том, что между ног у нее появилась влага.

Однако он вполне был в состоянии заметить беспорядок в ее одежде и прическе, неестественный блеск зацелованных губ и стыдливый румянец на щеках. Она действительно испугалась. Ничто не могло так быстро вернуть ее к реальности, как неодобрительно-укоризненная мина на лице старого слуги. Господи, о чем она думала! За последний час она совсем забыла о том, кто она такая. Может быть, амнезия

заразна?

– Спасибо... Тео, – выдавила она наконец из себя. Ее губы перестали быть мягкими, как тающий мед, и снова стали твердыми и поджатыми в строгую линию. – Я сейчас приду.

Тео не двинулся с места. Аманде захотелось спрятаться в экипаже и притвориться, что между ней и Джоном ничего не было, но она решила, что недоговоренности между ними быть не должно. А потому следовало устранить ее прямо сейчас, здесь, а сделать это в присутствии слуги она не могла.

– Тео, иди к экипажу, – приказала она.

– Вы придете сразу? – недовольно проворчал он.

– Обещаю, что последую за тобой. Мне нужно кое-что сказать Джону.

Тео смерил Джека ненавидящим взглядом и с достоинством удалился.

Аманда обернулась к Джеку, который стоял, скрестив на груди руки, с невозмутимым выражением на лице.

– Как не вовремя, – произнес он.

– Как неблагоразумно, – ответила она, вспыхнув до корней волос. – Тео вообще ничего не должен был видеть.

– Если бы он пришел на пять минут позже, то увидел бы гораздо больше.

– Нет, пожалуйста, не говорите так. – Она закрыла глаза и выставила вперед руку, словно защищаясь.

– Так вот, значит, откуда ветер дует. – Он разочарованно усмехнулся. – Значит, это вино послужило причиной вашей

раскованности?

Аманда хотела возразить, что последний хмель слетел с нее уже давно, но передумала, потому что только алкогольным опьянением можно было объяснить ее неприличное поведение. Она даже себе не могла бы сейчас объяснить этот поступок, поэтому предпочла обвинить во всем вино из бузины Ричарда Кларка.

– Вам следовало догадаться, что я пьяна, и вести себя, как подобает джентльмену, – укоризненно проговорила она. Но ей было очень стыдно снова ему лгать.

– Но ведь это вы попросили меня поцеловать вас, – сказал он.

– Не помню, чтобы я делала что-либо подобное! – упрямо возразила она.

– Ну, если это не было просьбой, то тогда я – африканский слон, – усмехнулся он.

– Нужно было держать себя в руках!

– Готов с вами согласиться. Нужно было, – великодушно признал он.

– И... и даже если я попросила вас об этом, можете быть уверены, что больше такое не повторится! – заверила она его.

– Очень благоразумно с вашей стороны, Аманда. Теперь вы понимаете, что я имел в виду, когда говорил, что не всегда следует руководствоваться чувствами?

– Перестаньте называть меня Амандой! – Она не знала, что ему ответить, и потому рассердилась.

– Хорошо, дорогая, – ответил он с любезной улыбкой.

– Нет, вы невыносимы! – воскликнула она и, подобрав юбку, поспешила прочь. – Вам послужит только на пользу, если я оставлю вас здесь одного и предоставлю самому заботиться о себе. – Она бросила на него взгляд через плечо и возмущенно ускорила шаг.

Джек смотрел, как колышется черная юбка Аманды, как соблазнительно покачиваются ее бедра. Через минуту после того, как она пропала из виду за склоном холма, учитывая улыбка стерлась с его лица. Их поцелуй не оставил его равнодушным, хотя причину этого он и сам не мог понять. Он не вспомнил ни своего имени, ни своей семьи, ни того, чем он занимался год или неделю назад. Но он знал наверняка, что не смог бы забыть, если бы хоть раз в жизни так целовал женщину. Он был почти уверен, что подобного с ним раньше не случалось...

Аманда Дарлингтон не переставала его удивлять. В ней крылась какая-то загадка: она могла быть неприступной и скованной, а в следующий момент – непринужденной и легкомысленной. Она была сильной и самостоятельной, но в то же время на редкость уязвимой. Ему хотелось уложить ее в постель – и защитить от всех напастей. Хотелось стать ее любовником – и другом. Его смущали собственные противоречивые чувства, которые никак не могли ужиться в одном человеке.

Одно он знал точно: разобраться в ситуации и в своих

отношениях с этой женщиной он сможет только тогда, когда узнает истинную причину, заставившую мисс Дарлингтон мчаться сломя голову на Торни-Айленд и в полном одиночестве.

Он знал, что своей амнезией создает ей лишние проблемы. С другой стороны, он был убежден – и вовсе не из чрезмерного тщеславия, – что нравился ей не меньше, чем она нравилась ему. Она ведь сама в этом призналась, разве нет? Да и по какой иной причине она захотела бы, чтобы он ее поцеловал?

Джек нахмурился, вспомнив вдруг, что она говорила о «таинственности», которая ее в нем привлекает. Но что-то подсказывало, что причина не только в этом.

Он глубоко вздохнул и медленно побрел к экипажу. Ему потребовалась вся его выдержка, чтобы остудить жар, который разлился по его телу от близости с мисс Дарлингтон, и он отдавал себе отчет в том, что достаточно одного взгляда, одного случайного прикосновения, чтобы страсть снова захлестнула его. Если бы Тео не появился так вовремя, они занялись бы любовью прямо на траве у ручья, не думая о том, что их кто-нибудь может увидеть. Он готов был признать, что в тот момент совсем потерял голову от страсти.

Он прошел через деревню, раскланиваясь с гостями, которые расходились по домам после праздника, выдержал недружелюбный взгляд Тео, и, когда подошел к экипажу, остатки любовного дурмана улетучились из его головы.

Лошади уже были запряжены, слуги готовы к путешествию.

– Где мистер Кларк? – спросил он Тео.

– Госпожа уже заплатила ему, – ответил тот, натянув поводья, отчего коренник вскинул голову и недовольно фыркнул.

Джек понял намек и без долгих разговоров влез в экипаж. Мисс Дарлингтон, как он и предполагал, уже сидела на своем месте, вперив взгляд в окно. Ее волосы были снова уложены в тугий пучок на затылке, золотистые локоны больше не позволяли себе никаких вольностей.

– Жаль, что Кларк не задержался, чтобы со мной проститься. Он мне очень понравился. – Джек попробовал завязать разговор, чтобы понять, в каком она настроении.

– Я обещала ему передать вам его наилучшие пожелания, так что... дело сделано, – ответила она равнодушно.

Бррр! На Джека повеяло могильным холодом. Без сомнения, пожелания мистера Кларка прозвучали бы более тепло и сердечно, если бы он высказал их сам.

Он вздохнул, подумав о том, что вынужден будет видеть перед собой надменный профиль мисс Дарлингтон всю дорогу до Чичестера, где она передаст его властям. То есть попытается передать. Он по-прежнему не собирался ни связываться с местной полицией, ни ехать в Лондон в качестве пленника. Кроме того, ему не хотелось расставаться с мисс Дарлингтон, не убедившись в том, что она благополучно до-

бралась до цели своего загадочного путешествия. Да и вряд ли она сама захочет бросить его на произвол судьбы, пока к нему не вернется память.

Тео лихо вывернул экипаж на дорогу и нахлестывал лошадей, пока деревня не осталась позади. Когда они проезжали по главной улице, народ, веселый и буйный от вина из бузины, провожал их радостными криками и пожеланиями счастливого пути.

Мисс Дарлингтон заставила себя улыбнуться и помахала гостеприимным сельчанам из окна.

Когда они проезжали мимо церкви, Джек заметил, что новобрачные зачем-то вернулись туда, где только что обменялись клятвами в верности. Теперь они стояли возле двери и, тесно прижавшись друг к другу, шептали друг другу какую-то любовную чепуху. Эта трогательная картина согрела сердце даже такого ярого браконенавистника, как Джек.

Он собрался уже откинуться на спинку дивана и поудобнее устроиться на своем месте, как вдруг произошло нечто странное. Лицо невесты внезапно изменило черты! То ли по вине его больного воображения, то ли под действием вина, то ли оттого, что он еще не вполне оправился от сотрясения мозга, но светловолосая, розовощекая, пышущая здоровьем девушка превратилась в изящную темно-рыжую красавицу! Джек решил, что мистер Кларк наверняка подмешивает в свое вино опиум, потому что другого объяснения галлюцинациям найти не мог.

Он потерял глаза, но рыжая красавица не исчезла. Джек не узнавал ее, не мог назвать ее имени, но был абсолютно уверен, что прекрасно с ней знаком. И наконец – что было ужаснее всего – жених тоже поменял свое обличье – на его собственное!

Воображаемая трансформация образов постепенно стиралась из его памяти по мере того, как экипаж удалялся от деревни. Джек закрыл глаза, чтобы прийти в себя. Он тяжело дышал и обливался потом, как будто бежал по дороге рядом с каретой, а не сидел внутри на мягких подушках.

Ночные кошмары, которые преследовали его все это время, угрожающим образом вплетались в реальность. Значит, это правда. Либо он женат, либо... помолвлен. Но с кем?

И вдруг откуда-то издалека, словно отзвук эха, до его сознания донеслось имя. Шарлотта. Шарлотта Батсфорд.

Другое эхо, гораздо более отчетливое и ясное, прокричало ему в ухо его собственное имя. Джексон Монтомгери, виконт Дарем.

Затем оба эха смешались с какими-то криками и звуками труб и фанфар, возвещающими королевский выход... но через миг все потонуло в водовороте образов, которые растворились в его ущербной памяти. Он мгновенно перенесся из одного состояния в другое: если раньше он не помнил ничего, то теперь вспомнил все сразу. Это оказалось тяжелым испытанием для его нервной системы.

Восхитительное ощущение свободы, которым он насла-

ждался уже несколько дней, исчезло. Теперь он никогда не будет свободным и счастливым. Он помолвлен с Шарлоттой Батсфорд, и если бы не угодил под копыта лошадей мисс Дарлингтон, то в этот самый момент наслаждался медовым месяцем. До чего же досадная перспектива!

От мрачных мыслей его отвлекло чье-то осторожное прикосновение. Он вздрогнул и, сжав кулаки, поднял голову. Мисс Дарлингтон с тревогой наблюдала за ним. От ее гнева не осталось и следа, когда она заметила, что с ним что-то происходит.

– Что с вами? Вы выглядите расстроенным. Я несколько раз пыталась с вами заговорить, но вы не отвечали. Вы плохо себя чувствуете? Что-нибудь случилось? Вы что-то вспомнили?

Джек внимательно посмотрел в ее широко открытые, невинные голубые глаза и произнес самую большую ложь в своей жизни:

– Я в полном порядке, мисс Дарлингтон. – Он улыбнулся и вытер пот со лба. – Просто немного затошнило, вот и все. К несчастью, я так ничего и не вспомнил. Мне очень жаль. Похоже, вам придется повозиться со мной еще какое-то время.

* * *

Чичестер оказался довольно крупным городом с несколькими гостиницами, одну из которых Джулиан вынужден был

выбрать, чтобы немного отдохнуть и навести справки. Он гнал лошадей, как сумасшедший, чтобы перехватить экипаж, описанный миссис Бин, но его нигде не было. Либо Джек уехал в такой же быстроходной карете, как его собственная, либо они отправились по другой дороге.

Получив неутешительные сведения от владельцев гостиниц, Джулиан снял комнату в гостинице, стоящей на главной улице города. Он выпил пару чашек крепкого чая и уселся у окна в ожидании, не покажется ли кто-нибудь похожий на цыгана с белой повязкой на голове в сопровождении женщины, одетой в черное.

Джулиан не забыл позаботиться о слугах и лошадях: люди обедали на кухне, лошади были вычищены, напоены и теперь мирно жевали овес в стойлах. Он не жалел ни себя, ни других, увлекшись погоней и стремясь поскорее получить ответы на мучившие его вопросы, касающиеся здоровья и благополучия своего легкомысленного брата. В итоге лошади и слуги едва не падали от усталости. Ни те, ни другие не привыкли к столь длительным скачкам по каменистым сельским дорогам.

Теперь Джулиан сидел с четвертой чашкой остывающего чая в руке, положив ноги на кушетку, и смотрел на толпу горожан, медленно текущую по улице под окном его комнаты.

Наконец ему надоела неподвижность и, оставив чашку, он подошел к окну. Перед его взором мелькали сотни людей, иногда он замечал в толпе уличных красоток, которые с ним

заигрывали.

Джулиану было не до них. Он пытался разобраться в тех противоречивых сведениях об исчезновении брата, которые ему удалось добыть. Сведения эти были весьма скудными. Он знал, что Джек был ранен после того, как покинул «Пятнистого пса», но каким образом и насколько серьезно – не представлял. Миссис Бин сказала, что он упал и ударился головой о камень, но на него с таким же успехом мог кто-нибудь напасть.

Эта женщина еще добавила напоследок, что он потерял память. Если это правда, то очень неприятная. Если Джек понятия не имеет, кто он такой, то как он сможет защититься от людей, которые захотят использовать его недуг в корыстных целях? Конечно, это выглядит весьма мелодраматично, но даже в цивилизованной Британии существуют люди, способные на бесчестные поступки. Оставалось надеяться, что Джека эта судьба минует. Но тогда почему он вдруг отправился не в том направлении, в каком должен был ехать?

Если бы Джек знал, кто он, то подумал бы о тех, кто беспокоится о нем, вспомнил бы, что должен был идти под венец с прелестной, невинной девушкой, которая не заслуживает такого бессовестного отношения.

И потом, кто эта таинственная женщина в черном, с которой Джек путешествует? И почему она в черном? Почему они представляются как лорд и леди Торнфилд? Джулиан не мог поверить, что его брат способен сбежать из-под венца

с какой-то роковой женщиной... да еще в такую дыру, как Чичестер!

Нет, все это глупо. Впрочем, коль скоро эти загадки имеют отношение к Джеку, то удивляться нечему! Джулиан усмехнулся и с сожалением покачал головой. Главное, Джек жив, а остальное сейчас не важно. И поскольку они все еще дышали одним воздухом, сладким воздухом Британии, это приключение вполне могло закончиться благополучно.

Улыбка стерлась с лица Джулиана, и губы сжались в строгую линию. Взгляд наполнился решимостью. Да, все кончится благополучно! Не будь он Джулианом Фицуильямом Монтгомери-третьим, восьмым маркизом Серлингом.

* * *

– Если верить Тео, то лучшая гостиница в Чичестере «Герб Чарлстонов». Вы устали в дороге и нуждаетесь в хорошем отдыхе, и я не понимаю вашего желания остановиться здесь. – Аманда взглянула на Джека с возмущенным удивлением.

– Я просто подумал, что нам следует придерживаться приличий, мисс Дарлингтон.

– Приличий? Но разве вы не хотите, чтобы вас кто-нибудь узнал? Как иначе к вам вернется память? – Джек в ответ пожал плечами. – Иногда мне кажется, что вы просто не хотите возвращаться в свою жизнь, Джон!

– Может быть, так и есть, – пробормотал он себе под нос, уставившись в окно, за которым тянулись поля и фермы на подъезде к Чичестеру.

Аманда прекрасно понимала, что он имеет в виду. Вряд ли его прежнюю жизнь можно было назвать радостной, если он оказался пьяным посреди дороги. Хотя он был хорошо одет... и образован... и, очевидно, принадлежал к знатному роду, но все это не являлось гарантией того, что жизнь его была счастливой.

Но даже если она была счастливой, то существовала еще одна причина, по которой Джек не особенно расстраивался из-за потери памяти. Наверное, в том, чтобы не знать, кто ты, откуда, где твой дом, есть особое удовольствие. Она сама сказала ему, что ее привлекает его «таинственность». Она даже немножко завидовала ему.

Как было бы приятно не помнить сердечные раны, ошибки и разочарования прошлого! Как восхитительно самому выбрать путь в жизни, начать с чистого листа, не оглядываясь на предрассудки, запреты и моральные тиски, в которых он мучился с детства!

Разумеется, в этот момент Аманда думала о своих родителях, чей жизненный путь принуждена теперь рабски повторять. Хотя опыт показывает, что путь этот был усеян заблуждениями и фальшью и не заслуживал повторения.

Сегодня в Патчинге, танцуя и веселясь с простыми добрыми людьми, Аманда под действием вина ощутила потреб-

ность сбросить путы, в которых жила двадцать три года, и изменить свою жизнь. В результате она оказалась в объятиях Джека и потребовала поцелуя.

Даже теперь, много часов спустя, она помнила тепло его рук и ощущала на губах вкус поцелуя. Она украдкой взглянула на него и с облегчением увидела, что он задумчиво смотрит в окно. Ей не хотелось, чтобы он заметил, как вспыхнуло ее лицо от этих воспоминаний.

За время их пути Джек трижды извинился за свою несдержанность. И хотя она уже давно на него не сердилась, сказать вслух, что она простила его, так и не смогла. Она боялась, что если честно примет на себя часть вины за происшедшее, то это неминуемо повторится. Вынужденная близость в тесном экипаже ослабляла ее душевные силы и изнуряла физически, а потому оказать ему достойное сопротивление она бы не сумела. Тем более что все это время она боролась с желанием дотронуться до него.

Джек предупреждал, что не всегда нужно действовать по велению сердца, но, когда он обнимал ее, она терялась и переставала понимать, что хорошо, а что дурно. Раньше она думала, что решать вопросы морали так же просто, как отличить черное от белого, но теперь столкнулась с обилием полутонов.

В одном она все же была уверена: необходимо оставить Джека в Чичестере на попечение властей. Она не может взять его с собой на Торни-Айленд и тем самым раскрыть

семейную тайну. Если они расстанутся, это будет лучше для них обоих. Не важно, какие чувства она испытывает к нему, но сегодня же вечером он будет навсегда вычеркнут из ее жизни.

Аманду эта перспектива вовсе не радовала.

– Вы все еще хотите остановиться в «Гербе Чарлстонов»? – спросил Джек, отворачиваясь от окна. В его глазах застыла тоска, и сердце Аманды сжалось от боли. Наверное, он догадывался о ее намерении расстаться с ним и не хотел этого так же, как и она сама.

Аманда попыталась внушить себе, что малодушничает, как глупая девчонка. Джек – дамский угодник, и он привык быть в центре внимания женщин. Ее восхищение не имело для него никакого значения. А если бы они занялись любовью, то она стала бы для него всего лишь очередным верстовым столбом на пути плотских утех.

Для нее же это было бы серьезным потрясением. Возможно, единственным воспоминанием такого рода на всю оставшуюся одинокую жизнь.

Она представила себе, как они лежат на траве голые, обнявшись, и тряхнула головой, чтобы отогнать навязчивую картину...

– Мисс Дарлингтон?

Объект ее фантазий оказался совсем близко. Он склонился к ней и озабоченно разглядывал ее лицо. Аманда поняла вдруг, что ей просто необходимо провести с ним еще немно-

го времени, чтобы сохранить о нем побольше воспоминаний, которые потом она будет трепетно хранить в своем сердце.

– С вами все в порядке? – осторожно спросил он.

– Нет, – призналась она с сожалением.

– Что я могу сделать для вас, мадам? – нахмурился он тревожно.

– Скажите Тео, что мы остановимся не в «Гербе Чарлстонов».

– А где же?

– Где-нибудь... где это будет прилично, – смущенно опустила она глаза.

Глава 10

Гостиница «Ангел» была в нескольких кварталах от центра города и в стороне от главных улиц. В этом чистом, скромном заведении было много свободных комнат, а потому Аманде и Джеку не пришлось больше тесниться в одной.

Не спрашивая мнения Аманды, Джек представил ее как свою жену. Ее сначала возмутил этот произвол, но потом она призналась себе, что хочет еще одну ночь поиграть роль его жены. Именно поэтому она согласилась остановиться здесь, а не в шикарной гостинице в центре города, у всех на виду. Джек хотел немного отдохнуть перед тем, как начать разыскивать знакомых, а она с удовольствием провела бы с ним еще несколько часов.

Она отгоняла от себя мысль о тех людях, которые, вероятно, ищут его, и старалась оправдать свой эгоизм. Они – кто бы ни были эти люди – получают его завтра. А сегодня он будет полностью принадлежать ей.

Разумеется, речь не о постели, она не настолько лишилась разума. Достаточно того, что находиться с ним под одной крышей, не побуждая его к флирту, невозможно. Впрочем, в последнее время она сама стала получать удовольствие от такого вида любовной игры.

Хозяин гостиницы мистер Теббз болтал без умолку, провозжая их в комнаты, и Аманда была благодарна ему за это.

Все время с того момента, как она согласилась остановиться в тихом месте, они с Джеком провели в неловком молчании. Судя по всему, она действительно застала его врасплох своим решением.

Пару раз она замечала, что он внимательно смотрит на нее, пытаясь понять, что она задумала. Выражение его лица было озабоченным. Что ж, если он то и дело заигрывал с ней, то кто виноват в том, что случилось сегодня днем у ручья!

– Ну вот, милорд, миледи, мы и пришли. Две комнаты рядом и дверь между ними. Для удобства. – Мистер Теббз добродушно улыбнулся, понимающе кивая лысой головой. Он открыл обе комнаты и пригласил их войти. – Надеюсь, они вам подойдут?

Аманда покраснела при упоминании об особом «удобстве» между комнатами. Хозяин, наверное, заметил это и тут же задал второй вопрос:

– Вы, вероятно, молодожены?

– А... Да, – ответил Джек. – Можно сказать, только что из церкви.

– Жаль, что вам пришлось понести тяжелую утрату так скоро после свадьбы, – сочувственно закивал мистер Теббз, впрочем, радушная улыбка тут же вернулась на его лицо. – Но вы молоды, и у вас вся жизнь впереди. Бывают падения и взлеты, но ведь вы вместе, чтобы поддержать друг друга в трудную минуту, не так ли?

Аманда покосилась на Джека, чтобы выяснить, какое впе-

чатление производят на него фамильярные манеры и сомнительное философствование хозяина. Она с облегчением заметила, что тот совершенно спокоен и настроен дружелюбно.

– Спасибо, сэръ, комнаты нам подходят, – произнес Джек с улыбкой. – И помните, что мы хотели бы поужинать в восемь в отдельном кабинете.

– Слушаюсь, милорд. Ужин будет подан ровно в восемь. Со всеми приправами, как вы просили.

Когда хозяин исчез за поворотом коридора, Джек обратился к Аманде:

– Вы не находите, что в сравнении с миссис Бин он сильно выигрывает?

– Это правда, – признала Аманда, боясь поднять на него глаза.

Джек приподнял ее подбородок кончиками пальцев и заставил посмотреть себе в глаза.

– Вы ведь не откажетесь пообедать со мной?

Он стоял слишком близко, и она ощутила прилив желания в каждой клеточке тела. Не найдя ничего лучшего, она ответила:

– Не откажусь. Должна же я что-нибудь есть.

– Но я не обижусь, если вы пообедаете у себя в комнате... после того, что сегодня произошло.

– В том, что сегодня произошло, я виновата не меньше, чем вы.

– Вы на редкость великодушны, – усмехнулся он, однако это откровенное признание согрело его душу. Он ласково провел кончиками пальцев по ее щеке. – Но истинный джентльмен должен был принять во внимание действие вина и не воспользоваться случаем, как это сделал я.

– Вы тоже чрезвычайно великодушны, но я должна признаться, что вино из бузины здесь ни при чем. Никакого отношения к моему поведению у ручья оно не имело.

С минуту Джек, как казалось, оценивал ее признание, не зная, как к нему отнестись. Напряжение между ними достигло предельной точки. Каждый из них догадывался о том, что вино здесь ни при чем, но никто не решался заговорить об этом. И вот момент откровения настал. Его пальцы твердо сжали ей подбородок. Он наклонил голову, но помедлил, словно желая как следует поразмыслить, прежде чем поцеловать ее. Затем его рука безвольно повисла вдоль тела, и он отступил на шаг.

Аманда была рада, что он сохранил самообладание, которое она сама почти утратила. Ее губы горели от желания, но разумом она понимала, что так будет правильнее. Она знала, что не сможет остановить его, не сможет воспротивиться поцелую.

– Советую отдохнуть перед обедом, – проговорил он с подчеркнутой галантностью. – У нас был трудный день.

– Да, – покорно кивнула она. – Вы тоже будете отдыхать?

– Разумеется, но сначала мне нужно поговорить с Тео.

– Зачем?

– У меня есть поручение к любому из ваших слуг. Вчера я брился лезвием покойного мужа миссис Бин, и это привело к... печальным последствиям. – Он усмехнулся и провел рукой по заросшей щеке. – Мне нужна новая бритва. Коль скоро я сегодня обедаю с дамой, хотелось бы выглядеть, как джентльмен. – «И вести себя, как джентльмен», – говорил его взгляд.

Аманда была тронута и благодарна ему за оказанное уважение, хотя в глубине души желала, чтобы он хоть ненадолго перестал быть джентльменом и поддался искушению. Она поспешила отогнать от себя непристойные мысли.

– Встретимся здесь в восемь? – предложил он.

– Да, в восемь. – Она открыла дверь своей комнаты и долго смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом коридора.

Закрыв за собой дверь, она прислонилась к ней спиной и зажмурилась, стараясь вернуть себе самообладание. Кого она хочет обмануть? Не будет ей покоя даже за закрытой дверью, пока он остается в ее жизни. Но впереди у них целая ночь, так что нужно привести себя в порядок. Она решительно подошла к туалетному столику, взяла колокольчик и позвонила, вызывая горничную.

Джек разыскал Тео в пивной, узкой комнате с каменным полом и огромным камином, в котором жарко пылал огонь. Вдоль одной стены стояли длинные столы и лавки, вдоль другой тянулись полки с бутылками, кружками и кувшинами. В углу темнела огромная бочка с краном.

Тео сидел за крайним столом и наблюдал, как хозяин наливают из бочки в кружку пенный золотистый напиток. Судя по его расслабленной позе и дружелюбной улыбке, он уже успел выпить несколько кружек. Джек подумал, что тем легче будет выудить из него нужные сведения. В пивной было полно народу, но Тео, казалось, почувствовал его приближение и повернулся к нему лицом. Джек сел на соседний стул.

– Привет, Тео.

– Добрый вечер, сэр, – неохотно отозвался тот, отхлебнув из кружки.

– Ты ведь не очень-то любишь меня, Тео, правда?

– Честно говоря, сэр... если вы не сочтете это неуважением, сэр...

– Не сочту. Но ведь ты меня совсем не знаешь.

– Я вижу вас насквозь, сэр... Это часть моей работы, видите ли...

– Твоя работа заключается в том, чтобы возить мисс Дарлингтон туда, куда она прикажет, и защищать ее, если воз-

никнет такая необходимость.

– Именно так, сэра, но с вашим появлением мне стало труднее выполнять свою работу, – недружелюбно покосился на него Тео.

– Уверяю тебя, у меня и в мыслях не было причинять вред твоей госпоже.

– Мне так не показалось, когда я застал вас вдвоем у ручья сегодня, – укоризненно заметил Тео.

– Это ошибка. – Джек не хотел обсуждать эту тему, поэтому тут же перевел разговор в другое русло: – Впрочем, это лишний раз доказывает, что женщине опасно путешествовать одной, даже в сопровождении верных слуг. Не понимаю, почему ее брат допускает такое.

– У нее нет никакого брата. С чего вы это взяли? С тех пор как полгода назад умерли ее родители, у нее остались только две тетки, обе старые девы.

«Вот и доказательство тому, что она лгала про ребенка брата или сестры, за которым едет на Торни-Айленд. Но тогда зачем она туда едет?»

– Тем больше оснований беспокоиться за мисс Дарлингтон, – продолжал осторожные расспросы Джек доверительным шепотом. – Ведь ее дело такое щекотливое, правда?

Тео почувствовал неладное и уткнулся в свою кружку.

– Ее дело на Торни-Айленде не ваше дело, сэра.

– Да, но она мне о нем уже рассказала, – не моргнув глазом солгал Джек. – Просто скандальная ситуация, верно? – Он

долго подыскивал подходящее слово и решил, что любое серьезное предприятие должно носить оттенок скандальности.

Тео некоторое время с подозрением смотрел на Джека, но тот спокойно выдержал его пытливый взгляд и в конце концов убедил слугу в том, что пользуется величайшим доверием его госпожи.

– Ба! Не могу поверить, что она рассказала вам об этом. Действительно, скандал! Если хотите знать мое мнение, сэр, то этого ублюдка надо бы оставить там, где он есть. Какой стыд для всей семьи! Старые господа не позволили бы привезти его в Дарлингтон-Холл, если бы были живы. Все, больше не задавайте мне вопросов, милорд!

От этого резкого обличительного выступления у Тео пересохло в горле, и он залпом осушил кружку. Джек был ошеломлен и не знал, что и думать.

Оказывается, не все в словах мисс Дарлингтон было ложью: она и вправду ехала на Торни-Айленд за ребенком. Вот только ребенок был не ее несуществующей сестры или брата, а... ее собственный? Мисс Дарлингтон была матерью внебрачного ребенка?

– Эй, хозяин, принесите мне пива, и побыстрее, пожалуйста! – крикнул Джек, решив, что единственный способ справиться с волнением – это как следует напиться.

Аманда оглядела себя в большом зеркале над комодом. После ванны она чувствовала себя бодрой и посвежевшей. На щеках играл румянец в предвкушении чудесного вечера с невероятно привлекательным мужчиной, и она впервые в жизни решила получить от этого удовольствие, не испытывая ненужных угрызений совести.

Она зашла настолько далеко, что рискнула сменить черное платье на менее строгий наряд. Правда, у нее с собой были лишь темные платья, но в сундуке оказалась шелковая шаль, которую тетя Прис подарила ей на Рождество. Шаль тоже была черная, но с вышитыми крупными цветами и длинной бахромой.

До сих пор Аманда не носила шаль на людях, считая это неприличным ввиду траура по родителям. Но сегодня она готова была сделать исключение из правила. Ей хотелось выглядеть более женственной.

Она выбрала легкое шелковое платье с высоким воротником, отороченным бархатом, и с пышными рукавами, сужающимися к локтям. В сочетании с шалью, брошенной на плечи, получался довольно элегантный наряд.

Прическу она тоже изменила: вместо обычного пучка на затылке она уложила волосы кольцами и подколола их гораздо ниже, чем обычно. Эффект получился сногшибатель-

ным: пышные локоны смягчали овал лица и придавали ему кокетливое выражение.

Довольная тем, как изменилась ее внешность, и немного опасаясь того, как Джек расценит ее внезапное стремление выглядеть привлекательно, Аманда подошла к окну, выходящему во внутренний дворик гостиницы.

Сбоку виднелась часть улицы, ведущей к центру города. По ней в разные стороны спешили прохожие, завернувшись в плащи и спасаясь таким образом от промозглости осеннего вечера.

Сумерки постепенно сгущались, начал накрапывать дождь. Вдруг небо потемнело, вдалеке послышались раскаты грома, где-то ударила молния, и по тучам пронеслись ее яркие отблески. Похоже, на город надвигалась гроза. Аманда надеялась, что Тео успел вернуться, выполнив поручение, и не промокнет под дождем.

Она подошла к кровати и села. Часы на каминной полке показывали половину восьмого. Аманда нервничала и машинально теребила пуговицы на платье.

Намерение «мужа» послать слугу в город за новой бритвой привело ее в замешательство. Она надеялась, что Тео еще не отправился по его поручению, а значит, не дал Джеку повода заподозрить неладное.

Как только они приехали в гостиницу, Аманда велела Тео отнести письмо к местному констеблю, после того как он немного передохнет и промочит горло в пивной. В пись-

ме содержалась просьба о помощи в поиске родственников и установлении личности. Она просила констебля прийти утром, потому что мужу необходим отдых после долгого и утомительного путешествия и перед поездкой в Лондон.

Аманда чувствовала себя предательницей. Она знала, что Джек не хочет, чтобы его амнезия привлекла ненужное внимание местной полиции, не говоря уж о том, что в Лондон он совсем не хотел возвращаться. Но что она могла поделать? Память не вернулась к нему до сих пор; возможно, болезнь окажется затяжной, и ему потребуется медицинская помощь и забота родственников. Она не сможет помочь ему, тем более что у нее есть собственные дела, о которых он ничего не знает. У нее не было иного выхода, кроме как известить власти и передать им Джека.

Разразился ливень, и струи воды начали хлестать в стекла. Языки пламени в камине дрогнули от порыва ветра, ворвавшегося через трубу. Яркая молния вспыхнула почти сразу же, а от раската грома с каминной полки едва не слетели на пол фарфоровые тарелки. Аманда плотнее закуталась в шаль и снова подошла к окну.

На улице бесчинствовал ураганный ветер. Редкие прохожие спешили спрятаться в укрытия. Аманда с улыбкой наблюдала за тем, как природа забавлялась, обрушивая на людей силу стихии.

При очередной вспышке молнии Аманде показалось, что эта буря особенная. Она находила отклик в ее душе, пребы-

вающей в смятении ввиду предстоящей встречи с Джеком. С каждым раскатом грома ее беспокойство усиливалось, и она принялась ходить взад-вперед по комнате.

Стихийные проявления природы всегда будоражили ее сердце, но теперь эти ощущения усилились многократно. Напряжение росло с каждой минутой и требовало выхода. Снова молния, снова раскат грома и барабанная дробь дождя по крыше.

Аманда стиснула зубы и застонала, моля о пощаде. Но она отдавала себе отчет в том, что спасение не придет, пока в сердце у нее не утихнет собственная буря.

Вдруг до нее донесся детский плач. Она остановилась посреди комнаты и прислушалась. Ребенок, наверное, находился в комнате напротив. Аманда стояла и слушала, ожидая уловить голос взрослого, который утешил бы малыша, похоже, испугавшегося грозы.

Но плач не стихал, в нем сквозили отчаяние и страх. И было отчего – буря неистовствовала вовсю: ставни хлопали на ветру, стволы деревьев трещали и гнулись под натиском урагана.

То, что несчастный ребенок в одиночестве боролся со своими страхами, возмутило Аманду и наполнило ее сердце состраданием.

– Нет, это невозможно! – возмутилась она и поспешила к двери. – Того, кто должен следить за этим малышом, надо выпороть кнутом на конюшне!

Ребенок действительно оказался в комнате напротив. Аманда постучала, но ей никто не ответил. Тогда она повернула ручку и, войдя, оказалась в полной темноте.

– Здесь есть кто-нибудь? – спросила она в расчете на то, что кто-нибудь из взрослых все же находится в комнате, но либо спит, либо по какой-то другой причине не может прийти на помощь ребенку. Никто не ответил, а жалобный плач не стихал.

– Я пришла помочь тебе, – ласково проговорила она, жалея, что не догадалась прихватить с собой свечу. При очередной вспышке молнии и раскате грома, сопровождавшимися новыми всхлипываниями, Аманде удалось увидеть, куда спрятался малыш. В самом дальнем углу у окна сидела на корточках девочка лет трех-четырёх в ночной рубашке. На ее мокрое от слез личико падали спутанные пряди светлых волос.

– Не бойся, малышка. Я сейчас вернусь. – Аманда сходила к себе за свечами и, поставив канделябр на комод, протянула к девочке руки. – Иди сюда, моя маленькая. Я знаю, что ты боишься грозы, и побуду с тобой, пока она не кончится.

– Я хочу к маме. Где моя мама? – всхлипывая, протянула девочка.

– Я не знаю, моя радость. Но я обещаю найти ее, если ты перестанешь плакать и вытрешь слезки, хорошо?

Новый раскат грома заставил девочку задрожать всем телом. Аманда не могла больше выносить этого. Она подошла

к малышке, взяла ее на руки и прижала к груди. Девочка доверчиво обняла ее за шею и склонила головку ей на плечо, давая понять этим, что не возражает, чтобы незнакомая женщина временно заменила ей мать.

Аманда села на край кровати и усадила девочку к себе на колени. Крохотные ножки заледенели, потому что рубашка доходила ребенку только до колен. Аманда завернула ее в плед, и малышка, дрожавшая от страха и холода, начала постепенно успокаиваться. Аманда не могла оправдать возмутительного поведения ее родителей.

Как можно оставлять ребенка одного в такую ужасную грозу? Тем более в гостинице, где полно непривычных звуков... да еще с незапертой дверью!

Аманда решила, что лучше приласкать и убаюкать малышку, чем злиться понапрасну, – она еще успеет высказать все ее родителям. Она принялась укачивать девочку, напевая ей песенку. Не прошло и десяти минут, как девочка крепко спала.

Аманда прижала к себе малышку, которая даже во сне не отнимала рученок от ее шеи. Гроза шла на убыль, худшее было позади. Гром и молния отступали в глубь страны, чтобы потревожить покой мирных фермеров.

Аманда и сама успокоилась, согретая теплом детского тельца. Она радовалась тому, что ей удалось успокоить малышку и помочь ей заснуть.

Ей было приятно заботиться об одиноком маленьком че-

ловечке, который нуждался в ее покровительстве и защите. Ей вдруг пришло в голову, что люди редко доставляют себе такую радость. В детстве с ней никто не возился, кроме теток, да и те были очень сдержанны в проявлении чувств.

Аманде, как выяснилось, не хватало любви ребенка... и мужчины. В идеале – мужа. Ей всегда хотелось свободно чувствовать себя в обществе представителей противоположного пола, чтобы пройти весь путь от ухаживаний до законного брака, но она была очень застенчива, и это отталкивало ее кавалеров. Она упустила свой шанс выйти замуж во время лондонского сезона, потому что держалась слишком скромно и скованно, отчего мужчины сочли ее фригидной. А в Иденбридже никого подходящего по соседству не нашлось, за исключением священника Митфорда. Но его холодные губы никогда не смогли бы дать ей любви и тепла, по которым она так тосковала.

Может быть, ребенок с Торни-Айленда станет ответом на ее мольбы? Может быть, она тоже станет для этого малыша осуществлением тайных мечтаний о материнской любви, которой он был так долго лишен? Аманда с трудом сдерживала ярость при мысли об эгоизме своих родителей.

Она запрокинула голову, чтобы не дать воли слезам, навернувшимся на глаза, и крепче прижала к груди малышку, вкладывая всю страсть своей души в мольбу, обращенную к Богу.

Джек поднимался наверх, убедившись, что повар выполнил все его распоряжения. Было без двух минут восемь, и он направлялся к мисс Дарлингтон, чтобы пригласить ее на обед, попутно обдумывая ту информацию, которую получил от Тео.

После разговора с ним в пивной, во время которого он узнал, что мисс Дарлингтон едет на Торни-Айленд за своим внебрачным ребенком – ее родители не позволяли ей взять его в дом, пока были живы, – Джек вернулся к себе в комнату и провел полчаса в размышлениях о крутых поворотах судьбы. До этой минуты он был уверен в том, что мисс Дарлингтон все еще девственница.

Его странным образом заинтересовали детали этого дела, связанные с отцом ребенка. Кто он? Сколько лет ей было, когда она забеременела? Почему они не поженились? Причинил ли он ей страдание? Любил ли он ее? И что гораздо важнее – любила ли она его?

Джек и сам удивлялся тому, насколько волновали его ответы на эти вопросы. Ведь он едва знал эту женщину, но мысль о том, что какой-то мужчина соблазнил ее и бросил, была ему невыносима. Впрочем, может быть, ей и не нужно было ничего другого, кроме страстного романа, который она не захотела превращать в скучную, рутинную супружескую

жизнь?

В одном он был уверен: он не стал уважать ее меньше в связи с открывшимися обстоятельствами, которые доказывали лишь, что ей не чужды человеческие чувства. Ведь ухаживала же она за ним в течение двух суток! И то, что она захотела привезти ребенка в Иденбридж, не опасаясь криво толков, свидетельствовало о ее завидной смелости и цельности натуры.

И сейчас Джеку сильнее, чем когда-либо, захотелось помочь ей благополучно добраться до Торни-Айленда и воссоединиться со своим ребенком. Теперь понятно, почему она путешествовала в одиночестве – чтобы соблюсти приличия. Хотя то, что она подвергала себя таким образом опасностям, только подтверждало, что она осталась наивной девчонкой, несмотря на свою скандальную историю.

Ей просто необходим человек, который присмотрел бы за ней. А он обязан отплатить ей добром за то, что она выходила его и не дала умереть. Никакой другой причины своего желания остаться рядом с ней он и в мыслях не допускал.

Джек подошел к комнате Аманды и увидел, что дверь ее распахнута настежь, как и дверь комнаты напротив. Самой Аманды нигде не было, и это могло означать все что угодно. Сердце его заколотилось от страха за нее. Наконец он обнаружил ее в соседней комнате: как ни в чем не бывало она сидела на кровати, держа на руках ребенка.

Аманда, склонившись к детской головке, прижималась к

ней щекой, ничего не замечая вокруг. Джек молча наблюдал за тем, как она баюкает малыша, и при мысли о том, как долго она пробыла в разлуке с собственным ребенком, сердце его сжалось от боли.

Судя по всему, неприступная и холодная мисс Дарлингтон была способна на глубокие, сильные чувства, которые может испытывать только мать. Перед его мысленным взором вдруг пронеслась картина: Аманда нянчит... их ребенка!

Отогнав фантастическое видение, Джек шагнул в комнату и, кашлянув, тихонько окликнул ее:

– Мисс Дарлингтон?

Она обернулась, и он с удивлением заметил слезы на ее щеках. Он невольно потянулся к ней, чтобы утешить, но заставил себя остановиться и не поддаваться сентиментальному порыву. Хотя видеть ее слезы ему было нелегко.

– В чем дело, мисс Дарлингтон? Вас кто-то обидел?

Она перехватила ребенка, обняв его одной рукой, а другой вытерла слезы.

– Нет, все в порядке, – виновато улыбнулась она. – Просто я рассердилась, вот и все.

– На кого? – спросил Джек, инстинктивно сжимая кулаки.

– Тсс. – Она прижала палец к губам. – Не разбудите ее.

Она только что заснула.

– А где ее родители?

– Я бы тоже хотела это знать, – сердито ответила она. – Я одевалась к обеду и услышала, как плачет ребенок, испугав-

шись грозы. Я нашла ее здесь одну, в ночной рубашке, еле живую от страха! В комнате было темно. Не понимаю, о чем думала мать, бросив ее одну среди ночи! Где могут быть ее родители?

– Не знаю, но я это выясню. – Джек направился к двери.

– Спасибо, Джон. – Благодарная улыбка осветила ее лицо.

Он разделял ее возмущение, да к тому же его раздражала мысль, что обед придется отложить. Впрочем, тот факт, что Аманде доставило удовольствие возиться с ребенком, утешал его и примирял с действительностью.

Глава 11

Родители девочки весело проводили время в компании путешественников за кружкой пива. Они оказались вполне положительной, респектабельной парой, которая ехала отдыхать на побережье в район Брайтона, в местечко под названием Приморская коса.

Они испугались и огорчились из-за того, что их маленькая Чарити проснулась во время грозы и побеспокоила Аманду. Они оставили ее в комнате крепко спящей всего сорок минут назад – по крайней мере так они утверждали. Чарити очень устала в дороге, и они надеялись, что она не проснется до утра.

Аманда приняла их извинения, но подозревала, что их огорчает скорее неприятный инцидент, а не то, что девочка чуть с ума не сошла от страха в их отсутствие.

Она сидела в кресле в уютном кабинете, который снял для них Джек, и думала о том, как сейчас себя чувствует Чарити. Она едва прикоснулась к бокалу с сидром, и ничто не могло вывести ее из состояния глубокой задумчивости, потому что к мыслям о девочке примешивалось беспокойство о судьбе младенца с Торни-Айленда.

– Мисс Дарлингтон?

Голос Джека вернул ее в реальность. Она подняла глаза и увидела, что он стоит, облокотившись на каминную полку и

небрежно скрестив ноги.

– Да? – задумчиво отозвалась она.

– Где вы, мисс Дарлингтон? – приподняв бровь, спросил он.

– Что вы имеете в виду? Я в гостинице «Ангел»... с вами.

– Нет, вы не со мной. На самом деле вы мыслями где-то очень далеко, за много миль отсюда.

– Извините. Я думаю о том трудном положении, в каком оказалась эта девочка.

Он отошел от камина и, встав прямо перед ней, хмуро посмотрел на нее. В этот момент он был похож на султана, недовольного поведением капризной наложницы.

Несмотря на беспокойство, по телу Аманды пробежала теплая волна. Сегодня он побрился новой бритвой, и рука его была тверже, чем накануне, так что обошлось без порезов. Его щеки слегка отливали синевой и, казалось, просили о ласке.

Его волосы цвета вороного крыла были тщательно расчесаны. Аманде так хотелось запустить в них пальцы!

Пиратская повязка на лбу исчезла, вместо нее белел маленький кусочек марли, аккуратно прикрепленный по краям какой-то липкой лентой.

Его костюм, начиная от сюртука и кончая высокими сапогами, был тщательно продуман и сидел на нем как влитой. У Аманды дыхание перехватило при мысли о том, что он готовился к этой встрече и хотел ей понравиться. Почему? Хо-

лодок пробежал у нее по спине. Неужели он собрался ее соблазнить? Если это так, то хватит ли у нее силы воли оказать ему сопротивление?

– Почему вы решили, что девочка оказалась в трудном положении, мисс Дарлингтон?

– Вы имеете в виду Чарити? – Она не сразу вернулась от мысли о грядущем искушении к теме их разговора.

– Если вы помните, мы говорили о малышке, – удивленно произнес он. – Я думаю, за девочку не стоит волноваться. О ней хорошо заботятся. Просто родители слегка оплошали в данном конкретном случае.

– Они должны были сообразить, что их дочь может проснуться среди ночи и испугаться грозы.

– Не все так разумны и предусмотрительны, как вы, мисс Дарлингтон, – улыбнулся Джек и подошел к камину. Он смотрел на нее с каким-то странным выражением. Отблески пламени играли на его лице и отливали золотом в глубине глаз. – Из вас получится прекрасная мать, – добавил он ласковым тоном.

– Что вы имеете в виду? – Аманда выпрямилась в кресле. – Да будет вам известно, что я намерена остаться старой девой. – Она гордо выпрямилась. – Впрочем... я собираюсь воспитывать племянников, так что моя старость не будет одинокой. К тому же иметь собственных детей ужасно хлопотно.

– Если я правильно понял, вы едете на Торни-Айленд,

чтобы забрать к себе ребенка своей сестры?

– Да... моей сестры, – с запинкой ответила она.

– Если бы я так любил детей, как вы, я бы не стал дожидаться, пока брат или сестра подарят мне племянника, а родил бы своих. Господи, да если бы я стал ждать, пока мой брат женится!.. – воскликнул он с усмешкой.

– Ваш брат? – Аманда подалась вперед. – Значит, вы что-то вспомнили? – Она обрадовалась, потому что теперь отпала необходимость передавать его властям.

Тревога и смущение отразились на его красивом лице.

– Я рассуждаю теоретически, мисс Дарлингтон. Мне жаль, что я напрасно обнадежил вас. Я знаю, что вам не терпится избавиться от меня, но я по-прежнему ничего не помню.

– Это прозвучало так, словно вы что-то вспомнили... – нахмурилась Аманда. – Словно в вашем сознании промелькнул конкретный образ вашего брата. Вы говорили о нем таким тоном, каким говорят об очень близком и хорошо знакомом человеке.

– Остается только пожелать, чтобы я как можно скорее вспомнил брата или кого-нибудь другого из своих родственников. Если вы не против, я позвоню, чтобы подавали обед.

Джек надеялся, что перемена темы отвлечет Аманду от дальнейших размышлений об особенностях его «тона». Черт, он едва не проговорился! Надо быть осторожнее. Если Аманда что-нибудь заподозрит, она захочет расстаться с ним немедленно. А он должен быть рядом с ней!

На лбу Аманды залегла упрямая складка, когда она поднялась и направилась к столу. Джек отодвинул стул, помогая ей сесть, и занял свое место напротив за маленьким овальным столиком. Если ее подозрения не рассеялись, она попробует поймать его на следующей оговорке. Но с чего это вдруг она станет подозревать его? Джек подивился тому, что готов идти на любые уловки, чтобы остаться с женщиной, которую едва знает.

Джулиан сказал бы, что он сумасшедший. Старший брат не выходил у него из головы все последнее время, потому-то Джек и оплошал. Джулиан наверняка уже его ищет. Он чертовски умен, и Джек понимал, что рано или поздно он их найдет. По этой причине Джек и отказался остановиться в лучшей гостинице города.

Мистер Теббз и две служанки быстро устали стол блюдами. Джек и Аманда в это время хранили вежливое молчание. Джек старался угадать, о чем она думает, но его мысли невольно переключились с брата на невесту, Шарлотту Батсфорд.

Он представлял, как она расстроилась, узнав, что ее жених исчез среди ночи накануне свадьбы. Она очень впечатлительная девушка и всегда заботилась о нем. Никакой страстной любви к нему у нее не было, но она искренне огорчилась бы, если бы он попал в какой-нибудь переплет. Он испытывал к ней те же чувства, и ему было ее жалко.

Леди Батсфорд, разумеется, будет биться в истерике, сто-

нать и плакать, нюхать соль, чтобы не упасть в обморок, и комкать в руках платок, пропитанный уксусом, чтобы вытереть испарину со своего все еще красивого лица. Главный удар падет на нее, а не на Шарлотту. Именно леди Батсфорд придется улаживать скандал и делать все для того, чтобы оградить свою дочь от досужих сплетников.

Но Джек не собирался возвращаться в Лондон до тех пор, пока не убедится, что Аманда благополучно вернулась в Иден-бридж. После этого он объяснится с Шарлоттой, свалит вину за свое долгое отсутствие на амнезию, стоически перенесет обряд бракосочетания, и все будут счастливы...

Все, кроме него.

Единственное, что он понял, когда память вернулась к нему, это то, что совсем не готов к женитьбе. Если бы он не был связан клятвой с Шарлоттой, то подождал бы еще немного, пока не остепенится окончательно и не созреет для того, чтобы вступить в брак и иметь детей. В конце концов, обязанность продолжать род Монтомгери лежит на его старшем брате, а не на нем.

Когда мистер Теббз и служанки наконец удалились, он поднял бокал, словно собирался произнести тост.

– Мисс Дарлингтон?

– Да? – Она делала вид, что увлечена разворачиванием салфетки на коленях.

– У меня есть предложение. Оно вас интересует? – лукаво улыбнулся он.

– Все зависит от того, что вы предложите.

– Я предлагаю пообедать с аппетитом.

– Все к тому идет... – Она кивнула на обилие блюд, расставленных на столе.

– Я предлагаю не просто получить удовольствие от еды. Давайте на время забудем о наших проблемах. Я вижу, что вас одолевают серьезные мысли, моя дорогая, а это несовместимо с наслаждением гастрономическими изысками.

Аманда вспыхнула и начала нервно переключать с места на место серебряные приборы.

– Я готова признать, что все время думаю о бедной Чарити, но волноваться мне действительно не из-за чего.

«Храбрая девочка, – восхитился Джек. – Вот уж действительно, не из-за чего волноваться! Всего лишь нужно забрать своего ребенка у чужих людей и привезти в дом, где его раньше не хотели видеть».

– Я именно это и имел в виду. Вы слишком напряжены и расстроены. А поскольку память может вернуться ко мне в любой день и час... давайте проведем этот вечер вместе так, как если бы он был последним. Я знаю, что доставил вам много хлопот, угодив под колеса вашей кареты, но я благодарен вам за то, что вы меня выходили и вернули к жизни, не говоря уж о том, что мне доставляет огромное удовольствие общение с вами. Надеюсь, что вам тоже бывает приятно в моей компании, хотя бы иногда.

– Да, вы правы, – с застенчивой улыбкой ответила она.

Джек заметил, как расслабились ее плечи, и счел это хорошим признаком.

– Тогда я предлагаю забыть на сегодняшний вечер о всех наших проблемах... прошлых, настоящих и будущих, – воодушевленно продолжал он. – Давайте забудем о том мире, который находится за стенами этой уютной комнаты, о том, что через несколько часов нас захватит в тиски новый день. Давайте забудем о том, чего от нас ждут люди, давайте забудем о том, мисс Дарлингтон... кто мы есть.

Аманда улыбнулась и с сожалением покачала головой:

– Вам легко так говорить. Вы действительно не помните, кто вы такой. Или вы забыли о своей амнезии? – Она поднесла ко рту бокал с... молоком.

– У меня амнезия? – Он шутливо нахмурился и задумчиво поднес палец к губам. – Совершенно вылетело из головы!

Они рассмеялись и чокнулись бокалами, по комнате пронесся хрустальный звон. Джек наблюдал за ней, пока она пила молоко. Он любовался ее грациозными движениями, женственными изгибами тела, красивыми чертами лица и находил ее неотразимой.

Более того, две верхние пуговицы ее платья были расстегнуты, что выглядело верхом раскрепощенности. Джек привык относиться к ее одежде, как к броне на страже благопристойности и форпосту в борьбе с искушениями. Что же означает эта вольность? Может быть, лучше об этом не задумываться?

– Так что же, мисс Дарлингтон, вы согласны забыть о том, кто вы есть, на эти несколько часов?

Аманда чувствовала себя так, словно какая-то добрая, но введенная в заблуждение добрая фея коснулась ее своей волшебной палочкой. Конечно, она хотела обо всем забыть. Но разумно ли это?

– Не думайте об этом. Просто примите решение и ныряйте вниз головой, – посоветовал Джек.

– Но однажды вы советовали мне обратное: не быть слишком импульсивной, – напомнила она ему.

– Верно, – начал он с шутливой серьезностью, но в его глазах тут же вспыхнул игривый огонек. – Но если я обещал вам быть джентльменом, то какая разница, насколько импульсивной вы станете? Если вы опасаетесь, что я скомпрометирую вас, моя дорогая, то ваши опасения напрасны. Клянусь, что этого не произойдет.

Эти заверения вызвали у Аманды смешанные чувства. Опасность щекотала нервы и волновала кровь.

– Что ж, я согласна. Сегодня я – не я.

– Bravo! – воскликнул Джек и снял крышку с первого блюда. – Давайте начнем эксперимент. Вы любите бобы, мисс Дарлингтон?

– Нет, я никогда их не любила, но всегда ела, потому что мистер Гренвилл, наш аптекарь, утверждал, что они мне полезны. Мисс Аманда Джейн Дарлингтон очень внимательно прислушивается к мнению врачей, но поскольку сейчас я за-

была о мисс Аманде и о том, что должна испытывать каждая женщина при виде этой зеленой гадости, то я не съем ни горошинки!

– Очень мудрое решение. Начало получилось многообещающим. Что касается меня, то я люблю бобы, но не так сильно, как крем с карамельным соусом. И я велел мистеру Теббзу приготовить целую плошку. – Он многозначительно улыбнулся.

– Неужели вы совсем не голодны и готовы сразу перейти к десерту?

– Да, такое иногда со мной случается.

– Тогда начните с десерта! – воскликнула она, радуясь, что ей в голову пришла столь блестящая идея.

– Вы предлагаете мне сначала съесть десерт? – испуганно уставился на нее Джек.

– Обычно я не делаю никому таких диких предложений, но коль скоро сегодня я – не я, то советую вам поступить именно так.

Джек тут же позвонил и приказал явившемуся на зов мистеру Теббзу подавать обед в обратной последовательности. Хозяин остолбенел от изумления, но Джек заверил его, что всем доволен, просто они с женой хотят раз в жизни попробовать сделать все наоборот.

Милейший мистер Теббз уже сталкивался с чудачествами аристократов, к числу которых готов был отнести и лорда Торнфилда с женой. Он пожал плечами, но согласился ис-

полнить их прихоть.

– Знайте, что завтра с утра вас ожидает жестокое несварение желудка, – заметила Аманда, отправляя в рот очередную ложку с десертом.

– Вы забыли, моя дорогая, что мы договорились вести себя так, как будто завтра не наступит, – ответил он, наслаждаясь тающим во рту лакомством. – А если так, то нечего опасаться неприятностей с желудком.

– Вы правы, – согласилась Аманда.

Они веселились, как дети, втянутые в дурацкую игру. Но при всей странности ситуации Аманде в тот момент нужна была именно игра. Она хотела забыть о завтрашнем дне, и не потому, что желудок мог доставить ей массу неприятных ощущений, а потому, что утром должен был явиться констебль, чтобы забрать ее мнимого мужа, отвести его в участок и допросить. Он, конечно, будет взбешен. Но ведь она делает это для его блага. И для своего тоже.

Аманда отогнала навязчивые мысли. Ведь впадая в задумчивость, она нарушает правила игры. Она ласково улыбнулась Джеку, который принялся разрезать телячью ногу.

– О чем вы думаете, моя дорогая? – спросил Джек, пристально взглядевшись в ее глаза.

– О том, умеете ли вы вальсировать, – ответила она, проглотив кусочек сочного мяса и с удовольствием облизав пальцы.

– Не знаю, – поразмыслив, ответил Джек. – Но полагаю,

что, если мы попробуем, я справлюсь.

Аманду, которая никогда в жизни не танцевала вальс, это вполне устраивало. Она подумала, что такое активное времяпрепровождение после обеда пойдет им на пользу... и добавит еще одно воспоминание к ее коллекции.

Они наслаждались едой и непринужденной беседой, забыв обо всем на свете. Впрочем, разговор у них получался несколько односторонний, потому что из-за амнезии Джона пришлось отказаться от множества интересных тем. В итоге Аманда рассказала ему о своей жизни во всех подробностях: о своих эксцентричных тетках и их благотворительной деятельности, о своей огромной ферме в Иденбридже, о своем пристрастии к чтению и рисованию и даже о неудачном лондонском сезоне.

Она рассказала историю о неловком ухажере с постоянно потеющими ладонями, с которым танцевала в «Олмаке». Он наступил ей на шлейф и извинялся восемнадцать раз подряд, пока она не согласилась станцевать с ним еще один танец.

Джек хохотал до слез. Аманда тоже не могла сдержать смеха.

– Как вы понимаете, тогда мне было совсем невесело, – призналась она. – Но теперь, по прошествии времени, я думаю, что мы выглядели ужасно нелепо!

– Время дает нам возможность взглянуть на события по-иному. У вас потрясающий дар рассказчицы, мисс Дарлингтон. Трудно поверить, что вы не имели успеха в Лондоне.

– Говорю вам, я была робкой и застенчивой.

– Но со мной вы вовсе не робки.

– Я решила больше никогда не робеть! – храбро заявила она.

– Вероятно, ваши родители не одобрили бы этого?

Джек обратил внимание, что, рассказывая о своей жизни, доме, семье, Аманда ни разу не упомянула о родителях. Причина, должно быть, заключалась в том, что она не могла простить им вынужденной разлуки со своим ребенком. И все же ему хотелось побольше узнать о детстве Аманды. И еще о том, что влечет ее на Торни-Айленд. Если Аманда доверится ему, он просто поставит ее перед фактом, что решил отправиться вместе с ней на остров.

– Мои родители никогда бы не начали обед с десерта, – сказала она, ковыряя вилкой остывающее мясо. – Даже если бы от этого зависела их жизнь. И еще... они всегда съедали бобы до последней горошины, считая неприличным оставлять на тарелке хоть крошку.

– Иными словами, они не умели веселиться, и им не о чем было бы говорить во время такой веселой трапезы. – Джек пожалел, что его любопытство заставило Аманду погрузиться. Он решил исправить положение и поднялся. – Вы, кажется, говорили что-то о вальсе, мисс Дарлингтон?

– Да. – Ее лицо мгновенно просияло. Она захлопала в ладоши, как ребенок. – Но ведь у нас нет музыки! А танцевать без музыки как-то глупо!

– Я помню, что обладал раньше некоторыми музыкальными способностями, поэтому могу напеть мотив. – С этими словами он протянул к ней руки.

Аманда засмеялась и поднялась с кресла.

– Может быть, снимете шаль, – предложил он. – Здесь и так жарко, а нам придется все время двигаться.

Аманда сняла шаль и повесила ее на спинку кресла. Джек хотел предложить ей расстегнуть еще пару пуговиц, но решил, что лучше не испытывать судьбу.

Комната была небольшой, поэтому Джек отодвинул мебель, чтобы освободить место в центре. Шум привлек внимание мистера Теббза, который заглянул к ним, молча забрал со стола грязную посуду и удалился, чтобы «оставить новобрачных наедине».

Джек сделал вид, что не замечает внезапного замешательства Аманды. Он вышел на середину комнаты, расставил руки в стороны и повелительно улыбнулся:

– Ну же, леди Торнфилд, потанцуйте со своим мужем.

Аманда смущенно замялась, как ребенок перед входом в Королевский цирк – он боится войти, хотя и очень хочет этого. Она прижала руки к груди и несмело двинулась к нему. Ее глаза горели, щеки пылали, грудь часто вздымалась от волнения. Даже черное платье было ей в этот вечер к лицу, выгодно подчеркивая тонкую талию и округлость грудей, бледность кожи и великолепие пышных волос.

Джек стиснул зубы и поспешил напомнить себе, что обе-

щал вести себя как джентльмен, а значит, не целовать ее, не обнимать, а лишь легко поддерживать за талию, чтобы их движения были слаженными.

Аманда вошла в его объятия с внутренним трепетом, как грешники входят во врата рая. Он осторожно взял ее за руку и встал в позицию для вальса, но если бы ему захотелось большего, она оказалась бы в его полной власти. Слава Богу, он действительно был джентльменом.

– Я буду вести, а вы меня слушайте, – вымолвил он слегка охрипшим голосом и начал напевать мелодию, под которую они стали танцевать свой первый в жизни вальс.

У него обнаружился глубокий приятный голос, который отдавался эхом в сердце Аманды. Она робко подняла голову и увидела его подбородок. Стоит встать на цыпочки, и она смогла бы дотянуться до его губ и поцеловать их – если бы только осмелилась...

– Что это за мелодия? – спросила она, надеясь, что разговор отвлечет ее и она перестанет ощущать, как огнем горит ее кожа на спине в том месте, где он прикасается к ней.

– Понятия не имею. Но уверен, что я когда-то уже танцевал под эту музыку.

– Да, наверное... – Она вдруг обнаружила, что ревнует его к тем женщинам, к которым он когда-либо прикасался.

– Наверное, родители запрещали вам вальсировать? – спросил он.

– В «Дамском журнале» была статья, рекомендующая мо-

лодым леди отказываться от этого танца. Там говорилось, что человеческая природа так примитивна и груба, что ни один мужчина не в состоянии преодолеть свой инстинкт, если рядом с ним находится женщина. Моя мать полностью была согласна с этим мнением.

– Ваша мать ошибалась, – склонившись к ней, возразил Джек. – Вот сейчас мы с вами танцуем, и ничего страшного не происходит. Разве я не прав, мисс Дарлингтон?

Аманда заметила некоторую натянутость в его улыбке. Неужели его так же тянет к ней, как и ее к нему? Неужели он тоже мечтает о повторении того поцелуя?

– Да, – признала она. – Вы держитесь чрезвычайно достойно. – Сказав это, она склонила голову ему на грудь, и он сжал ее в объятиях.

Она слышала биение его сердца. Оно колотилось с той же силой и частотой, что и ее собственное. Они продолжали медленно двигаться по комнате. Джек напевал все тише, пока не смолк совсем. Танец сам собой закончился, и они замерли в центре комнаты в полной неподвижности.

В тишине были слышны лишь стук дождевых капель по крыше и потрескивание поленьев в камине. Аманда подняла глаза на Джека. Их губы разделяли всего несколько дюймов.

В этот момент она приняла решение. Она хотела довести игру до конца, каким бы он ни был. Она всем сердцем поверила в то, что завтрашний день не наступит, а если и наступит, то это будет уже совсем другой день. У нее останутся

воспоминания о прекрасной ночи, проведенной в объятиях красивого мужчины.

Она решила отдаться Джеку.

Глава 12

– Я говорила, что никогда больше не попрошу вас поцеловать меня, но...

– Я хочу поцеловать вас, Аманда, больше всего на свете хочу этого. Но я дал клятву. – Его горячее дыхание опалило ей губы.

– Я освобождаю вас от клятвы.

– Вы не понимаете, что говорите, – простонал он.

– Почему вы так думаете? Я не пила вина, лишь бокал молока. – Улыбка задрожала на ее губах. – Я готова поручиться, что действую в здравом уме и трезвой памяти.

– Но я не могу сказать того же о себе, потому что вы сводите меня с ума. Я утратил способность думать! Я обещал не компрометировать вас, а вы подвергаете меня такому искушению. Я ни... – Он осекся. Он хотел сказать, что никогда не желал женщину так сильно, но побоялся возбудить ее подозрения.

– Что – ни?

– Если я поцелую вас, то, возможно, не смогу остановиться.

– Я не хочу, чтобы вы останавливались, – прошептала она. – Я хочу, чтобы вы любили меня.

У Джека подогнулись колени. Ему захотелось опустить ее на пол и немедленно овладеть ею. Тряхнув головой, он изба-

вился от морока и произнес:

– Но вы даже не знаете, кто я! Вы ничего обо мне не знаете.

– Я знаю все, что мне нужно. – Она погладила его по спине. – Вы нежный, добрый и веселый. Мне нравится, когда вы прикасаетесь ко мне, и я люблю прикасаться к вам.

Ее восхитительные руки легли на его затылок, и пальцы зарылись в густые волосы. Он закрыл глаза и сосредоточился на волнующих ощущениях, пронзивших все его существо.

– Джон, вы сказали, что, возможно, это последняя ночь, которую мы проводим вместе. Я хочу запомнить ее на всю жизнь.

– А вы сказали, что никогда не выйдете замуж. Я в это не верю, Аманда, – стиснув кулаки, ответил он. – Наступит день, когда вы влюбитесь. Вы выйдете замуж и захотите, чтобы этой ночи никогда не было в вашей жизни.

– Нет, этого не будет. Я никогда не захочу забыть тот сладостный трепет, который охватил меня тогда, возле ручья, и тот, что я испытываю сейчас.

– Пройдет время, и вы поймете, что я был прав.

– Я никогда не пожалею о том, что случится. – Она прижала палец к его губам и заставила замолчать. – Любите меня.

Джек разрывался между страстью и разумом. Его тело пронзила боль, так сильно он желал ее. Он говорил себе, что она взрослая женщина и вполне способна отвечать за свои поступки. Она ведь ясно дала ему понять, что хочет его. Он

не делал ничего, чтобы соблазнить ее, обмануть или взять силой. К тому же она не девственница, так что и здесь его совесть чиста...

Джек устыдился своей последней мысли. Он ведь не знал, при каких обстоятельствах был зачат тот ребенок. Это могло случиться против ее воли.

Его разум предпринял последнюю попытку повлиять на ход событий. Пусть Аманда опытна и мечтает, чтобы это произошло, но ведь она так... беззащитна и уязвима, А он не был до конца честен с ней. Память вернулась к нему уже много часов назад, а он не сообщил ей об этом. Он решил отправиться вместе с ней на остров, чтобы, если понадобится, защитить ее, но благородные поступки и ложь – понятия несовместимые... особенно когда речь идет об интимных отношениях.

– Поцелуйте меня, Джон.

Вихрь чувств закружился в его голове. Он желал ее каждой частичкой своего тела. Он восхищался ею, уважал ее, готов был заботиться о ней – так почему же он не может ее поцеловать?

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она убедила его сделать это, но когда их губы соприкоснулись, Аманда была вознаграждена за упорство в достижении цели. Ее бросило в жар, и трепет наслаждения сотряс ее тело.

Их поцелуй становился все более страстным и настойчивым. Джек крепко прижал ее к себе и раздвинул языком ее

губы. Она ласкала его сильные плечи, представляя тяжесть его тела на себе и с нетерпением ожидая, когда же он наконец войдет в нее. У нее закружилась голова, а ноги стали ватными.

Он покрыл поцелуями ее шею, затем снова нашел ее губы. И вдруг... отстранился и отодвинул ее от себя. Его взгляд был свирепым и жадным, как у голодного зверя.

– Я должен кое-что сказать вам, Аманда. Выслушайте меня внимательно.

– Да? – Она с трудом держалась на подгибающихся от слабости ногах. – Я вас слушаю, Джон.

– Если мы будем близки, я не смогу вам ничего обещать в будущем. Вы понимаете меня, правда?

Она кивнула.

– Вы уверены в этом? – Он легонько потрянул ее. – Несмотря на нашу любовную игру, я обязан напомнить вам, что у меня есть жизнь за пределами этой комнаты. И я окажусь вовлечен в эту жизнь очень скоро. Может быть, даже скорее, чем мне хотелось бы. – Он мрачно улыбнулся. – А когда мы расстанемся, вам придется довольствоваться только...

– Воспоминаниями, – закончила она с такой нежной, обезоруживающей улыбкой, что ему осталось только признать свое поражение. Но каким же восхитительным оно было...

– Сейчас я пойду наверх в свою комнату, – произнес он, приглаживая волосы. – У вас есть время подумать еще раз,

дорогая. Не спешите, обдумайте все хорошенько. Но если вы... решитесь, знайте, что я жду вас. Если вы не придете в мою комнату, я обещаю, что завтра ни единым словом не напомним вам о том, что произошло сегодня. Договорились?

Аманда кивнула и ухватилась за спинку кресла, чтобы не упасть, потому что «муж» выпустил ее из своих рук и вышел из комнаты.

* * *

Джек лежал на кровати в бриджах и рубашке. Прошел час, и он с облегчением и некоторым разочарованием пришел к выводу, что его тактика сработала: она подумала и отказалась от идеи лечь с ним в постель.

Судя по тому, что из-под двери ее комнаты пробивался свет, она еще не спит. Интересно, что она делает? О чем думает? Он представил ее в ночной рубашке с распущенными волосами.

И вдруг его фантазия стала реальностью. Дверь распахнулась, и в комнату вошла Аманда.

Он впервые увидел ее не в черном одеянии и приподнялся на локте от изумления. Она была так хороша, что у него захватило дух.

Открытый ворот ее ночной рубашки был достаточно низким, чтобы представить взору ложбинку между грудями. Волосы оказались длиннее, чем он предполагал. Ее глаза,

огромные от страха, светились в полумраке. В их глубине отчетливо прочитывалась природная стыдливость.

– Вы все-таки пришли... – только и сумел промолвить он.

– У меня и в мыслях не было отказаться, – сообщила она с игривой улыбкой, вызванной смущением и совершенно не вязавшейся с выражением ее глаз.

– Значит, вы уверены? – Он хотел получить последнее подтверждение тому, что и так было очевидно.

– Я никогда в жизни не была ни в чем более уверена. – Она шагнула в комнату и закрыла за собой дверь.

Очарованный ее красотой, Джек только теперь скользнул взглядом по фигуре Аманды. Ее ночная рубашка была сшита из тончайшей ткани, просвечивающей на свету, и он смог разглядеть все, вплоть до темных кружков на груди.

– Знаете, я никогда раньше этого не делала. – Она подошла ближе, сцепив руки у живота. – Я никогда не приходила к мужчине и не просила его... любить меня.

Джек всмотрелся в ее лицо. Она выглядела чуть напряженной, в глазах появилась неуверенность. Он готов был ей поверить, но тогда возникал вопрос: какие отношения связывали ее с отцом ребенка? У него появилась надежда, что их связь была несчастливой, и тут же возникло желание задушить того, кто любил ее первым – до него.

Он заставил себя отбросить нелепую ревность и поклялся, что сделает все, чтобы их единственная ночь стала для нее незабываемой.

– Иди сюда, дорогая, – прошептал он, вставая с кровати. Она приблизилась и склонила голову ему на грудь. Он обнял ее, чтобы она ощутила ту нежность, которую он испытывал к ней.

Однако это не могло продолжаться долго. Слишком хороша она была, слишком притягательна, чтобы он мог сдерживать страстное желание. Он мечтал доставить ей наслаждение, любить ее, освободить от природной скованности, которая мешала ей радоваться жизни целых двадцать три года.

Он положил ей руки на бедра и заглянул в глаза. Его теплые ладони медленно заскользили вверх, пока не достигли груди. Он осторожно сдвигал пальцами ее соски, и по телу ее пронеслась дрожь, – Джон... – прошептала она хрипло, и он отпрянул от нее. Он никогда не услышит своего настоящего имени, слетающего с ее губ! Она будет содрогаться от страсти и выкрикивать другое имя – не его!

– Джон, что случилось?

Он отвернулся, чтобы скрыть свои мысли, но тут же решил, что пусть она называет его как хочет, он ни за что на свете не откажется от нее. Улыбка вернулась на его лицо.

– Ничего, любовь моя. Просто я не могу поверить в свое счастье. Иди ко мне. – Он обнял ее за хрупкие плечи и притянул к себе.

Джек склонил голову и поцеловал ее, вложив в поцелуй всю силу своего желания. Его язык дразнил, соблазнял, проникая в ее рот все глубже и глубже. Когда он отстранился,

Аманда едва не задохнулась от разочарования. Она утратила чувство реальности, ее не интересовало ничто и никто на этой земле, кроме Джека.

Он целовал ее шею и мочку уха, затем повернул ее к себе спиной и прижался к ее ягодицам плотью, одновременно сжав в ладонях ее груди. Аманда почувствовала, что тает, как весенний снег под лучами солнца. Она и не подозревала до сих пор, что в жизни существуют такие наслаждения. А ведь ночь еще только начиналась...

– Дорогая, я хочу, чтобы ты сняла с себя это. – Он провел руками по ее плечам и спине в поисках пуговиц или лент, чтобы избавить ее от ночной рубашки.

Аманду ужаснула перспектива предстать перед ним обнаженной. Она никогда прежде не раздевалась донага в чьем-то присутствии и, даже выходя из ванны, стеснялась смотреть на себя в зеркало и стыдливо отводила глаза.

– Может быть, я лучше останусь так? – застенчиво проговорила она.

Он удивленно приподнял бровь, но не стал перечить.

– Хорошо. Возможно, потом тебе самой захочется снять ее. Что касается меня, то я разденусь. Терпеть не могу, когда одежда мешает! Ты ведь не против? Тем более ты уже видела меня голым, разве не так?

Аманда кивнула и стала смотреть, как он раздевается. Она не знала, что это зрелище может быть так эротично. Джек действовал уверенно и без тени смущения. Аманда как заво-

рожденная следила за движениями его сильных, умелых пальцев. Наконец он сбросил с себя рубашку и бриджи. Аманда узнавала знакомые очертания его тела, но не ожидала, что в возбужденном состоянии его мужское естество станет таким огромным.

– Господи, кажется, я напугал тебя. Извини, дорогая.

Аманда заметила торжествующий блеск в его глазах.

– Я вовсе не испугалась. И незачем извиняться, Джон.

Ее ответ развеселил его. Он подхватил ее на руки и бросил на кровать. Она засмеялась, когда он лег рядом.

– В чем дело, дорогая? Я всего лишь положил тебя туда, где хочу заняться с тобой любовью. Сдавайтесь, мисс Дарлингтон, иначе... – угрожающе нахмурился он.

– Иначе – что? – усмехнулась она.

– Иначе я изнасилую тебя. Ты представить себе не можешь, как я хочу тебя. – Он ласково погладил ее по щеке.

– Тогда возьми меня, Джон. Возьми прямо сейчас.

Не заставляя упрашивать себя долго, он вдавил ее в кровать всей тяжестью тела и принялся покрывать страстными поцелуями ее лицо, шею и грудь. Он возбуждался все сильнее, чувствуя, как вибрирует под ним ее тело. Их ноги переплелись, и теперь их разделяла лишь рубашка Аманды, которая превратилась в жесткий, неудобный комок.

– Джон. – Она уперлась ему в плечи обеими руками. – Я передумала.

Он замер от неожиданности, взял в руки ее голову и, не

веря своим ушам, переспросил:

– Ты передумала? Сейчас? Господи, Аманда! Ты меня погубишь!

Он перекатился на бок и тяжело вздохнул. Аманда догадалась, о чем он подумал.

– Нет, Джон. Я передумала не про то, чтобы заниматься с тобой любовью.

– А про что же?

– Про рубашку. Я хочу, чтобы ты снял ее с меня.

В его глазах вспыхнула радость.

– Ну, с этим я справлюсь мгновенно!

Однако он не стал торопиться, напротив, начал покрывать поцелуями каждый дюйм ее постепенно обнажавшегося тела, доставляя ей этим несказанное удовольствие. Она забыла обо всем, что находится за пределами рук Джона. Ее охватило странное оцепенение, и в то же время где-то глубоко внутри возрастало нетерпеливое желание ощутить его внутри себя.

Аманда знала, что отступить поздно, что теперь уже ничего нельзя изменить. У нее не было сил противиться самой себе. Оставалось лишь принять неизбежное всем сердцем, чтобы сохранить память об этой ночи на всю жизнь.

Джек старался действовать как можно мягче и осторожнее. Он хотел убедиться в том, что привел Аманду на вершину чувственного наслаждения, прежде чем овладеть ее телом. И наступил момент, когда он не смог дольше сдержи-

вать себя.

Он медленно вошел в ее горячее, влажное лоно и собрал всю свою волю в кулак, чтобы тут же не кончить. И вдруг он замер и удивленно посмотрел ей в глаза. Щеки Аманды вспыхнули стыдливым румянцем, когда он натолкнулся на естественную преграду. Она была девственницей!

В этот момент он понял, что все, что он напридумывал об Аманде Джейн Дарлингтон, не стоило выеденного яйца! Тревога, вина, желание и отчаяние разрывали его на части. Он ошибался насчет ее внебрачного ребенка. Господи, кто ему скажет, в чем он еще ошибался?

Женщина, с которой его связывали самые прекрасные интимные отношения, по-прежнему оставалась для него загадкой.

Она открыла глаза и взглянула на него сквозь полуопущенные ресницы. Ее желание достигло пика и сотрясало дрожью ее тело.

– Джон... пожалуйста, – прошептала она.

Кто в состоянии остаться глухим к такой мольбе? Только не Джек. Он решил, что обдумает все детали данной ситуации позже. Не теперь.

– Дорогая, тебе сначала будет немножко больно, – прошептал он, ласково глядя ее волосы.

– Я знаю, – мужественно ответила она.

– Я постараюсь быть осторожным, – пообещал он и, нежно прижавшись к ее губам, лишил ее девственности одним

сильным ударом. С ее губ слетел легкий стон, но Джек был так нежен, что боль прошла, чтобы уже никогда не вернуться.

– С тобой все в порядке, Аманда?

– Да, – ответила она. Теперь боль казалась ей смешной ценой за то наслаждение, которое она испытала в его объятиях. И когда она решила, что впереди ее уже ничто не ждет, он начал двигаться внутри ее.

Ощущение его плоти внутри ее тела наполнило ее счастьем. Господи, она любит его! Аманда обхватила его за талию ногами и стала двигаться в такт его движениям. Их сердца бились в унисон, и наконец чувственное напряжение достигло предела и получило долгожданное разрешение.

Аманда ощущала себя опустошенной и в то же время переполненной эмоциями через край. Она поднесла к губам его руку и поцеловала ее. Как жаль, что время неумолимо движется вперед, с каждой секундой приближая завтрашний день.

Завтра. Завтра все это покажется ей сном. Завтра Джон, возможно, вспомнит свое имя – и забудет ее. Завтра за ним придут и уведут его от нее навсегда.

Аманда зашевелилась в его объятиях, решив, что пора начинать привыкать к разлуке. Она вернется в свою комнату, ляжет в постель и будет думать о нем и о своей любви. Однако Джон разрушил все ее планы.

– Не уходи, Аманда. Останься, милая.

Аманда взглянула в его ласковые, полные обожания глаза.

– Ночь еще не кончилась. Дай мне несколько минут, и я снова буду тебя любить.

Разве Аманда могла отказаться! Завтрашний день принадлежит всем, а эта ночь только им двоим. Он снова будет любить ее. Снова и снова.

* * *

Наутро Джек проснулся в комнате, залитой солнечным светом, на пустой кровати и с чувством вины. Ночью эта комната была для него олицетворением рая, память о котором навсегда останется с ним. Но вправе ли он был принять от Аманды ее добровольный дар?

Он думал, что она вполне опытна, а она оказалась невинной девушкой. И не имеет значения, что он обнаружил это в тот момент, когда изменить было ничего нельзя; ее невинность накладывала на него определенные обязательства. Хорошо, что после первого раза он догадался принять меры предосторожности против нежелательной беременности. Впрочем, об этом следовало подумать заранее. Хотя шанс забеременеть после первого акта любви практически равен нулю.

Интересно, в каком настроении она проснулась? Не жалеет ли о том, что произошло между ними? Он ведь честно предупредил ее, что ей не на что рассчитывать, и она со-

гласилась, но от угрызений совести его это не спасло. Но не может же он жениться на женщине, если прежде дал слово другой!

Впрочем, Джек не был уверен в том, что хочет этого. Он, конечно, испытывал к Аманде нежные чувства, но, поскольку они познакомились всего несколько дней назад, глупо было бы думать, что он успел ее полюбить.

Или не глупо?

Джек сидел на кровати, глядя на сбитые простыни. Они почти не спали, потому что не могли оторваться друг от друга ни на минуту, стараясь исчерпать эту ночь до конца. Они действительно напоминали молодоженов, которые хотели уместить целый медовый месяц в несколько дивных часов.

Джек попытался представить на месте Аманды Шарлотту Батсфорд. И не смог. Потому что ночь любви с Амандой всегда будет стоять между ним и его будущей женой. Он никогда, даже в объятиях искушенных распутниц, не испытывал подобных ощущений.

И дело здесь не в том, что Аманда владела искусством любви, а в том, что она отвечала на его страстные порывы с неподдельной искренностью. Она была открыта и невинна в своих чувствах. Она заставила его отнестись к любовному акту не только как к слиянию тел, но и как к единению душ.

Джек с сожалением покачал головой и поднялся с кровати. Ему необходимо умыться холодной водой, тогда он смо-

жет признаться себе, что любит Аманду Джейн Дарлингтон. Впрочем, вода здесь не поможет. Да, он ее любит, и с этим уже ничего не поделаешь.

Он умылся, побрился, оделся и постучал в дверь, соединяющую их комнаты. Ответом ему была тишина. Тогда он достал из жилетного кармана часы, чтобы узнать, который час. Было около семи, и он удивился, что она так рано отправилась завтракать. Да к тому же забыв его разбудить.

Джек нахмурился, ужасные подозрения закрались в его душу. Вдруг она уехала на Торни-Айленд без него? Но не могла же она просто так его бросить! Впрочем, как догадаться о том, что пришло ей в голову? Он занимался с ней любовью, но до сих пор ничего не знал о ней.

Джек распахнул дверь и вошел в ее комнату. Так и есть! Шкаф пуст, на туалетном столике ни одного флакона. Аманда исчезла, оставив его одного.

Побелев от злости, Джек бросился вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Что теперь делать? Куда бежать? Он услышал голос мистера Теббза в кабинете, в котором они с Амандой обедали накануне, и ворвался туда, стора от желания не оставить камня на камне от этой гостиницы.

Каково же было его изумление, когда он увидел Аманду, сидевшую за столом и мирно завтракавшую. Он почувствовал себя дураком и пристыженно потупился, когда она и мистер Теббз, прислуживавший ей, одновременно повернулись к двери. Удивление застыло на их лицах при виде злости на

его лице.

– Милорд! – обратился к нему хозяин, как только оправился от шока. – Хорошо ли вы спали?

Джек успокоился. Действительно, до чего же глупо было предположить, что Аманда оставит его и уедет, даже не попрощавшись! Как такое могло прийти ему в голову?

Он напустил на себя важный вид и, гордо расправив плечи, не спеша вошел в кабинет. В этот момент он, вероятно, очень походил на своего брата, у которого патрицианские манеры были в крови.

– Я спал великолепно, спасибо. – Он блеснул своей аристократической белозубой улыбкой.

Мистер Теббз с облегчением вздохнул, когда выяснилось, что недовольная гримаса, с какой Джек ворвался в кабинет, не имеет отношения к качеству обслуживания в его заведении. Он с радостной готовностью отодвинул ему стул и, когда Джек уселся, наполнил его тарелку изысканными закусками.

Когда хозяин удалился, Джек посмотрел на Аманду – она задумчиво ковыряла яйцо ложечкой. Но вот она застенчиво подняла на него взгляд, и на ее щеках вспыхнул румянец.

– Ты сегодня прекрасна, Аманда.

– Спасибо.

Джек подумал о том, что хорошо бы смахнуть со стола всю эту дребедень и заняться с ней любовью прямо здесь вместо завтрака, но покорно развернул салфетку на коленях и произнес:

– Ты рано поднялась, дорогая.

– Впереди трудный день, Джон, – ответила она неохотно.

– Да, нас ждет долгий путь на Торни-Айленд. А ты знаешь, что, войдя к тебе и увидев пустую комнату, я решил, что ты меня бросила? Впрочем, мне следовало бы догадаться, что ты никогда не поступишь так подло!

Аманда вздрогнула, и яйцо, выскользнув из ее пальцев, упало на пол и разбилось.

– Не страшно, – махнул рукой Джек, удивляясь тому, что она так нервничает. Может быть, она испытывает угрызения совести из-за вчерашней ночи? – Хозяин принес мне четыре яйца. Я столько не съем, так что могу поделиться.

– Какой беспорядок! – Она покосилась на желтое пятно, растекшееся по ковру.

– Не стоит из-за этого расстраиваться. Мистеру Суини приходилось справляться и с более серьезными трудностями. – Он позвонил в колокольчик, чтобы вызвать кого-нибудь, кто мог бы почистить ковер.

Однако Аманда не отводила рассеянного взгляда от желтого пятна на полу. Тогда Джек поднялся с салфеткой в руке.

– Я вытру сам, а потом служанка все уберет как надо. Не расстраивайся, дорогая.

Вытирая желток с пола, он чувствовал на себе ее взгляд. Поднявшись и подойдя к ней, он ласково погладил ее по щеке:

– Что случилось, Аманда? Неужели ты так расстроилась

из-за этого яйца?

– Нет. – Она покачала головой, и слезы хлынули у нее из глаз. – Я плачу потому, что вынуждена расстаться с тобой.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился Джек.

Вдруг дверь распахнулась, и в кабинет вошли два констебля.

– Нет, только не сейчас... – взмолилась она, закрывая лицо руками. – Он ведь еще не позавтракал!

Глава 13

Аманда побледнела под его укоризненным взглядом.

– У меня не было другого выхода, Джон. Как иначе можно узнать, кто ты?

– Ты права. Если это и не лучший способ, то уж, во всяком случае, самый быстрый. – Джек поднялся и бросил салфетку на стол. – А поскольку тебе не терпится избавиться от меня, неудивительно, что эти господа явились в такую рань.

Аманда тоже поднялась. Ноги плохо слушались ее, она дрожала как осиновый лист. И не потому, что Джек расценивал ее поступок, как предательство, а потому, что не могла с ним расстаться. Прошлой ночью она была на вершине блаженства, и теперь сердце ее разрывалось от боли из-за того, что она больше никогда его не увидит.

Она отвернулась от него и обратилась к старшему из двух констеблей, мужчине со взъерошенными черными волосами, крупным носом и отвисшими, как у моржа, усами:

– Я не думала, что вы придете так рано. Он еще не успел позавтракать!

– Мне приказали явиться утром, мисс, – ответил страж закона непререкаемым тоном. – К тому же чем раньше мы начнем это дело, тем скорее закончим его, ко всеобщему удовольствию.

Аманда увидела в дверях, за спинами констеблей встре-

воженное лицо хозяина гостиницы, из-за его плеча выгляды-
вали горничные.

– Вы собираетесь арестовать меня? – спросил Джек.

– Не совсем так, сэр, – после небольшой паузы ответил старший.

– Тогда почему власти решили взять меня на свое попечение? Я не нарушал никаких законов, – надменно приподнял он бровь.

– Эта леди утверждает, что в результате несчастного случая вы потеряли память и забыли свое имя. Мы хотим всего лишь помочь вам установить вашу личность, сэр.

– Вы поступаете, как добрые самаритяне, – саркастически усмехнулся Джек. – А что, если я не нуждаюсь в вашей помощи? Что, если я откажусь добровольно последовать за вами? – Он развернул свои внушительные плечи.

Младший из констеблей переминался с ноги на ногу, испуганно поглядывая на начальника.

– Что ж, тогда я первым делом предположу, что в вашей истории что-то нечисто, – ответил старший констебль. – Вполне возможно, что вы не в ладах с законом. Может быть, вы разыскиваетесь полицией... за какое-нибудь преступление? Может быть, вы контрабандист или грабитель?

– У вас буйное воображение, – усмехнулся Джек. – Уверяю вас, я ни то и ни другое.

– Если вам нечего скрывать, сэр, я не понимаю, почему вы не хотите узнать, как вас зовут, – пожал плечами констебль.

– Мне не нравятся ваши методы. Есть ли другой способ разрешить эту проблему?

– Поскольку эта леди отказывается в дальнейшем брать на себя ответственность за вас и поскольку вы отказываетесь от нашей помощи, выход остается только один.

– Умоляю вас, скажите, какой?

– Лечебница для душевнобольных, сэр.

– Но я не сумасшедший! – расхохотался Джек. – Я просто потерял память!

Аманда в ужасе ломала руки. Она не думала, что он будет так упорно сопротивляться, а полицейские поведут себя так грубо. Запереть здорового человека в сумасшедшем доме! Невероятно, как такая мысль могла прийти им в голову! Да она скорее возьмет его с собой на Торни-Айленд, а то и в Дарлингтон-Холл, чем допустит подобную несправедливость.

– Пойдемте с нами, сэр, тогда нам не придется применять силу.

– Джентльмены! – вскрикнула она, заметив в руках у одного из них веревку. – Не станете же вы его связывать! – Она бросилась к «мужу». – Пожалуйста, пойдите с ними. Они не причинят тебе вреда. Они хотят тебе помочь.

Джек укоризненно посмотрел на нее и обратился к полицейским:

– Господа, я не преступник и не сумасшедший. Мне надоела вся эта чушь, и я не нуждаюсь ни в вашей помощи,

ни в помощи этой женщины. – Он достал из кармана тугой кошелек и подбросил его на ладони. – Я в состоянии снять комнату в гостинице и ждать, когда ко мне вернется память. А теперь скажите, господа, сколько я должен вам заплатить, чтобы вы оставили меня в покое.

Аманда видела, что старший констебль не знает, на что решиться, – в его душе происходила борьба между алчностью и праведным возмущением. Победило возмущение.

– Если вы пытаетесь подкупить нас, сэр, то напрасно. Если вы не хотите, чтобы я арестовал вас за взятку, то лучше спрячьте ваш кошелек.

Джек помедлил в нерешительности, но последовал совету полицейского. Аманда почувствовала, что напряжение спало. Никто из присутствующих явно не хотел неприятностей.

– Что же касается вашего вопроса, сэр, то единственный способ сделать так, чтобы мы оставили вас в покое, это назвать свое имя. Вы можете это сделать, сэр?

Аманда поняла, что даже если бы он знал свое имя, то не назвал бы его из чистого упрямства. Поведение полицейских вывело его из себя, и он сердито взирал на них, скрестив на груди руки, как монарх в присутствии недостойной черни.

– Что ж, тогда не остается ничего другого... – вздохнул старший констебль и кивнул своему молодому помощнику.

Аманда зажмурилась и уже приготовилась к тому, что сейчас между ними начнется драка. И вдруг в полной тишине со стороны двери прозвучал незнакомый голос:

– Я могу назвать вам имя этого человека.

Аманда вздрогнула от неожиданности и обернулась. Над сутулой фигурой мистера Теббза возвышался светловолосый красавец, статью напоминающий греческую статую, и его голубые глаза были прикованы к Джеку. Хозяин и горничные невольно расступились, пропуская незнакомца в комнату. Джек не сводил с него пристального взгляда, но на его лице не появилось никаких признаков узнавания.

Незнакомец не удостоил ни словом, ни взглядом никого из присутствующих, включая раскрывших от изумления рты представителей власти, и подошел прямо к Джеку. Все в этом человеке, начиная с белоснежного накрахмаленного галстука с бриллиантовой заколкой и кончая вельможной осанкой, свидетельствовало о том, что он принадлежит к сливкам общества. Все с нетерпением ждали, когда он заговорит.

– Этого джентльмена, которого вы собираетесь связать, как преступника, чтобы тащить в свою контору, зовут Джек-сон Тадеус Монтгомери, виконт Дарем... Он мой брат.

Аманда была в шоке. Она ошарашенно переводила взгляд с Джона, который вдруг оказался Джеком, на незнакомца и никак не могла решить, можно ли ему верить. Между ними не было ничего общего. Джек был смугл и импульсивен, его брат холоден как лед и, судя по всему, умел держать себя в руках в любой ситуации. Вот и теперь, глядя Джеку в глаза, он наверняка испытывал массу всевозможных эмоций, но ни одна из них не отразилась на его лице.

Джек не тронулся с места и молча смотрел на своего внезапно объявившегося родственника. Аманда бросилась к нему:

– Вы узнаете своего брата, Джон... Джек?

– Нет, я его не узнаю, – хитро прищурившись, ответил он и добавил нехотя: – Впрочем, в его лице, мне кажется, есть что-то знакомое.

– Еще бы в нем не было ничего знакомого! – усмехнулся незнакомец и шагнул к Джеку. – Что еще за новая проделка, братец?

– Джек потерял память в результате несчастного случая, сэр, – вступилась за него Аманда. – Если бы вы действительно оказались его братом, это было бы чудесно. Но он почему-то не узнает вас. Так что не могли бы вы назвать себя и представить какие-нибудь доказательства того, что вы состоите с ним в родственных отношениях?

– Меня зовут Джулиан Фицуильям Монтгомери, маркиз Серлинг, – с учтивым поклоном ответил старший брат и, сунув руку во внутренний карман сюртука, вытащил оттуда медальон на цепочке. Открыв крышку, он протянул его для всеобщего обозрения. – Этот медальон принадлежал нашей матери. Как видите, здесь мы с Джеком совсем молодые, но сходство можно определить без труда.

Джек и Аманда внимательно рассмотрели миниатюру. Сходство было поразительным. Джек погрузился в задумчивость, а Аманда удовлетворенно кивнула. Маркиз протянул

медальон констеблям, которые долго изучали его, после чего вернули с учтивым поклоном.

– Что ж, похоже, вам теперь не нужно следовать за нами, ваше сиятельство. – Старший констебль поправил на голове фуражку. – Вам повезло, что ваш брат нашелся вовремя.

– Но откуда вы узнали, где искать брата? – спросила Аманда маркиза.

– Миссис Бин, хозяйка «Трех монашек», рассказала мне, куда вы направились, и очень точно описала ваш экипаж. Я разыскиваю вас со вчерашнего дня. Эта гостиница сначала ускользнула от моего внимания, потому что я не думал, что вы захотите остановиться в таком месте. – Он приподнял бровь так же, как это иногда делал Джек. – Она ведь далеко в стороне от проезжей дороги, разве не так?

Аманда покраснела, вспомнив о том, почему они остановились именно здесь.

– Я в очередной раз кружил по городу, когда вдруг заметил этих констеблей, направляющихся куда-то с явно официальной целью, – продолжал маркиз. – Это показалось мне подозрительным, и я последовал за ними.

– Вам следовало обратиться в полицию сразу по приезде в город, – проворчал констебль. – Мы призваны отслеживать такие ситуации, милорд.

– Я не привык прибегать к общественной помощи, если в состоянии сам решить свои проблемы. – Маркиз смахнул с рукава невидимую пылинку. – А теперь, если вы не возра-

жаете, я хотел бы остаться наедине со своим братом, чтобы мы могли заново познакомиться. Хозяин, подайте еще один прибор. Я еще не завтракал.

Все быстро покинули комнату, кроме Аманды, которую Джек крепко схватил за руку:

– Мисс Дарлингтон, разумеется, останется.

Хозяин действовал расторопно, и вскоре стол был опять накрыт, теперь уже на троих. Когда они остались одни, маркиз сложил руки на столе и обратился к брату:

– Итак, Джек, ты полностью потерял память и не помнишь ничего из своей прошлой жизни?

– Я не помню ничего, – спокойно отозвался тот.

Аманде показалось, что Джек очень напряжен и необычно сдержан. Но если он сразу не узнал в этом важном маркизе своего брата, значит, ему не так уж легко будет восстановить с ним родственные отношения.

– Какая неприятность! – отозвался маркиз с улыбкой, которая показалась Аманде не вполне искренней. – Однако я готов предоставить тебе любую информацию о тебе самом. Ты не хочешь задать мне кое-какие вопросы?

– Честно? – Джек задумчиво жевал тост.

– Конечно. – Лорд Серлинг пожал плечами.

– В данный момент меня мало интересуют подробности моей жизни.

– Джек! – удивилась Аманда. – Я на твоём месте умирала бы от любопытства!

– Достаточно того, что брат нашел меня и может помочь мне вернуться домой, когда придет время.

– А когда оно придет? – Лорд Серлинг приподнял бровь.

– Сначала мне нужно закончить одно дело, – уклончиво ответил Джек.

Аманда догадывалась, что это было за «дело». Она решила категорически заявить, что не хочет, чтобы он сопровождал ее на Торни-Айленд, но маркиз опередил ее, заговорив первым:

– Но у тебя есть друзья и любящие тебя люди, которые... ждут твоего возвращения.

– У меня есть жена? – Джек невозмутимо отправил в рот кусок ветчины.

Аманда затаила дыхание. Мысль о том, что она влюбилась в мужа другой женщины, показалась ей ужасной. Маркиз откинулся на спинку стула и пристально посмотрел на Джека.

– Нет, – ответил он наконец.

Аманда облегченно вздохнула.

– Из этого можно заключить, что детей у меня тоже нет... по крайней мере законных. Мои родители живы?

– Нет, – ответил маркиз.

– У меня есть братья и сестры?

– Только я.

– Итак, коль скоро ты – мой единственный близкий родственник, который лично убедился в том, что я жив и здоров, я не вижу причин нестись домой сломя голову. Как ты

считаешь?

– Но у тебя есть обязательства, Джек. – Маркиз покосился на Аманду. – Есть дома, в которых тебя ждут, есть обещания... которые ты должен исполнить.

– Все свои обещания я исполню, можешь не сомневаться. – Джек многозначительно посмотрел ему в глаза. – Просто это придется отложить на несколько дней. А пока ты можешь вернуться домой и передать, что со мной все в порядке и я прошу своих... друзей подождать хотя бы неделю. Это тебя устроит?

Братья переглянулись так, словно говорили на одном им понятном языке. Наконец маркиз расслабился и взял в руку вилку.

– Скажем так, пока меня это устраивает.

– Но в такой задержке нет никакой необходимости, – вмешалась Аманда, которая больше не могла молчать. – У Джека откуда-то взялась идея, что он обязательно должен сопровождать меня на Торни-Айленд, к моему племяннику. Но я вовсе не нуждаюсь в его помощи!

– Ты это имел в виду, когда говорил о незаконченном деле? – небрежно поинтересовался маркиз.

– Да. Но Аманда... мисс Дарлингтон говорит неправду о цели своего путешествия.

– Что? – нервно рассмеялась она. – Джек... лорд Дарем, вы обвиняете меня во лжи?

– Аманда, давайте оставим эти условности. Мы можем на-

зывать друг друга по именам, тем более что теперь вы знаете мое настоящее имя. – Он повернулся к маркизу: – Джулиан, мы с Амандой стали друзьями за эти дни. После того как я, будучи пьяным, попал под колеса ее экипажа и сильно ударился головой, она взяла на себя труд за мной ухаживать. Если бы не она, я бы, возможно, погиб.

– Понятно. Значит, ты должен быть признателен за свое спасение ей и Роберту в равной мере.

– Да. – Джек вдруг нахмурился. – А кто такой Роберт?

– Он называет себя твоим лучшим другом, потому что спас тебе жизнь в Опорто, – ответил Джулиан, пристально вглядываясь в лицо брата.

– Ясно. Наверное, нехорошо, что я забыл о такой важной детали. – Он усмехнулся. – Так вот, я испытываю к Аманде глубокую благодарность. А поскольку она легкомысленно отправилась в путешествие из Суррея на Торни-Айленд в полном одиночестве, если не считать троих слуг, я должен ее сопровождать. Она подвергает себя большой опасности.

– Да, это верно, – ответил маркиз, под пристальным взглядом которого Аманда покраснела.

– К этому следует добавить, что Аманда едет на Торни-Айленд вовсе не за племянником, – продолжал Джек. – Прошу прощения, Аманда... но давайте говорить откровенно. Она едет, чтобы забрать оттуда незаконнорожденного ребенка, который имеет к ней какое-то отношение.

– Джек! – Аманда вскочила с места. – Откуда у вас появи-

лась такая безумная мысль! Я никогда...

– Успокойтесь, моя дорогая. – Джек взял ее за руку и усадил на место. – Тео мне все рассказал. Он, правда, умолчал о том, чей это ребенок. Он сказал только, что мистер и миссис Дарлингтон никогда не допустили бы, чтобы этот ребенок появился в Иденбридже, и теперь, после их смерти, вы хотите вернуть ему то, что принадлежит ему по праву. Пока все верно?

– Да. – Аманда со вздохом смирилась с тем, что ее тайна перестала быть тайной.

– Тогда почему бы вам не рассказать нам остальное?

– Вы думали, что это мой ребенок? – прямо спросила Аманда.

– Да, до тех пор, пока... – Он склонился к ее уху, чтобы продолжить, но Аманда все поняла и покраснела до корней волос.

Этой ночью, когда они были близки, он обнаружил, что она невинна, а девственницы, как известно, не имеют внебрачных детей и уж тем более не оставляют их на воспитание чужим людям. Она надеялась, что маркиз ни о чем не догадался. Невозможно вообразить, что такой изысканный невозмутимый господин в состоянии испытывать сильные эмоции, а значит, вряд ли он одобрит ее необдуманное поведение и наверняка сочтет падшей женщиной, коль скоро она оказалась в объятиях его брата.

Аманда ошиблась в своих предположениях: даже если

маркиз и догадался обо всем, он не подал виду и, похоже, всерьез не заинтересовался этой проблемой, хотя из вежливости спросил:

– Мисс Дарлингтон, если этот ребенок не ваш, то чей он?

– Это ребенок моего отца, – опутив голову, неохотно призналась она. Аманда не могла говорить об этом, глядя в глаза лорду Серлингу, а потому предпочла обратить свою речь к Джеку, в чьем взгляде сквозило сочувствие: – Мои родители погибли полгода назад, но о ребенке я узнала как раз в тот день, когда ты, Джек, попал под колеса моего экипажа.

Аманда рассказала о содержании письма, которое долго искало своего адресата, и о том, что на Торни-Айленд давно не отсылались деньги, выделенные на содержание ребенка.

– Оказывается, все даже хуже, чем я предполагал. – Джек ласково сжал ее руку. – У тебя нет ни малейшего представления о том, кого ты можешь найти в Торнфилд-Коттедже. Тебе не известен ни пол, ни возраст ребенка! И ты не отдашь себе отчета в том, какую ответственность собираешься взять на себя!

– Джек, но разве я могу поступить иначе! Я не смогла бы жить с мыслью, что мой брат или сестра лишены элементарного комфорта, которого у меня в избытке. Мне известно, как ребенок может страдать от одиночества, и я готова поддержать его материально и морально. Я хочу, чтобы восторжествовала справедливость!

– Вы очень храбрая, здравомыслящая и... очень глупая

женщина, – заключил лорд Серлинг. – Джек прав. Вас необходимо сопроводить на Торни-Айленд, а поскольку вы собираетесь возвращаться домой с ребенком, значит, и обратно. Где вы живете, мисс Дарлингтон?

– В Суррее, милорд. Но я не могу заставлять друзей Джека так долго ждать его возвращения. Ему нужно поскорее вернуться домой.

– Это верно, – отозвался маркиз с мрачной решимостью во взгляде. – И он вернется... после того, как мы отвезем вас на Торни-Айленд и благополучно вернем домой с ребенком.

– Вы хотите сказать, что будете оба меня сопровождать? – изумилась Аманда.

– Джулиан, – нахмурился Джек. – Почему бы тебе не отправиться в Лондон и не рассказать всем, что ты меня нашел?

– Я отправлю весточку с посыльным, – невозмутимо ответил маркиз и поднялся. – Ведь два сопровождающих лучше, чем один, не так ли, мисс Дарлингтон?

Аманда тихо засмеялась и покачала головой:

– Но вы оба как раз те люди, от которых я хотела скрыть цель своей поездки. Было бы лучше, если бы мой брат или сестра получили возможность выйти в свет и при этом никто не узнал о том, что он незаконнорожденный.

– Не думаете ли вы, мисс Дарлингтон, что Джек или я расстрезвоним в свете все те сведения о вашей семье, которые вы пожелаете скрыть? – надменно приподнял бровь маркиз.

Аманда устыдилась своего подозрения и готова была просить у него прощения, но заметила во взгляде маркиза понимание, поэтому просто поблагодарила его и Джека за помощь.

Впрочем, ее благодарность Джеку не имела никакого отношения к ее поездке на остров. Она благодарила его за ту ночь любви, которую он подарил ей, за те воспоминания, которые она сохранит в своем сердце навсегда.

* * *

Джулиан отправил одного из своих слуг верхом в Лондон с письмом к Шарлотте. Остальных он разместил в «Гербе Чарлстонов», приказав ждать его возвращения, а сам отправился на Торни-Айленд с Джеком и Амандой в ее экипаже. Путешествие затянулось из-за проливного дождя и заняло почти целый день, а потому у Джулиана было достаточно времени, чтобы поразмыслить над последними событиями и прийти к некоторым интересным выводам.

Кое в чем он был абсолютно уверен. Во-первых, в том, что Джек прекрасно знает, кто он такой. Джулиан заметил, как в цыганских глазах брата блеснула искра, когда он вошел в гостиницу. Без сомнения, он узнал его и обрадовался его появлению... что объяснимо в ситуации, в которой он оказался. Ведь мисс Дарлингтон едва не сдала его полиции! Интересно, чем она руководствовалась в этот момент? Возможно,

просто хотела защитить себя и ребенка?

Отсюда вытекал второй вывод: Аманда и Джек влюблены друг в друга. При других обстоятельствах это было бы не так уж плохо, потому что, как показал их сегодняшний разговор, мисс Дарлингтон была достойной женщиной из приличной семьи. Кроме того, она заслуживала уважения хотя бы за то, что самоотверженно выхаживала Джека после несчастного случая и, возможно, действительно спасла его от смерти.

Неужели Джек оплатил этой женщине за доброту тем, что ее соблазнил? О том, что это произошло, вовсе не трудно догадаться. Хотя Джек держится подчеркнуто учтиво, а она совсем не кокетничает, они оба окружены тончайшей эротической аурой. И аура эта так сильно действует на окружающих, что никто, попав в зону ее действия, не может остаться равнодушным.

Однако близость, которая, судя по всему, имела место между его братом и мисс Дарлингтон, не отменяет того факта, что Джек помолвлен с Шарлоттой Батсфорд. Мисс Дарлингтон об этом пока ничего не знает и, вероятно, уверена, что Джек вскоре женится на ней. Если, конечно, он действительно ее скомпрометировал...

Интересно, влюблена ли она в него так, как, безусловно, он влюблен в нее? На первый взгляд Джек не был похож на влюбленного, но Джулиан хорошо знал, какие чувства скрываются за его непроницаемой маской. Но разве возможно, чтобы за пять дней между двумя людьми возникло столь се-

рзезное чувство?

Джулиан вздохнул. Пусть Джек сам разбирается в том, что возможно, а что нет, – но почему он выбрал такой неподходящий момент для того, чтобы влюбиться? Ведь он помолвлен, а значит, его поведение вряд ли можно назвать порядочным.

Так когда же к Джеку вернулась память? И терял ли он ее вообще? Может быть, он просто притворился, чтобы соблазнить Аманду... и чтобы избежать свадьбы с Шарлоттой?

Несмотря на то что обе версии имели право на существование, Джулиан не хотел верить в то, что Джек способен на подлость. Скорее всего он действительно потерял память на какое-то время вследствие травмы головы. А поскольку ему захотелось подольше побыть рядом с женщиной, которая за ним ухаживала, он скрыл от нее тот факт, что излечился от амнезии. Джек наверняка не будет возражать против того, чтобы вернуться в Лондон и жениться на Шарлотте, но какую цену придется за это заплатить ему самому и мисс Дарлингтон? Да и Шарлотте тоже?

Джулиан знал, что Джек никогда не был влюблен в свою невесту. Впрочем, он вообще никогда ни в кого не был влюблен. Хорошо уже то, что их связывали дружеские отношения, а ожидать от Джека большего было бы, пожалуй, наивно. Но Шарлотта обладала массой достоинств и не заслуживает такого унижения – стать женой человека, влюбленного в другую женщину.

Джулиан мрачно размышлял о том, что лучше бы уж он сам женился на ней. Правда, он тоже никогда никого не любил. Единственная страсть, которой он был подвержен, это наслаждение физической близостью с самыми изысканными гетерами Лондона.

Он вспомнил Паулину и поморщился. В последнее время мысли о любовнице не доставляли ему удовольствия. Он снял для нее дом на целый год, но уже через полгода смертельно устал от нее. Она оказалась слишком искусственной, слишком изощренной. А ему так хотелось чего-то естественного, чистого.

А вот в мисс Дарлингтон безусловно присутствует эта природная чистота и невинность, что, вероятно, и привлекло в ней Джека.

Ему хотелось откровенно поговорить обо всем с братом и узнать, что он думает по этому поводу, но Джек был очень осторожен и никогда не оставался с Джулианом наедине. И хотя терпение Джулиана было не бесконечно, он решил не торопить Джека и подождать, пока тот сам не захочет начать разговор.

Глава 14

Далеко за полдень они достигли поворота на Торни-Айленд, который оказался небольшим клочком земли в форме кошель, расположенным недалеко от берега в огромной бухте. Его северная часть, поросшая лесом, загораживала остров от любопытных взглядов живущих на материке людей.

В Принстедде, маленькой деревушке, приютившейся у подножия холма, они обратились к хозяину таверны, чтобы навести справки. Этот остров, сказал хозяин, принадлежит частному лицу, которого никто никогда не видел. В единственной постройке на острове – Торнфилд-Коттедже – проживает пожилая дама по фамилии Гримшо.

Аманде все это было уже известно, но она надеялась услышать хоть что-нибудь о ребенке. Однако местный житель никогда не слышал о том, чтобы кто-то разделял одиночество почтенной дамы.

– Она ведь наверняка периодически появляется в деревне, чтобы пополнить запасы съестного, – предположил Джек.

– Именно так, – согласился хозяин. – Раз в несколько недель она приезжает сюда на своей раздолбанной колымаге и закупает продукты. Хотя я давненько уже ее не видел. Значит, вы едете к ней в коттедж? – спросил он.

– Да. А что вас удивляет? – пожал плечами Джек.

– А миссис Гримшо знает о вашем прибытии? – не ответив

на его вопрос, спросил местный житель.

– Нет.

– Тогда будьте осторожны, – посоветовал он. – Обычно тех, кто пробирается на остров тайком, не обращая внимания на предупреждения о частной собственности, обстреливают.

Аманда охнула от изумления, и хозяин таверны поспешил ее утешить:

– Не волнуйтесь, мисс, они еще никого не подстрелили. Но миссис Гримшо не любит незваных гостей. И еще остерегайтесь собак. Они у нее сущие звери. – Он нервно усмехнулся. – В округе поговаривают, что эта Гримшо – ведьма.

Советы местного жителя и его откровения привели к тому, что Аманда пришла в ужас, представив, в каких жутких условиях рос несчастный ребенок. Заключение на пустынном острове с ведьмой в качестве опекуныши! О чем только думал ее отец!

Джек предупредил Тео, Харли и Джо о возможном обстреле и велел им быть начеку, но слуг такая перспектива не обрадовала. Господа снова заняли свои места в экипаже и упросили паромщика переправить их на остров. Оказавшись на берегу, они повесили на козлы фонарь и медленно двинулись вперед по узкой лесной дороге.

Несмотря на то что выражение лица лорда Серлинга было невозмутимо-непроницаемым, Аманде казалось, что он сожалеет о том, что вообще ввязался в эту историю. Она не со-

мневалась, что он согласился на это только ради брата, чтобы иметь возможность присматривать за ним. Хотя при встрече они не бросились в объятия друг друга, Аманда видела, что их связывают теплые родственные отношения и что маркиз искренне любит Джека.

Но разве можно его не любить? Аманда покосилась на красивый профиль Джека и улыбнулась. Она не предполагала, что их знакомство окажется столь продолжительным, но тем тяжелее будет расставание, когда им придется распрощаться навсегда. И все же это очень мило, что он позаботился о ней и оказал моральную поддержку в столь трудных обстоятельствах.

Она радовалась, что у Джека нашлись семья, друзья и родственники, которые помогут ему восстановить в памяти прошлую жизнь. И хотя она все это время надеялась, что Джек не женат, ей тем не менее казалось странным, что такого привлекательного мужчину до сих пор никто не связал узами брака. Впрочем, он был не из тех, кому не терпится жениться, а потому Аманда не питала напрасных надежд на обладание им даже теперь, когда выяснилось, что он свободен.

Прошла целая вечность, прежде чем лес расступился и экипаж выехал на открытое место. В них никто не стрелял, но нервы у всех были натянуты до предела. Трудно сохранять спокойствие, когда знаешь, что в любой момент мимо твоего виска может просвистеть пуля! Тео осадил лошадей, и экипаж остановился.

– Как здесь прекрасно! – воскликнула Аманда, выходя из кареты и оглядываясь по сторонам. – А где коттедж? – Она представила себе, как живописно должен был смотреться в таком месте маленький, аккуратный домик с увитой розами оградой вокруг него.

Она заметила, как Джулиан тронул Джека за локоть, обратив его внимание на что-то в глубине острова. Она проследила за его взглядом и увидела, что суша в той стороне полого поднимается, образуя невысокий холм, который, как ни странно, не был покрыт лесом. На вершине холма стояла ветхая лачуга с посеревшими от времени стенами и залатанной крышей.

Аманда зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть от ужаса. Господи, не может быть, чтобы ее брат или сестра жили в подобном месте! Но хуже всего то, что этот дом, похоже, был необитаем.

Неужели страшная миссис Гримшо выгнала ребенка из дома, бросив на произвол судьбы? Ни отблеска свечи в окне, ни дыма над покосившейся трубой. Ничего, что свидетельствовало бы о том, что в доме кто-то живет.

– Не отчаивайся, дорогая, – услышала она сочувственный голос Джека. Он обнял ее за талию и прижал к себе. – Мы поднимемся на холм и осмотрим дом. Если никого нет, то, может быть, мы найдем хоть что-то, что поможет нам узнать, куда все подевались. Возможно, они ушли за едой. Возможно, они где-нибудь на острове.

Но где? Уже почти стемнело; ребенка давно следовало накормить ужином и уложить в теплую постель. А если над трубой не видно дыма, то как ему могли приготовить горячий ужин? Она готова была поклясться чем угодно, что в этом доме нет никакой теплой постели.

Лорд Серлинг взял фонарь и зашагал вверх по тропинке к дому, Джек и Аманда последовали за ним. Тео взял с собой Джо и отправился обследовать побережье, оставив Харли с лошадьми.

– Я опоздала, Джек. – Аманда не могла сдержать слез. – Ребенка здесь нет. – Он сжал ее руку, но она уже чуть не плакала навзрыд. Одному Богу известно, что могло случиться с ребенком, если миссис Гримшо отказалась от исполнения своих обязанностей: он мог погибнуть, его могли продать в рабство. Или заставить работать помощником трубочиста.

Живое воображение Аманды рисовало самые ужасные картины, пока они поднимались на холм. Но не успели они подойти к ступеням крыльца, как Аманда услышала грозное рычание и увидела в свете фонаря оскаленную собачью пасть. Черный лохматый пес преграждал им путь.

Затем такое же рычание раздалось сзади. Аманда украдкой оглянулась и увидела второго пса, изготовившегося к прыжку.

– Не шевелись, братишка, а то они перегрызут нам горло, – шепнул лорд Серлинг.

– Надо что-то придумать, чтобы их отвлечь, – так же тихо

ответил Джек.

– Что... нам теперь делать? – дрожа всем телом, прошептала Аманда.

– Почему твоего Тео никогда нет рядом, когда он нужен? Он всегда торчит поблизости, когда это никому не надо, а когда нам угрожает опасность, он гуляет по пляжу и собирает морские раковины!

– А что бы ты сделал, если бы это были французы? – ухмыльнулся лорд Серлинг. – Ты ведь солдат.

– Когда я был солдатом, в моем распоряжении были сабля и пистолеты! Я никогда не подпустил бы французов к себе так близко, чтобы они могли меня покусать!

– Там на земле лежит здоровенная палка. Может быть, мне удастся дотянуться до нее и отогнать собак, – произнес лорд Серлинг.

– Давай лучше я попробую дотянуться. Я более ловкий, – предложил Джек.

– Зато я точнее попадаю в цель.

Псы подступали все ближе, Аманда видела, как они кроважно облизываются, подбирая слюну в уголках рта.

– Пожалуйста, не делайте этого! – взмолилась она. – Они только и ждут сигнала, чтобы броситься на нас!

И вдруг со стороны экипажа раздалось мяуканье. Они осторожно оглянулись и увидели, что Харли влез внутрь кареты и, высунув голову в окно, громко и пронзительно мяукает, чтобы отвлечь собак от Аманды и ее спутников.

Собаки замерли в нерешительности, затем прижали уши и недоверчиво посмотрели на экипаж. Харли начал размахивать руками, свесившись из окна, и продолжал кричать во всю мочь отвратительным визгливым голосом.

Это оказалось слишком сильным искушением для собак. Они не могли больше выносить такое безобразие и сломя голову понеслись к карете.

– Харли! – в ужасе крикнула Аманда.

– Не бойся за него, – успокоил ее Джек. – Он достаточно ловок, чтобы успеть спрятаться внутри. А вот сам экипаж придется перекрашивать.

Аманда вскоре убедилась в том, что он прав. Харли шмыгнул внутрь, а собаки с ожесточенным лаем стали бросаться на дверцы экипажа, царапая лак когтями.

– Тео придет в ярость, – тихо проговорила Аманда.

– Ему стоит подумать о вещах более важных, чем поцарапанный лак, – холодно проговорил лорд Серлинг. – Если собаки увидят его и Джо, они переключат свое внимание на них. Джек, вон стоит какая-то будка. Мы можем заманить собак туда и забаррикадировать дверь. Давай поищем в доме что-нибудь съестное, что можно использовать как приманку.

Не дожидаясь, пока собакам надоест прыгать вокруг экипажа, они бросились в дом, благо дверь не была заперта. Лорд Серлинг поставил фонарь на стол в кухне и принялся открывать дверцы буфета. Джек раздобыл где-то кусочек черствого хлеба и с сомнением его обнюхал.

– Хлеб несвежий, но, думаю, эти бестии не обратят внимания на плесень.

– Похоже, ничего съедобного в доме больше нет, – протянул лорд Серлинг.

– Если только это можно назвать съедобным, – поморщился Джек.

– Придется обойтись тем, что есть. Пошли, Джек.

– А ты останься здесь, Аманда. – Джек удержал ее за руку. – Мы вернемся очень быстро, только разберемся с этими волкодавами.

Аманда послушно вернулась в дом и подошла к окну. Собаки бросились к холму, когда лорд Серлинг и Джек вышли из дома. Она молила Бога, чтобы их план удался. Собачьи глаза превратились в искрящиеся щелки, когда они увидели еду. Лорд Серлинг подпустил собак поближе к двери будки, бросил хлеб внутрь и ловко отскочил в сторону.

Псы жадно бросились за едой. Как только они оказались внутри, Джек захлопнул дверь и закрыл ее на щеколду. Лорд Серлинг тем временем обнаружил запасную дверцу, которую они завалили копнами сена.

Аманда с облегчением вздохнула. По крайней мере о собаках теперь можно не думать. Они были явно выучены сторожить хозяйское добро, но сильно оголодали, потому и вели себя так агрессивно.

Оголодали! Неужели такая же участь постигла и маленького ребенка, который так долго был лишен материальной

поддержки ее отца?

Аманда отвернулась от окна и оглядела дом, в котором жил ее брат или сестра.

Жалкая мебель, выцветшие занавески, голые полы, пустые ящики комода – все говорило о крайней бедности. Аманда не представляла себе, как ребенок мог расти в такой безрадостной обстановке. Она думала, что денег, которые посылал отец, хватало на скромную, но вполне благопристойную жизнь. Она начала сомневаться в честности и порядочности миссис Гримшо.

На глаза ее навернулись слезы, когда она прошла из кухни в маленькую комнату, вероятно, гостиную. Она провела рукой по крышке сундука, с которого несколько месяцев никто не стирал пыль. Пальцы у нее тут же стали грязными, но не настолько, как если бы пыль собиралась на поверхности действительно так долго. Да и паутины по углам должно было быть больше.

Аманда внимательно осмотрела камин. Дров в нем не было, и угли давно остыли, но похоже, что камин не топили всего несколько часов. Надежда затеплилась в ее сердце.

Она подбежала к двери в комнату и, распахнув ее, оказалась в спальне, где стояла кровать со стеганым разноцветным одеялом, наброшенным на простыни и маленькую подушку. На этой кровати спали совсем недавно!

Аманда бросилась назад и столкнулась с Джеком и лордом Серлингом, которые только что вернулись в дом.

– Джек! Они не бросили дом! В камине свежие угли, а на кровати спали совсем недавно. Здесь кто-то живет!

– Это звучит утешительно, моя дорогая. Но если это так, то что едят эти люди? Во всем доме нет ни крошки! И где находится старая кляча и колымага, о которых нам рассказывал хозяин гостиницы?

– Может быть, миссис Гримшо уехала в город за провизией? – неуверенно предположила Аманда.

– Мы бы с ней не разминулись, – уверенно заявил лорд Серлинг. – Хозяин утверждал, что сюда ведет только одна дорога. И потом, где же ребенок?

– Я не знаю, Джек. – Аманда не могла сдержать слез. – Но я не могу уехать отсюда, ничего не узнав о нем. Я хочу остаться здесь на какое-то время, хотя бы на одну ночь. Вдруг кто-нибудь объявится.

Джек нахмурился и брезгливо огляделся, но Аманда умоляюще сжала его руку:

– Прошу тебя, пожалуйста, ты же понимаешь, да? На моем месте ты бы тоже захотел остаться.

Джек взглянул в ее полные отчаяния глаза и смягчился:

– Здесь ведь совсем нет еды. Нам придется послать Тео в деревню за продуктами.

– Я поеду с ним, – решил лорд Серлинг. – Заодно попробую что-нибудь разузнать. Наверняка в деревне отыщутся люди, которые знают о миссис Гримшо больше, чем хозяин таверны.

– Вы так добры, – улыбнулась сквозь слезы Аманда. – Не знаю, что бы я делала без вас и без Джека. Скорее всего эти ужасные собаки разорвали бы меня на кусочки и сожрали на обед.

– Кстати, об обеде... – вмешался лорд Серлинг. – Я, пожалуй, потороплюсь. Не думаю, что Тео с радостью отправится в обратный путь по такой ужасной дороге, но мысль о предстоящем обеде его подогреет. Надеюсь, ты позаботишься здесь обо всем в мое отсутствие, братишка. – Он улыбнулся Джеку и вышел за дверь.

Аманда впервые с того момента, как оставила Джека в его спальне ночью, оказалась с ним наедине.

Она подошла к окну и сделала вид, что провожает лорда Серлинга. Солнце уже скрылось за горизонтом, и высокая фигура маркиза, разговаривающего с Тео, была едва различима в темноте. Аманда чувствовала, что Джек, стоя за ее спиной, пристально смотрит на нее. Она слышала его шаги, к тому же оконное стекло превратилось в зеркало из-за сгустившихся сумерек, и в нем она видела его отражение. Экипаж давно скрылся из виду, но она не заметила, когда он отъехал, потому что вглядывалась в отражение Джека. Он подошел и положил ей руки на плечи. Его прикосновение было успокаивающим и нежным. Сердце Аманды забилося в груди.

Его подбородок уткнулся ей в шею, и она, ощутив его горячее дыхание на своей щеке, глубоко вздохнула и откину-

лась затылком на его широкую грудь.

– Аманда, дорогая, – прошептал он. – У тебя был тяжелый день. Прижмись ко мне.

Его слова были как бальзам на ее истерзанную душу, его сила действовала на нее благотворно, и она почувствовала, как все ее страхи куда-то исчезли, как если бы она оказалась в объятиях ангела-хранителя...

И вдруг она вспомнила, что человек, обнимавший ее, не тот безвестный Джон, которого она спасла от лихорадки, а Джексон Тадеус Монтгомери, виконт Дарем.

Возможно, Джек и не был женат, но у него было прошлое и будущее, своя жизнь в Лондоне, высокое положение в обществе. Его мир – впрочем, как и ее собственным, – сильно отличался от того, какой им удалось создать всего на один день в придорожной гостинице. В реальном мире существовали свои правила, которые ни один из них не смог бы нарушить.

Одно из этих правил гласило, что респектабельная незамужняя дама не может вступить в связь с мужчиной... тем более с таким, который вовсе не собирается жертвовать своей свободой и связывать себя узами брака.

И она поняла, что чем скорее снова вернется в свой мир, тем легче ей будет расстаться с Джеком. Она решительно отстранилась от него.

Джек пристально посмотрел на нее и по строгому выражению ее лица догадался, что она больше не позволит ему

прикоснуться к себе.

– Значит, вот как... – тихо промолвил он.

– Так и должно быть, Джек. С этого момента и впредь, – ответила она.

– Это из-за того, что неожиданно объявился мой брат и вернул мне мое имя, которое ровным счетом ничего не меняет? – горько усмехнулся он.

– Я думала, Джек, что уже сегодня утром ты уйдешь из моей жизни навсегда. Вчера ночью мы украли для себя несколько восхитительных часов, а теперь пришла пора расставаться. Чем дольше мы будем играть в эту... фантастическую игру, тем труднее будет смириться с тем, что волшебная сказка кончилась.

– То, что было между нами, не сказка и не фантазия, Аманда. Наши чувства были искренними. Во всяком случае, за себя я могу ручаться.

– Я тебе верю. – Аманда изобразила умудренную жизненным опытом улыбку. – Я верю, что в какой-то степени не безразлична тебе. И в другом ты тоже прав...

– В чем же?

– В том, что наша ночь не похожа на волшебную сказку. Я всем сердцем разделяю твое мнение на этот счет, потому что у волшебных сказок всегда счастливый конец. А у нашей истории конец совсем другой...

Аманде не обязательно было договаривать эту фразу до конца. Джек понял ее с полуслова. Он ведь не давал ей ни-

каких обещаний и сразу заявил, что не сможет предложить ей руку и сердце. Теперь, когда с появлением брата он обрел свое имя, Аманда, возможно, надеется, что он изменит свое мнение и начнет ухаживать за ней всерьез.

Но похоже, у нее сложилось вполне определенное впечатление, что он сам не знает, чего хочет. Конечно, он заботился о ней, желал ее и относился к ней с большим уважением. Он даже готов был подвергнуть свою жизнь опасности ради нее. Но он не был уверен в том, что, если бы Шарлотта каким-нибудь чудом исчезла из его жизни, он захотел бы связать себя обещанием с другой женщиной.

С другой стороны, поскольку она оказалась девственницей, как порядочный человек, он должен был бы предложить ей себя. Ведь он соблазнил ее, и брак был единственным способом достойно выйти из этого положения.

Ситуация была нелегкой, и Джек растерялся. Ему придется жениться на женщине, которую он не любит, и причинить боль той, которую, возможно, смог бы полюбить... если бы судьба распорядилась иначе.

Голос Аманды вывел его из состояния мрачной задумчивости:

– Не нужно ничего говорить, Джек. Я все понимаю. Я ведь и не ждала счастливого конца.

Джеку захотелось объяснить ей, что она все понимает неверно. Он хотел сказать, что предложил бы ей стать его женой, если бы был свободен, но теперь было поздно при-

знаваться в том, что память к нему вернулась. Если он скажет ей об этом, тогда придется признаться и в том, что он вспомнил о своей помолвке задолго до того, как уложил ее в свою постель. Иными словами, он скомпрометировал ее, полностью отдавая себе отчет в том, что никогда не сможет на ней жениться.

Он никогда прежде не оказывался в такой ситуации и знал, что поступил непорядочно, а потому решил не прикасаться больше к Аманде, чтобы хоть как-то загладить свою вину. Лучшее, что он может сделать для нее, это помочь забыть об их случайной связи как можно скорее.

– Ты, наверное, очень устала, Аманда, – произнес он, с трудом сдерживаясь, чтобы не прикоснуться к ней, однако сдержать тревогу в голосе ему так и не удалось. – Почему бы тебе не прилечь и не отдохнуть, пока Джулиан не вернется с едой?

– Пожалуй, я так и сделаю, – ответила она, растирая озябшие руки.

– А я пока разведу огонь и протоплю дом, согласна?

– Да. – Силы вдруг оставили ее. Она направилась к двери спальни и оглянулась с порога: – Ты разбудишь меня, если что-нибудь заметишь или услышишь?

– Конечно, – улыбнулся он.

Она закрыла за собой дверь, а Джек сокрушенно вздохнул, награждая себя мысленно всеми возможными ругательствами. Он вышел во двор и вскоре раздобыл достаточно

дров, чтобы согреть дом всю ночь. Сложив дрова у камина, он лег на изъеденный молью диван и закрыл глаза.

Он не ожидал обнаружить что-нибудь, что могло бы заинтересовать Аманду и вынудить его прервать ее глубокий сон. Впрочем, скорее всего она не спала, а ворочалась беспокойно на соломенном тюфяке, надеясь, что по какому-нибудь счастливому стечению обстоятельств миссис Гримшо и ее воспитанник вернутся домой. Джек опасался, что Аманда так никогда и не выяснит ничего о своем маленьком братике или сестренке и мысль об ужасной судьбе, постигшей ребенка, лишит ее покоя навсегда.

Он прислушался к стуку первых дождевых капель по крыше и закрыл глаза, надеясь, что крыша не протечет над диваном, где он так удобно расположился.

Джек проснулся оттого, что на лоб ему текла ледяная вода... а на горло давила холодная сталь.

Он открыл глаза и увидел перед собой грязное лицо молодого человека в потрепанном плаще, а рядом с ним – две оскаленные собачьи пасти. В руках у него было ружье, ствол которого упирался Джеку в кадык.

– Кто вы такой, черт побери? И что вам понадобилось в моем доме? – гневно спросил юноша.

Глава 15

Джек видел перед собой глаза, поразительно похожие на глаза Аманды – они были такой же миндалевидной формы, с густыми ресницами, насыщенного голубого цвета. Черты лица были более тонкими, и волосы, ниспадавшие на лоб влажными прядями, оказались скорее золотистыми, как новенькая гинья, а не такими светлыми, как у Аманды, но у Джека не оставалось сомнений в том, что он видит перед собой ее брата, таинственного обитателя Торни-Айленда, которого она с таким упорством разыскивала.

Судя по его худощавой фигуре, узким плечам и выражению лица, Джек решил, что ему не более двадцати лет.

– Вы меня слышите, мистер? – Парень ткнул Джека в горло ружьем. – Кто вы, черт возьми? Отвечайте, или я вас пристрелю!

– Хорошо, хорошо, – поспешил отозваться Джек. Для пущей убедительности он поднял руки вверх. – Не нужно тыкать в меня ружьем. Я готов назвать свое имя, и мне будет легче сделать это, если вы перестанете давить мне на горло.

– Ладно, выкладывайте, но только правду. – Парень немного отодвинул ружье и усмехнулся. – Теперь вам на горло ничего не давит. Если не считать вашего накрахмаленного галстука.

– Меня зовут Джексон Монтгомери. А вы...

– Какая разница, кто я? Это вы проникли в мой дом, а не я в ваш. Что вы здесь делаете?

Джек скрестил на груди руки и принял напыщенный вид. Юноша следил за каждым его движением, не спуская пальца с курка. Он не был похож на убийцу, но испытывать судьбу Джеку не хотелось. Любой неосторожный жест, любая мелочь может стать поводом для того, чтобы события приняли трагический оборот.

К тому же собаки, похоже, готовы были в любую минуту броситься на непрошеного гостя и разорвать его на куски. Поразмыслив немного, Джек решил рассказать правду:

– Я здесь потому, что сопровождаю молодую женщину, которая разыскивает свою сестру... или брата.

– Какую еще женщину? – Парень сурово сдвинул брови и с опаской огляделся: – Я не вижу здесь никакой женщины.

– Она спит на вашей кровати. Если, конечно, не провалилась в дыру на матрасе.

Джек увидел, как грудь мальчика стала тяжело вздыматься. Он переводил испуганный взгляд с Джека на дверь спальни и обратно. В его душе боролись любопытство, страх и ярость.

– Она не имеет права спать на моей кровати, как и вы не имеете права вламываться в мой дом и запираить моих собак в сарае!

– Они повели себя слишком недружелюбно, – с улыбкой объяснил Джек. – Впрочем, вы сами подаете им плохой при-

мер. Вы должны быть благодарны...

– Благодарен?! – возмутился юноша. – За что же это? Я в жизни никому и ни за что не был благодарен!

Джек охотно ему поверил.

– Это скоро изменится, мой мальчик, – ласково отозвался он. – Ваша сестра приехала за вами, чтобы забрать вас с собой.

Изумление, отразившееся на лице парнишки, было почти карикатурным: челюсть у него отвисла, а глаза чуть не вылезли из орбит. Когда он не хмурился и не усмехался злобно, его лицо вполне можно было назвать привлекательным. Даже красивым. Придя в чувство, он с трудом выдавил из себя:

– Я не знаю, что вы здесь плетете, мистер, но я не идиот. У меня нет никакой сестры. У меня на всем свете никогда никого не было, кроме старой ведьмы-попечительницы по фамилии...

– Grimsho, – закончил вместо него Джек.

– Откуда вы знаете? Выведали у кого-нибудь в деревне?

– Я с радостью вам все объясню, юноша, но мне не хотелось бы вести этот долгий разговор в столь неудобном положении. Можно мне сесть?

– Нет, – снова насупился парень. – Оставайтесь как есть. Вы мне лжете! Я не знаю, зачем вы ко мне пожаловали. Красть у меня нечего, но...

– Я уже сказал вам, зачем я здесь. Я привез вашу сестру...

– Нет! – упрямо покачал головой юноша. – Я незаконно-

рожденный. Гримшо говорила, что у меня нет семьи, нет ни единого человека, которого интересует, жив я или нет. А теперь, когда Гримшо больше нет... впрочем, горевать о ней я не стану. Она только и знала, что ныть и напиваться в стельку.

Так вот куда уходили те деньги, что посылал отец на его содержание! Похоже, ситуация была еще хуже, чем предполагала Аманда. Джек заметил, как на глаза мальчика навернулись слезы. Он уже с трудом владел собой. Живя в полном одиночестве, юноша разучился общаться с людьми, да еще в таких сложных в эмоциональном отношении ситуациях.

Джек невольно покосился на его палец, лежащий на спусковом крючке, который в любой момент мог дрогнуть.

– Если у меня есть сестра, то где она была все эти годы? – спросил юноша.

– Я не знала о вашем существовании, – раздался вдруг голос Аманды.

Юноша обернулся к ней так резко, что Джек испугался, не выстрелит ли он со страху. От выстрела с такого близкого расстояния в груди у Аманды будет дыра размером с кулак! Джек резко выпрямился на кровати и напрягся, готовый в любой момент прыгнуть вперед, чтобы заслонить собой Аманду.

Она попятилась от ружья, и юноша также отступил на несколько шагов, вертя ружьем из стороны в сторону, чтобы одновременно держать на мушке Аманду и Джека.

– Не люблю, когда на меня набрасываются сзади, – процедил он. Голос его дрожал, и ему очень хотелось ей верить.

– Я не хотела вас пугать, – тихо сказала Аманда.

– Кто вы и что вам надо? – повторил он свой вопрос.

– Джек сказал вам правду. Я ваша сестра, – произнесла она ласково. – Я приехала, чтобы забрать вас домой.

– Вы лжете. – Он недоверчиво покачал головой и как-то странно улыбнулся.

– Нет. Вы должны мне верить! Мои родители умерли полгода назад, и отец – у нас с вами один отец – оставил письмо, в котором говорилось о том, что на Торни-Айленде у него есть ребенок.

– Полгода назад? – подозрительно прищурился он.

– Письмо было отправлено по неверному адресу, и я получила его только в четверг, – поспешно объяснила Аманда. – Сразу же, как только письмо оказалось у меня в руках, я решила разыскать вас и вернуть в тот дом, к которому вы принадлежите по праву.

Мальчик оглядел ее с ног до головы, затем с усмешкой покосился на свои лохмотья:

– Мы с вами принадлежим к разным домам. Вы – богатая леди, а я бастард без роду, без племени, которого сослали в глушь с глаз долой.

Аманда сделала шаг вперед и умоляюще сложила руки на груди. Джек приготовился к прыжку, заметив, что мальчик крепче стиснул в руках ружье.

– Вы не виноваты в том, что рождены вне брака, и не должны страдать из-за этого. – Аманда покусала губу и продолжила сдавленным голосом: – Вы ведь и так уже много страдали. Я хочу дать вам дом и семью. И еще образование. – Она кивнула в сторону спальни. – Я видела там книги, они подписаны. Вас зовут Сэм? Это прекрасно, что вы умеете читать. У меня в Суррее великолепная библиотека, надеюсь, она вам понравится.

Джеку показалось, что снова глаза у юноши на мгновение радостно блеснули, но тут же в них отразилась мрачная тоска.

– Я рад за вас, мисс, если у вас есть такая библиотека. Только мне нет никакого дела ни до нее, ни до вас.

– Я могу нанять вам домашнего учителя, – продолжала Аманда увлеченно. – Вы сможете учиться чему пожелаете, а потом сами выберете либо военную службу, либо какой-нибудь другой род занятий. Я помогу вам во всем. Разве вы не видите, что я говорю искренне?

– Все это сплошные уловки, – горько покачал головой мальчик. – Или жалость. Я не хочу ни того, ни другого. Я не верю в то, что вы моя сестра.

– Посмотрите на меня внимательно, – умоляюще произнесла Аманда. – Как вы можете так говорить? Если не считать того, что вы мужчина, а я женщина, мы похожи как две капли воды. Сомнений быть не может, Сэм. Вы мой брат.

Он молча смотрел на Аманду. Сходство наверняка броси-

лось ему в глаза, как только она вошла в комнату, но теперь он, казалось, готов был осознать его. Действительно, отрицать, что они похожи, было бы просто нелепо.

Почувствовав, что мальчик расслабился, Аманда ринулась в бой:

– Наш отец был неплохим человеком. По правде говоря, он был очень хорошим человеком и пользовался всеобщим уважением. Но он совершил ужасную ошибку... которую я никогда не смогу ему простить.

– То, что он родил внебрачного ребенка и тем самым навлек на вас позор, да? – Мальчик гордо выпрямился и вскинул подбородок.

– Нет, не это. Я не могу ему простить того, что он оставил вас, Сэм. Но теперь вы можете вернуться домой. – Аманда протянула ему руку и ласково улыбнулась. В ее глазах блеснули слезы. – Вы хотите иметь свой дом, Сэм?

Трудно было представить, что кто-то мог остаться равнодушным к искренним словам Аманды. Но замкнутая жизнь и жестокое воспитание сделали Сэма недоверчивым и глухим к зову сердца. И теперь, когда на сером, унылом небосклоне его жизни мелькнула радуга, он не желал даже мысли допустить, что она может сверкать для него. Он слишком долго жил один на этом свете и не мог поверить, что Аманда искренне готова предложить ему то, о чем он всегда втайне мечтал. Семью. Надежду на будущее. Любовь и защиту.

В какой-то миг Джек вдруг увидел в этом испуганном, за-

битом мальчишке самого себя. Разве он сам не боится того же? Разве он не мечтает о семье, о счастливом будущем... о любви и надежности? Но он, как и Сэм, не верит в то, что кто-нибудь способен предложить ему любовь безвозмездно... без всяких условий.

Джек почему-то всегда считал, что женщин интересует не он сам, а его состояние и титул. Другое дело, Аманда. Рядом с ней он оказался тогда, когда не имел не только титула и денег, но даже собственного имени.

Но ведь она сама захотела провести с ним ночь, разве не так?

Вдруг снаружи донесся скрип подъезжающего экипажа и топот копыт. Джулиан вернулся.

Сэм тоже услышал это и – запаниковал. Его глаза засверкали, а палец на курке дрогнул.

Джек успел. Он ударил по дулу ружья в тот момент, когда раздался выстрел. Горячий ствол завибрировал у него в руке, а пуля просвистела в нескольких дюймах от головы Аманды. Джек повалился на пол, отброшенный ударной волной, его раненое колено пронзила острая боль.

Не успел он пошевелиться, как на него прыгнули обе собаки. Одна из них рвала воротник его сюртука, стараясь добраться до шеи сзади, а вторая норовила вцепиться в ногу.

– Зевс! Нептун! Назад!

Собаки продемонстрировали чудеса послушания. Джек приподнялся на локтях и перевернулся на бок. Аманда бро-

силась к нему и, схватив в руки стул, приготовилась защищать его от новой атаки, если таковая последует. Но необходимости в этом не было. Собаки уселись у ног хозяина, который в ужасе взирал на то, чему сам стал невольным виновником.

– Я не хотел стрелять! – закричал он. – Честное слово, не хотел! Я нечаянно нажал на курок, когда услышал, что кто-то подъехал...

– Я знаю, что вы говорите правду, – ответила Аманда, отбросив в сторону ставший ненужным стул. – Я очень благодарна вам за то, что вы отозвали собак.

– Да... спасибо, Сэм, – тяжело дыша, прохрипел Джек.

Этого Сэм вынести уже не смог: он едва не убил человека, а его еще и благодарят! Его глаза наполнились слезами, и он выскочил из дома в темноту. Собаки устремились за ним.

– О, нет! – застонала Аманда. – Догони его, Джек. Если он сбежит, я никогда его больше не увижу.

Джек поднялся и, несмотря на головокружение и острую боль в ноге, бросился за беглецом. В дверях он столкнулся с Джулианом.

– В чем дело? – Джулиан схватил брата за плечи, помогая ему удержаться на ногах. – Я слышал выстрел. Кто-нибудь ранен?

– Нет, все в порядке, – рванулся из его рук Джек. – Сейчас некогда объяснять. Брат Аманды, Сэм, он...

– Он побежал туда, Джек. – Маркиз указал направление. –

И по пути потерял шляпу. Когда он заметил меня, то обежал вокруг дома и двинулся на север. Беги, братишка, а я за тобой.

Джек уловил иронию в голосе брата, который, как всегда, лучше всех знал, в какую сторону следует бежать. Однако Джек был подвижнее и бегал быстрее, несмотря на больное колено.

* * *

Сэм мчался как ветер, но на вершине холма остановился, чтобы посмотреть, где находится Джек. Тот бежал по его следам, и Сэм припустил с новой силой – так спасается бегством завидный жених от стайки дебютанток на балу. Собаки радовались этому стремительному бегу, поднимали морды к небу и в восторге лаяли на луну.

Добравшись до вершины, Джек увидел, что они находятся на узком плато, одна сторона которого представляла собой отвесную стену, уходящую в глубокую пропасть. Где-то внизу бились о скалы волны. Местность здесь была унылая, почва глинистая, утыканная скалистыми обломками, которые тускло светились под луной. Иными словами, пробираться между ними, не зная дороги, и не упускать из виду Сэма, который искусно лавировал в этом лабиринте, было почти невозможно.

Джек несколько раз поскользнулся и падал на раненое

колени, сквозь стиснутые зубы посылая вслед Сэму проклятия. И все же ему удавалось не потерять его в темноте и даже почти догнать. Сэм, который все чаще останавливался, чтобы оценить расстояние до своего преследователя, похоже, начал уставать. Джека не удивило, так как юноша был истощен и слаб. Странно, что погоня вообще длилась так долго!

Однако никто из них и представить не мог, чем эта погоня закончится. Когда их разделяло уже не более десяти футов, Сэм в очередной раз оглянулся через плечо и вдруг поскользнулся и упал. Проехав немного по мокрой глине, он едва не сорвался в пропасть, в последний момент уцепившись за обломок скалы. Судьба оказалась благосклонна к нему, иначе бы он навсегда ушел из жизни своей только что обретенной сестры.

Джек тут же плюхнулся в грязь и пополз к нему, цепляясь руками за пучки травы и камни. С трудом дотянувшись до Сэма, он схватил его за запястье. Тот мгновенно выпустил из рук суковатую ветку, за которую держался, и ухватился за руку Джека.

– Держись, Сэм! – Джек тащил его вверх из последних сил. Однако оказалось, что спасти его не так-то просто. Сила тяжести сыграла с ними злую шутку. Хотя Сэм весил меньше Джека, но он висел над обрывом, а Джеку не за что было ухватиться, и он заскользил по глине вниз. Еще немного, и, если не произойдет чуда, они оба сорвутся со скалы, и их

тела вынесет на берег прибоем.

С тех пор как он вышел за дверь «Пятнистого пса», ему много раз приходила в голову мысль, что в жизни существует масса способов избежать брака. Но смерть была бы, пожалуй, слишком болезненным и, уж конечно, непоправимым выходом из этой ситуации.

Джек сползал все ближе к обрыву, размышляя о том, что он, похоже, никогда больше не увидит Аманду – и эта мысль испортила ему настроение. К тому же безвременная кончина приведет его в места с более жарким и сухим климатом, нежели тот, к которому он привык в цветущей и холодной Англии, а ее ждет путь на север, к жемчужным вратам, где она попадет в объятия святого Петра. Черт побери, почему он не вел добродетельную жизнь!

И тут случилось чудо. Оно имело вполне конкретное, земное проявление в виде элегантного и исполненного собственного достоинства Джулиана Фицуильяма Монтгомери, маркиза Серлинга, который ухватился за облепленные глиной башмаки Джека и стал тянуть его и Сэма наверх, подальше от смертельной опасности.

Дело это было медленным, трудным и грязным. Однако вскоре Джулиан оказался сидящим в какой-то луже вместе с Джеком и Сэмом, которые навалились на него всей тяжестью своих тел. Именно в этом интересном положении, когда все трое отдувались и осмысливали тот факт, что сегодня никто из них, пожалуй, не окончит свой земной путь, Джек сделал

удивительное открытие.

Сэм упирался головой ему в плечо, и сквозь одежду Джек слышал бешеный стук его сердца и явственно ощущал прикосновение... женской груди.

Ошибки быть не могло. К его твердому торсу прижимались два нежных маленьких холмика. Да и тело под лохмотьями имело женские очертания.

Сэм оказался девушкой!

У Аманды была сестра, а не брат.

Джек покачал головой и усмехнулся. Господи, могла ли Аманда предполагать, что ей на голову когда-нибудь свалится такая девчонка-сорванец!

* * *

Аманда металась по комнате, ломая-руки от нетерпения и беспокойства, совсем как тетя Прис. Она страдала от вынужденного бездействия, пока Джек ловил Сэма холодной, промозглой ночью. Впрочем, в своих длинных юбках она вряд ли могла помочь ему в погоне. Еще свалилась бы да сломала себе шею, тем самым добавив ему проблем.

Лорд Серлинг взял на себя труд помочь брату. Аманда не представляла, что стала бы делать без этих двух мужественных представителей семьи Монтгомери, на защиту и поддержку которых теперь рассчитывала и на обратном пути домой.

Тео, Харли и Джо вместе с ней сидели в хижине и с нетерпением ожидали результатов погони. Ожидание это с каждой минутой становилось все невыносимее.

Аманда пыталась осмыслить тот факт, что у нее теперь есть семнадцатилетний брат. Предполагалось, что ребенку должно быть года три, но выходит, она просчиталась, и теперь ей следовало спешно корректировать планы на будущее.

Возместить ущерб, нанесенный за семнадцать лет жизни, гораздо труднее, чем за три года. Сэм был почти взрослым мужчиной, и несмотря на то что грамоте его обучили – по крайней мере он умел читать и мог написать свое имя, – его манеры и речь были грубыми и вульгарными. Его предстояло научить держаться, как подобает благородному человеку. Аманда благодарила Бога за то, что Сэм хотя бы был мальчиком – перевоспитать девочку куда сложнее.

Наконец послышался лай собак. Аманда надеялась, что это означает удачное завершение поисков Сэма. Она подбежала к двери и распахнула ее. По ступеням поднимались трое. Джек и его брат поддерживали под руки Сэма. Аманда впустила их, закрыв дверь перед самым носом у собак.

– Сэм не ранен? – спросила она, спеша за ними.

– Нет, всего лишь очень устал, – ответил Джек. – Как и все мы, – добавил он после паузы.

– Требуется всего лишь горячая ванна и чистая постель, – произнес лорд Серлинг, кивая в сторону Джека, который уса-

живал в кресло Сэма, похожего сейчас на тряпичную куклу. Джулиан оглядел себя с головы до ног и обратился к Тео: – Господи, никогда в жизни я не был таким грязным! Прости, Тео, дружище, но тебе придется отправиться в Принстон, чтобы заказать нам номера на постоялом дворе. Остаться здесь дольше незачем, а там каждый получит горячую ванну и чистую постель. Тебе повезло, Джек, что я захватил с собой кое-что из твоей одежды, так что можешь переодеться. А то, что сейчас на тебе, годится лишь для помойки.

– Ты всегда все предугадываешь, брат, – отозвался Джек с благодарной улыбкой.

– Стараюсь, – ответил Джулиан и повернулся к Аманде: – Я думаю, Сэму следует принять ванну до нашего отъезда. Это лучший способ вернуть ему силы, к тому же он, очевидно, недели две уже не мылся. Его одежду надо сжечь. А пока Тео приготовит ужин, чтобы мы могли накормить этого оборвыша после того, как он счистит с себя грязь.

– Эй, кто это здесь называет меня оборвышем? – возмутился Сэм. До сих пор он молча ворочался в кресле, протягивая к огню тонкие руки. Теперь он резко повернулся к Джулиану и вперил в него яростный взгляд.

– Я называю, – спокойно отозвался Джулиан с высоты своего огромного роста. – К тому же грязным оборвышем.

– Милорд, не обижайте его! – вступилась за брата Аманда. – Его дурно воспитали. Он не умеет...

– Не извиняйтесь за меня, мисс, – сердито проворчал Сэм,

чем невероятно удивил Аманду. Она посмотрела на своего брата, чьи спутанные светлые кудри торчали в разные стороны, и подумала, что он похож на херувима, нечаянно выпавшего из небесного чертога и угодившего в свинарник. Хотя он хмурился, она все же надеялась, что под налипшей сверху грязью окажется ангельская душа.

– Не смей таким тоном разговаривать с сестрой, паршивец, а то заставишь нас с Джеком пожалеть, что мы спасли тебе жизнь, – рассердился лорд Серлинг.

Его заявление требовало объяснений, и Джек вкратце рассказал Аманде о том, что случилось на скалах.

– Значит, я должна поблагодарить тебя еще раз, Джек, – сказала она, борясь с желанием обнять его за шею и покрыть дорогое лицо поцелуями. – Ты спас не только меня, когда Сэм случайно выстрелил, но и его тоже. Как мне отблагодарить тебя?

Джек выразительно посмотрел на нее, и она поняла, какую благодарность ему хотелось бы получить. Но они оба знали, что это невозможно, поэтому Джек поспешно отвел взгляд.

– Мы с Сэмом должны быть благодарны Джулиану, который вытащил нас обоих.

– Тогда я обязана их спасением вам, милорд, – повернулась Аманда к маркизу. – Чем я могу отплатить вам за вашу доброту?

– Очень просто, – невозмутимо ответил он. – Позаботьтесь о том, чтобы вашего брата как можно скорее привели в

приличный вид. Тогда мы сможем вернуться в Принстед. – Ноздри его аристократического носа брезгливо дернулись при взгляде на Сэма. – И не забудьте сжечь его лохмотья.

– Но что ему надеть, милорд? В его комнате я не нашла другой одежды, а костюм Джека будет ему слишком велик. Не можем же мы завернуть его в простыню и везти в Принстед голым!

– Сэм не намного ниже вас, а вы, женщины, умеете подогнать платье по фигуре – там стежок, здесь стежок, разве не так? – веселился Джулиан.

– Еще чего! – взорвался Сэм. – Я ни за что не надену женское платье!

– Разумеется, нет, – согласилась Аманда, глядя на лорда Серлинга смущенно и с изумлением. – Я не знаю, почему такая странная мысль пришла лорду Серлингу в голову, и хотела бы услышать объяснения.

– Объяснение простое, Аманда, – вмешался Джек. – Я думал, что один разгадал маленький секрет Сэма, но не учел проницательности своего брата.

– О чем вы говорите? – все больше изумлялась Аманда.

– Сэм – девушка, – ответил Джек.

– Что за нелепица! Я вам не верю, – выпалила Аманда.

– Это правда, – подтвердил лорд Серлинг. – Вы убедитесь в этом, когда снимете с нее лохмотья перед тем, как посадить в ванну.

– Сэм... это правда? Ты – моя сестра, а не брат?

Сэм недовольно фыркнула и с независимым видом засунула руки в карманы.

– Что ж! Кто по доброй воле захочет быть девчонкой? А здесь, на острове, я могу быть кем хочу. А я хочу быть Сэмом, а не Самантой!

– Господи, – прошептала Аманда и наверняка упала бы в обморок, если бы Джек вовремя ее не подхватил.

Сэм наблюдала за реакцией Аманды с презрительной усмешкой, после чего выдала:

– Саманта – это подходящее имя для какой-нибудь изнеженной девчушки. Вы не дождетесь, что я стану такой, даю слово!

Глава 16

Следуя инструкциям Аманды, Тео, Харли и Джо принесли воды, нагрели ее и наполнили обшарпанную ванну, стоящую в дальнем углу кухни. В доме не нашлось ни кусочка мыла, и Аманда достала свой дорожный запас. Простыню, которая лежала на кровати, решили использовать в качестве полотенца.

Когда все приготовления были закончены, мужчины удалились: слуги направились к лошадям, господа – прогуляться в запущенном и одичавшем садике позади дома, поскольку ванна, подвинутая к камину для тепла, заняла всю комнату, да и смущать девушку своим присутствием им не хотелось.

– Ну вот! – с энтузиазмом воскликнула Аманда, выпроводив мужчин. – Теперь ты можешь раздеться и влезть в ванну, Саманта. Ты сразу почувствуешь себя лучше.

Однако девушка, которая все это время исподлобья следила за приготовлениями, недоверчиво покосилась на пар, поднимающийся над водой, и, сморщив носик, буркнула:

– Вы меня туда не затащите!

Аманда опасалась именно такого ответа. Очевидно, Сэм не привыкла к частым омовениям, но ввиду того, что количество грязи, покрывавшей ее тело, не поддавалось описанию, Аманда надеялась, что сестра окажется сговорчивее.

– Дорогая, но ты не можешь отправиться в город в таком виде. И потом, тебе будет гораздо удобнее и приятнее, если ты вымоешься и наденешь чистое платье.

– Если вы имеете в виду то черное платье, которое достали из сундука, то я его не надену. Я не собираюсь на похороны, а носить траур по своему папаше, который меня бросил, тем более не стану. – Она скрестила руки на груди и с достоинством выпрямилась. – И вообще, я не поеду в город и не буду мыться!

– Саманта, неужели тебе не хочется произвести на окружающих хорошее впечатление, впервые покинув остров?

– Меня зовут Сэм, – напомнила ей сестра. – И к вашему сведению, я уже не раз уезжала с острова.

– Правда? И где же ты была? – поинтересовалась Аманда, с сожалением косясь на ванну, в которой остывала вода.

– В Принстедде. Видели книжки у меня в комнате? Я украли их. Только не говорите мне, что красть – это грех. Я и так это знаю. Гримшо заставляла меня каждый вечер перед сном читать ей Библию. Так я научилась читать. Сначала она читала вслух, а я следила по книге и повторяла за ней. Она не учила меня специально, потому что считала, что бастардам учиться незачем. Она говорила, что я появилась на свет лишь потому, что... ваш отец и моя мама согрешили.

– Сэм, не говори так. Ты не... – Сердце Аманды сжалось от боли.

– Гримшо обычно порола меня за воровство, – спокойно

продолжала девушка. – Но мне было все равно, потому что из книжек я узнавала о том, что где-то есть лучшая жизнь, и мечтала о ней. – Она задумчиво уставилась прямо перед собой и усмехнулась, очевидно, вспоминая свои фантазии. – Я много раз хотела бежать, но боялась, что Гримшо разыщет меня, вернет и заставит пожалеть о том, что я решилась на побег. – Она поежилась то ли от холода, то ли от мысли о старухе Гримшо.

– Я понимаю тебя, – тихо сказала Аманда. – Но скажи, почему ты не уехала отсюда после смерти Гримшо?

Сэм не ответила. Она опустила голову и стала рассматривать свои ботинки. Аманда догадалась, что могла бы ответить Сэм: она испугалась. И кто станет винить ее за это? Ей не был знаком мир за пределами Торни-Айленда, если не считать маленькой деревушки, куда она убегала тайком, чтобы украсть книжку. Она не умела общаться с людьми и не ждала от них ничего хорошего. Как она могла ожидать от них доброты и понимания, если единственным человеком, которого она знала, была Гримшо, воспоминание о которой до сих пор повергает бедную девочку в дрожь!

На протяжении семнадцати лет ей внушали, что она плод греховной связи, что ее появление на свет было нежелательно, что само ее существование никому не интересно и не нужно. Разумеется, она предпочла остаться в своей надежной маленькой раковине и не высовываться наружу.

После того как Гримшо не стало, девушку удерживал на

острове страх. Ей пришлось воровать и охотиться, чтобы выжить, но преодолеть свой страх и пойти к людям она не смогла.

У Аманды сердце кровью обливалось при мысли о том, на какую жизнь была обречена ее сестра в результате трусливого и ханжеского решения, принятого ее «добропорядочным» отцом много лет назад. Она была возмущена до глубины души и мечтала немедленно восстановить справедливость.

Но Сэм обладала чувством собственного достоинства и не могла принять жалостливого участия ни с чьей стороны, и все попытки Аманды повлиять на нее не находили отклика в душе девушки.

Аманда понимала, что должна заставить сестру поверить в то, что в случившемся нет ее вины. Только таким образом она сможет изменить ее отношение к миру. Ведь теперь она не одна на свете, у нее есть человек, который о ней позаботится, который поможет ее мечтам о счастливой жизни осуществиться.

– Саманта... Сэм, мне трудно найти слова, чтобы описать, как я сожалею о том, что наш отец сделал много лет назад...

– Мне все равно, сожалеете вы об этом или нет. Это ничего не изменит, – упрямо поджала губы Сэм.

– Но вместе мы можем многое изменить, как ты не понимаешь! Если ты поедешь со мной, мы можем... – Аманда осеклась, натолкнувшись на такой ледяной взгляд, каким может быть только горный ручей в январе.

– Не трудитесь, мисс. Я не поеду с вами никуда ни сегодня, ни когда бы то ни было. И никакими силами вы меня в эту ванну не запихнете!

Аманда обнаружила, что очень устала. Она даже подумала о том, чтобы применить силу, но не была уверена, что с этого стоит начинать родственные отношения. И отказаться от задуманного она тоже не могла, поэтому решила попросить совета у Джека. К кому еще она могла обратиться за помощью?

– Я сейчас вернусь, Сэм, – проговорила она и направилась к двери.

Сестра проводила ее удивленным взглядом, а затем пожала плечами и сделала вид, что ее не интересует стратегия Аманды. Она была уверена в своей правоте.

Аманда обогнула угол дома, и вдруг нога ее провалилась в какую-то ямку, и туфля слетела со ступни. Стоя на одной ноге и держась рукой за стену дома, она старалась оттереть туфлю от грязи, как вдруг совсем рядом услышала голос лорда Серлинга:

– Хорошо, Джек, ты довольно подробно рассказал мне о том, что с тобой приключилось после того, как ты вышел из «Пятнистого пса», чтобы облегчиться. Но ты не сказал, когда к тебе вернулась память.

– Это случилось, когда мы уезжали из Патчинга.

– Значит, ты лжешь мисс Дарлингтон с тех самых пор?

Аманде стало не по себе. Оказывается, ее все это время

дурачили! Джек притворялся, что ничего не помнит, со вчерашнего дня! Как же она не догадалась, ведь многое указывало на это! Например, то, как он разговаривал с лордом Серлингом, отбиваясь от собак. Так могут разговаривать только люди, хорошо и давно знающие друг друга. Она думала в тот момент о другом и не обратила на это внимания. Но ведь она доверяла Джеку. Как же он мог так поступить с ней?

– Мне пришлось притворяться, Джулиан, потому что мне все еще нужна была ее помощь, а она собиралась отказаться от меня.

– А потом ты оставался с ней из чисто альтруистических соображений? Ты хотел помочь ей найти родственника?

– Именно так.

– Но мне казалось, что ты узнал истинную цель ее поездки только сегодня утром в моем присутствии.

– Да, верно. Но я догадывался об этой цели и раньше, хотя... – Он усмехнулся. – Хотя я слишком во многом ошибался. Впрочем, теперь уже ничего не изменить, – с оттенком сожаления добавил он.

Аманда задумалась над тем, о чем именно за последние двадцать четыре часа он так сожалеет.

– Я согласен с тем, что мисс Дарлингтон нуждалась в твоей помощи, – говорил в это время лорд Серлинг. – Страшно подумать, как она справилась бы тут одна. Но ты уверен, что нет другой причины, по которой ты делал вид, что ничего не помнишь? Может быть, ты просто хочешь отдалить возвра-

щение в Лондон и свое бракосочетание?

Бракосочетание?! Аманда знала, что подслушивать нехорошо, но уже не могла уйти. Она имела право знать те детали, которые прояснялись в разговоре двух братьев. Выходит, Джек не только лгал ей, но и намеренно скрывал важные факты из своей жизни.

– Ты знаешь, что я не попал на свадьбу не по своей вине. Сначала я действительно потерял память. А когда она вернулась, я не нашел причины спешить в Лондон.

– Не нашел причины? – насмешливо переспросил лорд Серлинг. – Твоя невеста и ее семья стоически перенесли необходимость разослать пять сотен извинений за несостоявшееся торжество.

Невеста? Аманда не верила своим ушам.

– Она повела себя на редкость достойно, Джек. А Шарлотта – хорошая девочка, она всерьез беспокоится о тебе. Если бы ты вернулся в Лондон раньше или хотя бы прислал весточку после того, как вновь обрел память, ты спас бы ее от многих бессонных ночей.

– Черт побери! Как жаль, что я встретил Шарлотту, да еще связал себя с ней обещанием! – горько воскликнул Джек, от чего по спине у Аманды пополз неприятный холодок. – Я не готов надеть на себя кандалы. Может быть, я вообще никогда не вернусь в Лондон, Джулиан!

Аманда решила, что услышала достаточно. Зажав рот дрожащей рукой, она пошла обратно, уже не беспокоясь о том,

что ее юбки измажутся в грязи. Это невероятно! Оказывается, в ту ночь, когда Джек любил ее, он уже вспомнил о том, что обручен. Он предал не только свою невесту, но и ее тоже. Лорд Серлинг, судя по всему, высоко ценит женщину, ставшую жертвой губительного обаяния Джека. А теперь выясняется, что Джек не только не сожалеет о том, что не явился на собственную свадьбу, но и вообще не намерен возвращаться в Лондон.

Аманда подумала, что Джек очень похож на ее отца. Он так же не способен нести ответственность за свои слова и поступки. Неудивительно, что он захотел остаться с ней. Лорд Серлинг не знает об их ночи любви. Возможно, Джек счел ее легкой добычей и не захотел упустить свой шанс.

Аманда не вернулась в дом, а пошла к морю, держась подалее от Тео, который возился с лошадьми. Мысли в ее голове смешались, а в душе клокотал ураган эмоций, стремившихся вырваться наружу. Она была обижена и рассержена и не знала, что ей теперь делать.

А вдруг он с самого начала решил затащить ее в постель? Она ведь в его вкусе, разве не так? Она из тех дурочек, что отдаются, не требуя никаких гарантий, а потом готовы хранить память об этом до конца своих дней. Его сдержанность, которую он выдавал за порядочность, была притворством, как и вся эта история с амнезией.

Аманда покачала головой. Какой потрясающе влюбленной идиоткой она должна была выглядеть в его глазах! Ве-

ликолепная добыча для мужчины, который бежит от брака, как от чумы!

Она должна была догадаться. Даже в тот момент, когда он действительно ничего не помнил, тема брака возникала в их разговоре. В беспамятстве он называл женские имена. Даже Тео распознал в нем светского повесу. Но Аманда слишком тосковала по мужскому вниманию, и ей хотелось ощутить себя нужной и желанной. Господи, как бы вернуть это время назад и сделать так, чтобы никогда не встречаться с Джексоном Монтгомери!

* * *

– Ты знаешь, что я не одобряю, когда ты говоришь о женщинах в таком тоне, Джек. Особенно когда речь идет о такой достойной леди, как Шарлотта Батсфорд.

– Боже мой, Джулиан, если ты так высоко ценишь ее, то почему бы тебе самому на ней не жениться? Таким образом все устроилось бы к общему удовольствию!

– Я догадывался, что ты сожалеешь о том, что обручился, но у меня и в мыслях не было, что ты захочешь улизнуть из-под венца. Я защищал тебя как мог, когда леди Батсфорд осмелилась высказать такое предположение.

– Спасибо, брат, – хмыкнул Джек. – Теперь, наверное, ты думаешь, что твое выступление в мою защиту было опрометчивым.

Джулиан ничего на это не ответил.

– Брось, не мучай себя сомнениями, – продолжал Джек с тяжелым вздохом. – Я исполню свой долг и женюсь на Шарлотте. Прости, что я плохо говорил о ней. Я вернусь в Лондон, как только мы доставим Аманду и ее сестру в Суррей. Я готов произнести клятву у алтаря в тот день, какой назначит моя невеста. Я всерьез никогда и не думал ни о чем другом.

– Ты успокоил меня, Джек. Я не стал бы сомневаться в тебе, если бы мне вдруг не показалось, что увлеченность другой женщиной может помешать тебе исполнить свой долг.

– Ты говоришь об Аманде?

– Конечно. О ком же еще? Ведь ты влюблен в нее, разве не так?

Джек тяжело вздохнул. Он засунул руки в карманы брюк и, задрав голову, уставился в небо. Яркие звезды светили сквозь редкие облака. Он помолчал, а потом повернулся к брату:

– Черт побери, Джулиан! Почему иногда жизнь преподносит нам такие сложности? Я знаком с Амандой всего несколько дней, а ты ведь прав – я влюблен! До сегодняшнего дня я не отдавал себе в этом отчета. А теперь понимаю, что влюблен по уши. Что же мне делать?

Джулиан был невозмутим, как каменная статуя. Его слова прозвучали неумолимо, как смертный приговор:

– Ты должен исполнить свой долг по отношению к Шарлотте. Другого выхода нет.

Джек вспомнил о том, что брат не знает о его любовной связи с Аmandой. Вдруг он посоветует что-нибудь другое? Как повести себя честно с обеими?

– Теперь чертовски поздно что-то менять. – Голос Джулиана вклинился в его мысли.

– Ты прав.

Джулиан предложил вернуться в дом, и Джек, кивнув, последовал за ним. Подойдя к двери, Джулиан постучал и услышал голос Сэм:

– Войдите.

Они ожидали увидеть ее вымытой и переодетой в платье Аманды, но не тут-то было.

– Где Аманда? – встревоженно спросил Джек. – И почему вы до сих пор выглядите так, как будто специально вывалялись в грязи?

– На вашем месте я бы этого не говорила, – проворчала Саманта. – Вы сами выглядите не лучше.

– Отвечайте на вопрос, несносная девчонка, – вмешался Джулиан. – Где мисс Дарлингтон?

– Я сказала ей, что не полезу в ванну, – гордо заявила Сэм. – Она ушла куда-то и обещала скоро вернуться. Я не знаю, куда она пошла, и меня это не интересует. – Она скрестила руки на груди и отвернулась от мужчин.

– Но вы же должны знать, в какую сторону она ушла, – мягко настаивал Джулиан.

Сэм почувствовала, что с ним лучше не спорить, и вздрог-

нула, когда он шагнул к ней. Властность его голоса, надменность тона и внушительная комплекция обычно повергали в трепет даже мужчин, но Сэм лишь поежилась в своем кресле. Джулиан сделал еще один шаг, и она не выдержала:

– Я думала, что она пошла на задний двор! А потом случайно увидела, как она побежала на берег сломя голову, словно ее ошпарили. Впрочем, я уже сказала, что мне все равно.

Джек и Джулиан обменялись беспокойными взглядами.

– Ты думаешь...

– ...что она слышала нас? Возможно. Тебе лучше найти ее, Джек. А я пока позабочусь об этой несносной девчонке.

Джек ушел, а Джулиан снял сюртук и закатал рукава сорочки.

– Что вы собираетесь делать, мистер? – испуганно спросила Сэм.

– Вам следовало согласиться на помощь сестры, – невозмутимо ответил он. – А теперь вы будете мыться в остывшей воде. Так что выбирайте, Сэм, либо вы раздеваетесь сами, либо вас раздеваю я.

С этими словами он подошел к ней вплотную.

* * *

Джек тщательно обследовал берег и вскоре обнаружил Аманду, которая медленно брела вдоль кромки воды. У нее

не было с собой ни шали, ни накидки, а ветер был холодный и сильный. Он понял, что она чем-то расстроена, но не был уверен в том, что она подслушала их разговор, поэтому решил не форсировать события, а сначала узнать, чем вызвано ее дурное настроение. Может быть, ее огорчила Сэм? Да, такая может огорчить кого угодно.

Когда он подошел, Аманда взглянула на него, но тут же опустила глаза. Эта реакция не сулила ничего хорошего. Наверняка она слышала разговор, но что именно? Слышала ли она все его признания? Слышала ли она, что он влюблен в нее?

– Холодно, – тихо произнес он, подстраиваясь под ее шаг.

– Я не заметила.

– Возьмешь мой сюртук?

– Нет.

– Тогда можно я обниму тебя за плечи, чтобы было теплее?

– Нет.

– Почему?

Она остановилась и посмотрела ему прямо в глаза. Ее волосы переливались в лунном свете, а глаза блестели, как две звезды.

– Потому что ты обручен, Джек. Не думаю, что твоя невеста обрадуется тому, что ты ухаживаешь за другими женщинами. И не пытайся все списать на амнезию. Мы оба знаем, что память вернулась к тебе задолго до того, как мы оказа-

лись в одной постели.

– Ты слышала наш с Джулианом разговор? – Он смущенно потер подбородок.

Аманда отвернулась и стала смотреть на море.

– Я должна была бы испытывать стыд из-за того, что подслушала, но это не так. Ты должен был сам сказать мне правду. Я никогда... не осталась бы с тобой на ночь, если бы знала, что ты помолвлен.

Джек схватил ее за руки и пылко воскликнул:

– Тогда я рад, что не сказал!

Она ударила его по щеке.

– Я заслужил это, – признал он, потирая щеку.

Она ничего не сказала, молча развернулась и пошла к дому. Он последовал за ней, стараясь на ходу исправить положение:

– Аманда, я должен узнать у тебя одну вещь, пока мы наедине. Как много ты слышала?

– Что это значит? – дрожащим голосом проговорила она и остановилась. – Есть что-то еще, чего, возможно, я пока не знаю и отчего расстроюсь еще сильнее? Может быть, стоит оставить все как есть, Джек?

– Но я должен знать...

– Если ты узнаешь, что хочешь, разве от этого что-то изменится?

Она была права. Даже если она узнает, что он влюблен, даже если его чувство не безответно, то какая теперь разни-

ца? Он связан словом с Шарлоттой. А если он нарушит его, то Аманда первая будет его презирать. Она будет считать его слабовольным и безответственным, таким же, как ее отец.

Он хотел лишь узнать, какие чувства она испытывает к нему... Это было эгоистично, но если бы он знал, что она тоже любит его, это согрело бы его сердце. Но об этом нельзя было спросить напрямик.

– Аманда, я женюсь на Шарлотте, если она все еще этого хочет. Но что, если это не так? Вдруг она не захочет теперь выйти за меня замуж?

Джек затаил дыхание, ожидая ответа. В ее взгляде читалась боль, но ее слова поразили его:

– Если она откажет тебе, ты снова станешь свободным. И тогда будешь самым счастливым человеком на свете.

С этими словами она развернулась и побежала к дому.

* * *

Джек не был в Лондоне меньше недели, но ему казалось, что прошла целая жизнь с тех пор, как в последний раз он мчался в черном лакированном фаэтоне вниз по Грейт-Стен-хоп-стрит к дому Шарлотты Батсфорд, своей невесты.

День выдался пасмурным, и свинцовое небо усугубляло угнетенное состояние его духа. Он вернулся в свой городской дом накануне поздно вечером спустя двенадцать часов после их прогулки с Амандой по пляжу. Боль расставания до

сих пор не утихла в его душе.

Он счел разумным отправить Джулиана вместо себя в качестве сопровождающего Аманды. Только так можно было покончить с неловкостью, которая возникла в их отношениях после того, как Аманда подслушала его разговор с братом. Она так и не смогла простить ему лжи, и он не винил ее в этом. Кроме того, ему нужно было поскорее вернуться в Лондон.

Джулиан, похоже, нашел общий язык с Сэм. С тех пор как он силой заставил ее принять ванну, она прониклась к нему особым чувством, похожим на религиозное благоговение. Джулиан не рассказывал, как ему удалось превратить ее из грязного заморыша в тихую, скромную барышню, одетую в черное платье, и никого это не интересовало – даже Аманду. Она просто была благодарна ему за это чудесное превращение.

Джулиан также убедил Сэм поехать с сестрой в Иденбридж. Он дал ей какое-то тайное обещание, о котором Сэм не обмолвилась ни словом, но на которое то и дело кокетливо намекала. Джек не удивлялся, что его брат произвел такое неизгладимое впечатление на этого ребенка, и радовался тому, что у него неожиданно появилось желание помочь Аманде справиться с непослушной сестрой.

Однако Джек понимал, что после того, как Аманда останется с Самантой в Дарлингтон-Холле вдвоем, а Джулиан, чье обаяние вынуждало девочку вести себя прилично, уедет,

Аманде придется с ней нелегко. Сэм нуждалась в твердой руке, а мягкосердечная Аманда таковой не обладала. Если бы он только мог...

Джек сильнее сжал поводья и пустил серых рысаков галопом. Ему нужно перестать думать об Аманде, отказаться от мысли войти в ее жизнь. Она не хочет иметь с ним ничего общего, но даже если бы это было не так, то ничего изменить невозможно. Скоро он женится и будет наслаждаться медовым месяцем.

Джек ехал к дому невесты, зная, что ему придется подробно рассказать о своих приключениях и вымаливать прощение. Он понятия не имел, что будет говорить Шарлотте в свое оправдание.

Все его мысли были только об Аманде и о том, как отчаянно он тоскует по ней.

Джек остановил фаэтон перед особняком Батсфордов и передал поводья ливрейному груму:

– Прогуляй их, Рейнолдс. Я задержусь.

– Слушаюсь, милорд.

Джек остановился на минуту перед парадным входом, чтобы собраться с духом. Он тщательно продумал свой костюм для встречи с Шарлоттой. На нем был голубой сюртук, шелковый галстук цвета слоновой кости и темно-желтые панталоны. Туфли были начищены до блеска специальным составом, рецепт которого придумал его камердинер: вода, шампанское и усиленная полировка.

Он принял горячую ванну с травами, сделал маникюр и тщательно побрился. Но несмотря на все эти приготовления, он чувствовал себя совершенно разбитым и надеялся на то, что Шарлотта не заметит темных кругов у него под глазами – результат двух бессонных ночей. Впрочем, он всегда может объяснить их появление недавней травмой и тревогами последних дней. Шарлотта не должна догадаться, что изображать перед ней счастливого жениха стоит ему напряжения всех душевных и физических сил. Выбора у него нет. Нужно исполнить свой долг.

Он взялся за дверной молоток, и в дверях тут же возник мажордом Батсфордов, Фиппс. Джека ждали. Он написал Шарлотте, как только приехал, и получил в ответ приглашение на чай в три часа дня. Джек был уверен, что на него обрушится град вопросов, и ему очень хотелось, чтобы леди Батсфорд успела хоть немного успокоиться после того, как прошла через такое унижение.

– Сюда, милорд. – Фиппс держался невозмутимо, но Джек заметил огонек любопытства в его глазах.

От своего камердинера Джек узнал, что его внезапное исчезновение породило в свете массу слухов. Его репутация закоренелого холостяка, всячески избежавшего брачных уз, сослужила ему дурную службу. Джек испытал злорадное удовольствие, догадываясь, что разочаровал многих любителей скандалов, представив уважительную причину своего исчезновения.

Он проследовал за Фиппсом в гостиную, высокие двери которой распахнул перед ними лакей.

– Лорд Дарем, мисс, – объявил дворецкий с поклоном и исчез.

Джек не знал, что его ожидает, и с облегчением вздохнул, когда увидел, что Шарлотта в комнате одна. Он замешкался в дверях, и невеста поднялась ему навстречу с бархатной софы. В лучах полуденного солнца она выглядела потрясающе в голубом бархатном платье, украшенном белыми лентами и кружевами. Ее золотистые волосы были уложены в безупречную прическу с трогательными кудряшками, обрамляющими прелестное личико.

Но чем ближе она подходила, тем явственнее проступала бледность на ее обычно румяных щеках. Джек никогда прежде не видел ее такой расстроенной и устыдился, потому что именно он был причиной ее огорчений. Это произвело на него более сильное впечатление, чем если бы она набросилась на него с упреками.

Повинуясь импульсивному порыву, он раскрыл ей навстречу объятия, и она прижалась щекой к его груди.

– Джек, слава Богу, с тобой все в порядке, – прошептала она.

Он неуклюже утешал ее, поглаживая по спине, а сам размышлял о своей горькой судьбе. Он видел, что прощен, хотя вовсе этого не заслуживал. Он все еще придумывал какие-то объяснения, но вдруг понял, что ему все равно, примет их

Шарлотта или нет. Он может сказать ей, что был на Луне, – и она поверит. Почему к нему тянутся именно такие доверчивые женщины?

Аманда... она ведь тоже ему доверилась. Она сама приняла решение отдаться ему, но если бы он знал, что она девственница, то нашел бы в себе силы отказать ей в этом удовольствии. А теперь уже ничего нельзя изменить.

...Ее светлые волосы разметались по подушке. Ее сладкое, жаркое тело пылко отвечало на его ласки. Она приняла его в себя с решимостью и достоинством благородной дамы. Ее глаза радостно светились, когда она танцевала с ним. Ее нежные руки обтирали влажной губкой его тело. Ее терпение и доброта, с какими она отнеслась к своей вновь обретенной сестре, не могли не вызывать уважения.

Другой такой женщины на свете нет. Ни одну он не будет обнимать с такой нежностью. Ни одна не сможет проникнуть в его сердце и сделать его счастливым...

– Джек?

Он вздрогнул и посмотрел на Шарлотту. Ее голос донесся как будто издалека.

– Да, дорогая?

– Нам нужно поговорить, – произнесла она и отстранилась от него.

– Да, нужно, – с грустной улыбкой согласился он. – Я знаю, что многое должен тебе объяснить. И я намерен сделать это прямо сейчас, чтобы не откладывать надолго брачную церемонию.

МОНИЮ.

– Торопиться некуда, Джек, – печально улыбнулась она и ласково провела кончиками пальцев по его шраму, пересекающему высокий лоб. – Брачной церемонии не будет. Во всяком случае, у нас с тобой.

Глава 17

Роберт Гамильтон прогуливался по Грейт-Стенхоп-стрит уже около часа, стараясь не привлекать к себе внимания.

– Интересно, сколько времени требуется женщине, чтобы отказать мужчине? – бормотал он себе под нос, недовольно косясь на окна гостиной. – Ведь Шарлотта решила прямо сказать ему, что не будет его женой. Так в чем же дело?

Роб сгорал от нетерпения. Как только Шарлотта будет свободна, он сразу предложит ей руку и сердце, поэтому ему очень хотелось узнать, чем закончилась ее встреча с Джеком. Он вытащил из кармана платок и вытер лоб. Погода была необычно холодной и промозглой для октября, но лоб у него покрылся испариной. Он провел большую работу в отсутствие Джека, и теперь поведение Шарлотты должно было показать, не зря ли он потратил на нее свое драгоценное время.

Минуты медленно текли одна за другой, а он все мучился от неизвестности. Вдруг обаяние Джека окажется сильнее решения Шарлотты разорвать помолвку? Он не переоценивал свое влияние на нее, но неосторожное слово или жест Джека могли все испортить. Роб живо представил себе, как они сидят рядом на диване, Джек обнимает ее за талию, а она смотрит на него преданным взглядом. Роб злобно стиснул зубы и сжал кулаки.

Обаяние Джека, не оставлявшее женщин равнодушными,

всегда приводило Роба в ярость. Он не раз был свидетелем, как они таяли от одного только взгляда виконта Дарема. Он умел покорить всех, от дешевых шлюх и французских танцовщиц до герцогинь и богатых американских наследниц. Многие из них мечтали провести с ним в постели хотя бы одну ночь, но большинство надеялись прожить с ним всю жизнь до гробовой доски.

То, что Джек мог жениться на любой богатой наследнице, выводило Роба из себя, потому что он знал, что его другу не нужна состоятельная жена. А Робу она была нужна позарез, и он намеревался заполучить ее... в лице Шарлотты. И жестокая правда его затруднительного материального положения с каждым днем все сильнее сжимала его в своих тисках. Кредиторы настойчиво требовали уплаты долгов. Скоро его вышлют из города по железной дороге или посадят в тюрьму.

Если он не достанет денег, чтобы расплатиться с банкирами и ростовщиками-костоломами из «Двух семерок», а также с держателями игорного дома на Сент-Джеймс-стрит, где не было человека, кому бы он не был должен, ему придется поступить так же, как Бо Браммелу – надуть всех разом, тайно покинув страну.

Черт побери, но что же делать человеку, который не мыслит своей жизни без игры?

Была еще одна сложность... Он уже больше месяца не посылал денег в ту жалкую лачугу в Спиталфиддсе и еще дольше не наносил туда визита. Но Софи придется подождать.

Сначала он должен спасти собственную шкуру, а уж потом оказывать финансовую поддержку ей и ее ребенку.

Угроздило же ее забеременеть! Эта беременность испортила ее фигуру и прибавила еще один голодный рот. Сама Софи не могла заработать даже самую малость на то, чтобы содержать себя и младенца. Ей следовало сделать так, как он советовал: избавиться от ребенка до его рождения. Впрочем, сейчас было не время размышлять об этой досадной проблеме. Ему предстояло заловить в свою сеть крупную рыбу.

Роб остановился у порога дома Шарлотты. За прошедшую неделю он много раз поднимался по ступеням этого крыльца. Он почти поселился у Батсфордов, изображая лучшего друга Джека, встревоженного его судьбой и оказывающего моральную поддержку его несчастной невесте.

Между тем он медленно, но верно настраивал Шарлотту против Джека, намекая на то, что его друг никогда не испытывал особой радости от перспективы связать себя брачными узами. Возможно, его внезапное исчезновение – всего лишь трусливый способ избежать женитьбы? Он говорил и говорил, а Шарлотта – эта маленькая доверчивая гусыня – слушала его развесив уши.

Конечно, в словах Роба была доля истины. Джек воспринимал предстоящий брак всего лишь как исполнение семейного долга. Но после помолвки он никогда бы не нарушил слова и не обрек бы себя и свою невесту на позор, превратившись в изгоя общества. Он лег бы костями, но свой долг

исполнил.

Но если бы Шарлотта, которая была влюблена в Джека, узнала о его нежелании связать с ней свою судьбу – Роб как только мог внушал ей эту мысль, – она освободила бы его от данного слова и дала бы ему свободу.

Тогда Роб выйдет на сцену и легко добьется расположения девушки, перенесшей такое оскорбление. Таков был план Роба, и, по его мнению, весьма удачный.

Джек иногда может быть очень полезным – как часто бывало после их возвращения с материка – в качестве пропуска в высший эшелон светского общества, члены которого не согласились бы иметь с Робом ничего общего при других обстоятельствах. Например, брат Джека, лорд Серлинг, вообще не принимал бы Роба у себя, если бы не ходатайство Джека. Да, Джулиан – черт бы побрал этого заносчивого типа с проницательным взглядом! – подозревал, что Роб использует его брата в своих целях. Роба не интересовало мнение этого господина, но он повергал его в какой-то странный трепет.

Доверчивого и простодушного Джека было легко одурачить. К тому же Джек считал естественным доверять своему лучшему другу, который когда-то спас ему жизнь. С тех пор Роб пользовался его слепой преданностью.

Но Джулиан Монтгомери – это совсем другое дело. Он терпел Роба только потому, что тот спас его брата. Хитрый и подозрительный, он наверняка был способен на безжалостную месть, если члену его семьи кто-то причинит хоть ма-

лейший вред. Роб чувствовал, что лорд Серлинг всегда будет его недоброжелателем, а не сторонником, поэтому благоразумно предпочитал держаться от него подальше.

Роб стоял на крыльце и уже протянул руку, чтобы взяться за дверной молоток, как вдруг из дома вышел Джек. Роб очень хотел думать, что обескураженное выражение лица его друга означает, что его план удался. Еще минуту, и он узнает об этом, а пока надо сыграть свою роль до конца.

– Джек! Здорово, старина! – воскликнул он и похлопал его по спине. – Наконец-то ты вернулся! Я шел к тебе, но решил сначала поискать тебя у Шарлотты. Она держалась молодцом, пока тебя не было. Ну, рассказывай, как твои дела?

– Привет, Роб. – Джек повел плечами, сбрасывая его руку, и поправил узел галстука. – Значит, ты рад меня видеть?

– Я уж думал, что ты вообще сгинул, Джек. С твоей стороны было просто подлю исчезнуть среди ночи, никому ничего не сказав. Я был уверен, что тебя убили.

– Как видишь, я в полном порядке, если не считать еще одного шрама, который добавился к моей коллекции. – Он показал на узкую белую повязку на лбу, скрывавшую рану.

Роб позеленел от зависти. Еще один шрам, который женщины найдут «интересным»! Шраму на щеке Джек был обязан обилием женского внимания, выражавшегося в любовных играх в постели, а новое подтверждение его мужественности многократно увеличит череду желающих затащить Джека в свою постель. Черт бы побрал этого кобеля!

– Откуда он у тебя?

Джек направлялся к фаэтону, Роб семенил рядом, преданно заглядывая ему в глаза.

– Что тебе известно о том, что со мной случилось? – оставившись, спросил Джек.

– Только то, что Шарлотта мне рассказала, получив письмо от твоего брата. Что ты ранен и временно потерял память.

– Этого достаточно. Если хочешь знать больше, приходи в гости. Только не сегодня. У меня много дел. Завтра утром я уезжаю в Суррей и не знаю, когда вернусь.

– Зачем это тебе вдруг понадобилось ехать в Суррей? Ведь тебе нужно готовиться к свадьбе!

– Ты задаешь слишком много вопросов, Роб. К тому же ты, по-моему, собирался к Шарлотте?

– А почему бы тебе самому не рассказать мне, как она себя чувствует? – Роб пристально вглядывался в лицо Джека, пытаясь разгадать его настроение.

– Она в отличной форме, – пожал плечами Джек. – Должен признаться, я недооценивал ее, а она оказалась умной женщиной. Она отказалась выходить за меня замуж, Роб. Передумала. И я не могу ее винить. Она заслуживает восхищения. А теперь извини, я очень спешу. – С этими словами Джек вскочил в фаэтон.

– Не понимаю, о чем ты говоришь? – притворился удивленным Роб. – Ты хочешь сказать, что свадьбы не будет?

– Именно. – Джек взял поводья из рук грума и серьезно

посмотрел на Роба. – Шарлотта говорит, что ты проявил себя верным другом в мое отсутствие. Так что иди и побудь с ней сейчас. Она крепится и не показывает виду, но, конечно, очень расстроена. К тому же ей предстоит нелегкий разговор с матерью. Почему бы тебе не поддержать ее в трудную минуту? – Джек натянул вожжи, и вскоре его фаэтон скрылся из виду.

Роб смотрел ему вслед и завидовал тому, с какой легкостью Джек может позволить себе иметь столь роскошный экипаж. Ведь это чертовски дорогое удовольствие. Постепенно на его лице появилась улыбка предвкушения: скоро и у него будет такой же. Он не знал подробностей приключений Джека, потому что тот не был расположен к откровенной беседе. Но теперь это не имело значения. Главное, он больше не был женихом Шарлотты.

Роб развернулся и направился к дому Батсфордов. Ему не давала покоя мысль, что семья Шарлотты, возможно, сочтет неприличным его поведение, если он прямо сейчас предложит брошенной невесте стать его женой. Но ведь может случиться и так, что они будут рады таким образом замять скандал, выдав свою дочь замуж за очередного претендента. Они даже могут спасти свою репутацию, объяснив причину размолвки Шарлотты с Джеком ее тайной влюбленностью в Роба.

Роб раздулся от гордости как жаба, когда представил себе, что по городу поползут слухи о том, что Шарлотта дала от

ворот поворот самому Джексону Монтгомери, виконту Дарему, чтобы связать свою жизнь с более достойным человеком – Робертом Гамильтоном. Какой фурор произведет эта новость в салонах нескольких тысяч семей, принадлежащих к высшему свету! И как будет посрамлен надменный лорд Серлинг!

Роб уверенно постучал молотком в дверь, самодовольно улыбаясь и ожидая, когда Фиппис распахнет перед ним двери к несметному богатству. Он уже слышал звон золотых монет в своем кармане...

* * *

– Саманта все время ходит грустная с тех пор, как он уехал, – жаловалась тетя Прис, ломая руки.

– И категорически отказывается принимать портниху, – раздраженно добавила тетя Нэн. – Если бы лорд Серлинг... этот милый молодой человек... задержался хотя бы на день, она смогла бы простоять спокойно несколько минут, чтобы портниха сняла с нее мерки. Что нам делать с этим ребенком, Аманда Джейн?

Аманда вздохнула и разгладила несуществующие складки на юбке своего палевого утреннего капота. Полуденное солнце пробивалось в гостиную сквозь жалюзи и освещало круглый рабочий столик, за которым сидели три женщины. В центре стола стояла большая ваза с хризантемами, вокруг ко-

торой были разложены катушки ниток – дамы штопали чулки для детей из сиротского приюта, расположенного в Кроухерсте.

– Лорду Серлингу нужно было срочно возвращаться в Лондон, – выступила на его защиту Аманда. – Кроме того, он и так был бесконечно добр к нам, и я не могла просить его еще об одном одолжении. Сэм привыкнет к нам, к своему новому дому и скоро совсем забудет лорда Серлинга.

Тетушки с сомнением переглянулись.

– Он так хорошо ладит с ней, – с сожалением в голосе заметила тетя Прис. – Даже сумел уговорить ее прилично себя вести. Стоит ему просто взглянуть на нее или строго приподнять бровь – и она становится шелковой!

– Я бы не стала преувеличивать, тетя Прис, – сухо отозвалась Аманда. – Конечно, лорд Серлинг оказывает на нее хорошее влияние, но я сама слышала, как резко она иногда ему отвечает.

– Тем не менее он действует на девочку очень благотворно, – упрямо сказала Нэн. – Кто бы мог подумать, что такой человек заинтересуется ребенком вроде Саманты? Глядя на него, не подумаешь, что у него такое доброе сердце. Он кажется таким...

– Надменным? Заносчивым? Да, тетя? – спросила Аманда.

– Должна признаться, он испугал меня, когда я увидела его впервые, – смутилась Нэн. – Он очень высок и произво-

дит впечатление весьма важной персоны! А теперь я считаю его просто милым молодым человеком.

– Он ведь пообещал заехать к нам через несколько дней, Аманда Джейн, – напомнила Прис с непринужденным видом, – чтобы посмотреть, как идут у нас дела. Если мы не справимся с девочкой к тому времени, может быть, он что-нибудь нам посоветует?

– Не думаю, что следует вовлекать лорда Серлинга в наши проблемы, – нахмурилась Аманда и склонилась над шитьем. – По-моему, мы просто недооцениваем собственные силы. Ты говоришь так, словно мы вообще не в состоянии обойтись без мужчины.

Аманда заметила, как тетушки тайком обменялись многозначительными взглядами.

– Но лорд Серлинг и его брат оказали тебе поддержку во время поездки на Торни-Айленд. А они мужчины! – после недолгой паузы провозгласила Нэн.

– Да, но...

– По некоторым намекам, прозвучавшим в ваших разговорах, я поняла, что если бы не они, то вы обе могли оказаться в очень затруднительном положении, – сочувственно добавила Прис. – Надеюсь, ты поблагодарила их, моя дорогая?

– Конечно. – Аманда рассердилась и отшвырнула шитье. – Я очень благодарна за помощь лорду Серлингу, но... вы даже представить себе не можете, сколько проблем доставил мне его брат!

Аманда яростно схватила шитье и почувствовала, как щеки ее заливают румянец. Одно упоминание о Джеке вызывало в ней бурю эмоций. Она старалась вообще не думать о нем, но тетушки были любопытны, и ей пришлось рассказать о своих приключениях в подробностях – правда, избегая некоторых событий, непосредственно касавшихся Джека.

– Он не виноват в том, что потерял память, дорогая, – укоризненно покачала головой Прис. – И потом, он спас Саманте жизнь! Мне хотелось бы повидаться с этим человеком и поблагодарить его лично. Может быть, нам как-нибудь пригласить его и лорда Серлинга на обед? Мы ведь живем всего в полчаса езды от Лондона. Как ты думаешь, это удобно?

Терпению Аманды пришел конец. Она вскочила и, сжав кулаки, подступила к перепуганным до смерти тетушкам:

– Нет, я считаю, что это неудобно, неприлично и неразумно! Я никогда больше не желаю видеть этого человека!

– Но почему, Аманда Джейн? – дрожащим голосом пролепетала Прис.

– Да, почему? – поддержала ее сестра.

– Потому что поведение Джека Монтгомери никак нельзя назвать поря... – Аманда не успела договорить.

– Мисс? – раздался голос дворецкого.

Она вздрогнула и обернулась. На пороге стоял Хенчпенни, и ей пришлось взять себя в руки.

– В чем дело?

– К вам посетитель, мисс.

Интересно, кто явился с визитом первым после ее возвращения? Может быть, викарий Плисли? Или это пожаловали болтливые и занудные сестры Бартоломью? Аманда еще не придумала, как представит Саманту соседям и знакомым, и надеялась, что в нужный момент сообразит, что сказать.

– Кто это, Хенчпенни?

Прежде чем Хенчпенни успел ответить, через порог переступили длинные ноги в узких брюках, и в комнате материализовалась элегантная фигура Джексона Монтгомери. От макушки до пят он сиял как новенький шиллинг, а на губах его трепетала смущенная улыбка.

– Это я, Аман... мисс Дарлингтон. Могу я войти?

Аманде показалось, что из легких у нее выкачали весь воздух. Она схватилась за край стола, чтобы не упасть в обморок. Его появление было слишком неожиданным. Впрочем, если бы она знала о том, что он придет, реакция все равно была бы такой же.

Его вид... Возможно ли, чтобы она забыла, как он красив? Как его присутствие наполняет счастьем ее сердце? Как его улыбка заставляет ее краснеть?

Аманда не видела, но чувствовала, с каким восхищенным изумлением уставились на Джека тетушки. Две милые старушки молча переводили взгляд с нее на Джека и обратно. Тетушки были очарованы им – как и все женщины, которым посчастливилось оказаться в его обществе.

Аманда испугалась своих чувств и вспомнила, что сердит-

ся на него. Она постаралась настроить себя против Джека, чтобы ее неприязнь заглушила нежность и страсть, бурлившие в ее крови. Время замедлило свой ход, а она боролась с желанием броситься к Джеку в объятия и прижаться к его широкой груди. Она с трудом взяла себя в руки и проговорила пересохшими от волнения губами:

– Хенчпенни, вы можете идти.

Дворецкий поклонился и вышел с хмурым видом, поскольку от него не укрылось возникшее в гостиной напряжение.

– Входите, лорд Дарем, – произнесла Аманда официальным тоном. Она решила не выворачивать грязное белье перед посторонними и уберечь тетушек от неприятных впечатлений.

Джек, удивленно взглянув на нее, вошел в комнату. Он слегка прихрамывал, когда прогуливался с ней по берегу моря на Торни-Айленде, а сейчас от его хромоты не осталось и следа. Аманда язвительно подумала, что теперь ему будет легче идти к алтарю с невестой. Он старался поймать ее взгляд, но она упорно смотрела мимо него.

– Лорд Дарем, познакомьтесь, это мои тетушки, мисс Лрисцилла и мисс Нэнси Стипл. Тетушки, это брат лорда Серлинга, лорд Дарем.

Джек оторвал взволнованный взгляд от лица Аманды и с почтительной улыбкой поклонился дамам. Его зубы ослепительно блеснули на солнце, и в комнате стало светлее от его

улыбки.

– Ваша племянница много рассказывала мне о вас. Рад познакомиться с вами, – сказал он.

Тетушки смущенно разулыбались. Они были польщены и не знали, что ему ответить. Ведь Аманда ничего не рассказывала им о нем!

– Чем обязаны удовольствием видеть вас, лорд Дарем? – спросила Аманда, не предлагая гостю ни присесть, ни выпить чего-нибудь прохладительного после долгого пути. Тетушки были поражены такой неучтивостью и огорченно уставились на нее.

Джек обласкал взглядом ее фигуру и задержался на лице.

– Я вижу, вы перестали носить траур. Желтый цвет вам очень идет. В этом платье вы похожи на солнышко...

Аманда постаралась сдержать прилив крови к щекам и шее, но ей это не удалось. Он все еще обладал над ней магической властью, мог обворожить ее, смутить или заставить покраснеть, а она ничего не могла с этим поделать.

– Не льстите мне, Джек. Говорите, зачем приехали, и закончим с этим.

– Вы встретили меня столь нелюбезно, что мне нелегко будет изложить суть дела. – Джек покачал головой и положил шляпу на стол.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду, – удивленно приподняла она бровь.

– Мы можем поговорить наедине?

Тетушки как по команде встали и стали собирать свое шитье.

– Нет, не уходите, – остановила их Аманда, и тетушки подчинились. – Нет ничего такого, что Джек не мог бы сказать мне в присутствии моих родственников. – Она вызывающе улыбнулась. – Я слушаю вас, милорд.

Джек напрягся. Он старался быть добродушным все это время, но теперь его терпение лопнуло. В его глазах сверкнула ярость, и у Аманды по спине пробежал холодок.

– Вам доставляет удовольствие заставлять тетушек испытывать неловкость? Или вы боитесь остаться со мной наедине? – спросил он с оттенком гордого презрения в голосе.

– Я... – Она вздернула подбородок и солгала, глядя ему в глаза: – Разумеется, я не боюсь оставаться с вами наедине.

На его лице отразилось недоверие. Аманда тяжело вздохнула и повернулась к тетушкам, которые и правда чувствовали себя не в своей тарелке:

– Если вы хотите уйти, то пожалуйста, а если предпочитаете остаться, то не позволяйте Джеку...

Аманде незачем было заканчивать эту фразу, потому что тетушки уже поднялись и направились к двери. И наконец она осталась с Джеком одна. Она заставила себя посмотреть ему в глаза, что удалось ей с невероятным трудом.

– Спасибо, Аманда, – тихо произнес он.

– Не нужно меня благодарить. Скажите, зачем вы здесь. Кстати, ваша невеста знает, где вы сейчас находитесь, или

она думает, что вы примеряете свадебный фрак у Уэстона?

Джек улыбнулся и провел кончиками пальцев по лакированной столешнице. У Аманды дрогнуло сердце, когда она вспомнила, как его пальцы нежно скользили по ее коже.

– Вы все еще считаете меня подлым обманщиком, Аманда? Неужели вы думаете, что я находился бы здесь, если бы должен был примерять свадебный фрак?

– Наверное, выходя из дома сегодня утром, вы забыли, куда должны идти. У вас ведь такая непрочная память, – съязвила она.

– А как с памятью у вас, Аманда? – рассмеялся он и шагнул к ней.

– Отлично, как всегда. Но есть некоторые вещи... события... люди... о которых хочется поскорее забыть.

– Понятно. Но тогда разве стоит винить других в том, что им иногда хочется впасть в частичную амнезию?

– Некоторых – стоит, – сухо отозвалась она.

Джек начал медленно обходить вокруг стола. Еще шаг, и он окажется так близко, что сможет протянуть руку и дотронуться до нее. Она задрожала от предвосхищения и... страха. От страха, что не сможет устоять, когда он обнимет ее. От страха, что он не осмелится это сделать.

– Если вы имеете в виду меня, моя дорогая, а судя по всему, так и есть, то у меня есть оправдание: я скрыл свое излечение от амнезии потому, что хотел вас защитить.

– Интересно, от кого же? – удивилась она. – Уж не от себя

ли?

– От вас самой, глупенькая гордячка, – ответил он. Теперь их разделяло всего несколько дюймов, но он не делал попыток прикоснуться к ней. – Без моей помощи ваше путешествие на Торни-Айленд могло закончиться трагически.

Аманда даже на расстоянии ощущала тепло его тела и видела, как глаза его затопила нежность.

– Если... если вы приехали, чтобы я еще раз поблагодарила вас за спасение сестры, то я готова это сделать. Огромное спасибо. А теперь уходите! – Ее голос дрожал. Она готова была разрыдаться.

Джек обнял ее и привлек к себе. У Аманды перехватило дыхание. Она не шевельнулась, зная, что не должна дотрагиваться до него. Она не должна больше обнимать его за шею и бесстыдно подставлять ему губы для поцелуя, как делала это когда-то.

– Я не хочу твоей благодарности, Аманда. Я хочу... – Его горячее дыхание опалило ей щеку.

Он не стал ждать приглашения и обрушил на ее губы поцелуй, в который вложил всю силу своей любви.

«Что ты хочешь, Джек? – думала она, устав бороться с собой и отвечая на его поцелуй. Она гладила его по спине, ерошила волосы на затылке и мысленно спрашивала его: – Ты хочешь меня? Ты действительно меня хочешь?»

И вдруг он выпустил ее и отступил на шаг. Голова у Аманды кружилась, она слышала, как громко бьется ее сердце.

Она была разочарована и почувствовала себя снова обманутой.

– Зачем ты приехал, Джек? Неужели ради того, чтобы поцеловать меня в последний раз? – спросила она глухим, усталым голосом.

Он провел рукой по волосам, и на его щеке дрогнул мускул. В его взгляде отразилась мука, грудь тяжело вздымалась от волнения. Что он испытывал в этот момент? Неужели только похоть? Чего он хотел? Поцеловать ее? А может, убить?

– Помнишь, я говорил тебе, что женюсь на Шарлотте, если она по-прежнему будет хотеть этого? – заговорил он наконец.

– Да. И что же?

– Она не хочет выходить за меня замуж, – ответил он, пристально глядя ей в глаза.

Радостная дрожь прокатилась по ее телу. Не может быть! Он опять лжет! Какая женщина добровольно откажется от Джека? Или того хуже: он говорит правду и приехал просить ее руки, чтобы исполнить свой долг? А она не хочет получить его такой ценой. Голос ее сердца пытался пробиться сквозь заслон, выставленный холодным разумом и напускной гордыней, но Аманда оставалась глуха к нему. Она не хочет быть дважды обманутой одним мужчиной.

– Ты молчишь? – спросил он.

– А что ты хочешь услышать?

– Не знаю. Я думал... То есть я надеялся...

– Ты должен радоваться, Джек. Ты снова свободен. Разве не этого ты так сильно хотел? – поспешно перебила она его.

– Нет, не этого. – Его глаза, янтарные в солнечном свете, блеснули. – Я больше не хочу свободы. С тех пор как я встретил тебя. Теперь я хочу жениться... на тебе, Аманда.

– Ты оскорбляешь меня, Джек, – рассердилась она.

– Я что, настолько ничтожен, что ты считаешь мое предложение оскорбительным? – Джек вздрогнул словно от удара и недобро прищурился. – Может быть, я не лучшая партия в Лондоне, но... – Он замялся, как будто боялся сказать что-нибудь, о чем потом пожалеет. Аманда видела, что он честно старается взвесить каждое свое слово. – ...но я готов сделать все, что в моих силах, чтобы ты была счастлива.

– Как ты можешь думать, что я поверю тебе? – Она чуть не заплакала от разочарования. Ведь он так и не сказал, что любит ее! – Ты никогда не скрывал своего отвращения к самой идее брака. И потом, ты неоднократно лгал мне раньше.

– И ты никогда не сможешь простить мне этого, – добавил он.

– Дело не в прощении, а в доверии. Но я не поэтому отказываюсь стать твоей женой.

– Тогда почему?

«Потому что ты меня не любишь!» – кричало ее раненое сердце.

– Потому что ты предлагаешь мне это, чтобы исполнить

свой долг. Ты считаешь, что скомпрометировал меня, поэтому обязан жениться. Но это не так. То, что произошло между нами, случилось по обоюдному желанию. Я скорее умру, чем соглашусь стать женой человека, который...

«Джек, тупая скотина, скажи ей, что ты ее любишь! Может быть, именно это она хочет от тебя услышать!» – кричал в его сердце внутренний голос. Он очень хотел сказать это – но не мог.

Почему так трудно произнести эти три коротких слова? Ведь он признался брату, что любит ее, а ей самой открыться не может. Может быть, он боится услышать ее отказ? А может, она его вовсе не любит?

– Вы потеряли дар речи, лорд Дарем?

Равнодушный голос Аманды вывел Джека из задумчивости. Он смотрел на нее с тоской. Она была так хороша и так недостижима. Она отказала ему, так что нечего здесь стоять и глупо тарашиться на нее, надеясь, что она передумает. Такая женщина не меняет своих решений.

– Я вижу, что моя попытка не увенчалась успехом, – с поклоном произнес он, стараясь держаться с достоинством. – Я благодарен вам за то, что вы согласились принять и выслушать меня, мисс Дарлингтон. Приношу свои извинения за этот визит и за то, что испортил вам такой чудесный день предложением связать свою жизнь с таким никчемным типом, как я! Уверяю вас, этого больше не повторится. Всего доброго... и да хранит вас Господь.

Он направился к двери, держа спину неестественно прямо. На лице его застыло скорбное выражение, память о котором теперь будет преследовать ее долгими бессонными ночами. Чувствуя, что ноги больше не держат ее, Аманда рухнула в кресло и, уткнувшись лицом в сложенные руки, разрыдалась.

Нэп и Прис вошли в комнату и, остановившись в дверях, переглянулись. Потом они подошли к Аманде и встали по обе стороны от ее кресла.

– Ничего, ничего... – говорила тетя Прис, глядя племянницу по голове.

– Не огорчайся, все будет хорошо, – добавляла тетя Нэн, обнимая ее за плечи.

Однако такой уверенности у них вовсе не было. Дело в том, что они обе подслушивали за дверью и теперь имели все основания полагать, что все будет совсем не хорошо до тех пор, пока Аманда Джейн не вернет своего Джека.

Глава 18

– Одна, две, три...

– Черт побери, Джек, что у тебя за манера считать, сколько ты выпил! Какая разница, в конце концов?

Джек посмотрел на своего собутыльника мутным взглядом. Они сидели в углу прокуренного пивного зала маленького, но известного игорного дома на Ковент-Гарден. Здесь не бывала приличная публика, поэтому Джек выбрал именно это заведение, не желая встречаться со знакомыми, которые обязательно начнут расспрашивать его о несостоявшейся свадьбе, об амнезии и внезапном исчезновении. А Роб просто скрывался здесь от кредиторов.

Да, несмотря на то что Джек совсем недавно сделал ему щедрый подарок, Роб опять был в долгах. Так что неудивительно, что перед ним теперь стояло столько же пустых бокалов, сколько и перед Джеком... а возможно, даже больше. Роб был в отчаянном положении. Джек много раз давал ему деньги в обмен на обещание забыть об азартных играх, но зеленое сукно игровых столов действовало на Роба магнетически, и он не мог справиться со своей страстью. А судьба не жаловала его, и он постоянно проигрывал.

Да еще этот недавний неприятный инцидент с Шарлоттой! Какому мужчине понравится, когда его отвергают!

– Я люблю считать, сколько выпил, Роб. Хоть какая-то те-

ма для размышления помимо... – Он уставился невидящим взглядом в пространство, и перед ним возник образ Аманды. Не тот, чужой, который предстал перед ним в последнюю их встречу, а другой, во время их единственной ночи любви. Он улыбнулся своим мыслям. – ...помимо женщин! – заключил он, но его слова прозвучали гораздо нежнее, чем он этого хотел.

– Женщины! – сочувственно повторил Роб, икнув. Он вытянул вперед правую руку, как римский оратор, и провозгласил: – Мудрец сказал однажды...

– Какой еще мудрец? – полусонно поинтересовался Джек.

– Аристотель или другой какой-то... Какая разница, Джек? Так вот, кто-то сказал: «На свете нет ничего хуже женщин... кроме других женщин». Этот старый грек был не так уж не прав, а?

– Да, хорошо сказано, Роб. В самую точку! Но мне больше нравится другое изречение. – Он кашлянул и разлепил смежающиеся веки. – Один аноним сказал: «Женщина – это цепь, которой мужчина привязан к колеснице глупости».

– Тоже верно, Джек. Если бы не женщины, мы жили бы счастливо, как жаворонки в поднебесье.

– Я вспомнил еще одно мудрое высказывание по этому поводу. По-моему, оно принадлежит старому женоненавистнику Тому Деккеру. Он говорил: «Если бы не было женщин, мужчины жили бы как боги».

– Боги. Вон как ты загнул, Джек! – Роб поднял бокал для

тоста. – Верно! Именно так мы и будем жить теперь, когда избавились от женщин... правда?

– Правда! – Джек поднял свой бокал и попытался чокнуться с Робом. Это у него получилось только с третьего раза.

– Как боги! – хором воскликнули они.

После того как они осушили бокалы, Роб уронил голову на стол и жалобно простонал:

– Господи, ну почему Шарлотта мне отказала? Я думал, что мы с ней друзья!

– Ты слишком торопил события, Роб. Наверное, она еще не пережила наш разрыв, – пожал плечами, предположил Джек.

– Черт бы тебя побрал! И почему женщины так сильно любят тебя и совсем не любят меня? – пробормотал Роб, не поднимая головы со стола.

– Не все меня любят, – нахмурился Джек. – Аманда не любит меня. Не хочет выходить за меня замуж. Ничего, теперь я уже больше не суну нос в эту мышеловку! Любовь сводит человека с ума, знаешь ли. А когда твое чувство безответно, это очень стыдно.

Джек преисполнился жалости к самому себе и тоже уткнулся лбом в сложенные на столе руки.

– Боже ты мой! – раздался у него над ухом знакомый голос, и Джек, с трудом приподняв голову, увидел перед собой лицо брата. Джулиан смотрел на него с презрением.

– Что ты здесь делаешь, Джулиан? Это место не для тебя, – удивился Джек.

– Конечно, братишка. – Джулиан усмехнулся, отдав должное его трезвой оценке окружающей действительности. – Но это место и не для тебя. – Он нагнулся и взял Джека под локоть. – Я искал тебя по всему городу, несносный пьянчуга.

– Зачем?

– Нам нужно поговорить. Ты поедешь со мной домой, где я смогу приготовить тебе крепкий кофе. Ты должен сначала протрезветь, чтобы понять то, что я собираюсь тебе сказать.

– Я не против того, чтобы поехать домой. – Джек начал подниматься на ватных ногах, и от перемены позы у него закружилась голова, так что ему пришлось схватиться за стол обеими руками. Роб спокойно дремал. – А как же Роб? По-моему, он порядком набрался. Не можем же мы его бросить на произвол судьбы среди этих воришек и подпольных маклеров.

– Не можем, – равнодушно бросил Джулиан. – Хотя здесь ему самое место. Я прикажу фореиторам погрузить его в кеб. Не волнуйся. Если я назову свое имя возчику и хорошо ему заплачу, он довезет твоего... друга до дома и не ограбит его по дороге.

Джек кивнул и позволил Джулиану отвести себя в экипаж. Стоило ему оказаться сидящим на мягких подушках, как он тут же провалился в сон. Проснулся он лишь тогда, когда поднимался по лестнице в библиотеку Джулиана, держащего

его под руку.

Выпив несколько чашек раскаленного крепкого кофе, Джек почти пришел в себя, если не считать того, что голова у него раскалывалась от бессонной ночи, проведенной в кабаке. Джулиан, сидя в удобном кресле у камина, наблюдал за тем, как его брат медленно возвращается к жизни.

– Ты смотришь на меня так, словно у меня вырос еще один нос, – недовольно проворчал Джек.

– Я гораздо больше обрадовался бы, если бы у тебя вырос еще один мозг. Тот, который у тебя есть, похоже, работает не слишком хорошо.

– В чем дело, брат? – нахмурился Джек. – Ты и раньше видел меня пьяным.

– Ты напивался время от времени, как это делают все молодые бездельники в этом городе, но в последнее время у тебя это вошло в привычку.

– Ты же знаешь, я праздную счастливое избавление от оков брака, – усмехнулся Джек.

– Ничего подобного. Ты напиваешься до бесчувствия, чтобы забыть о том, что мисс Дарлингтон отказалась выйти за тебя замуж.

– Откуда ты об этом знаешь? – Джек напрягся и залпом осушил еще одну чашку кофе.

– Тетушки Аманды мне все рассказали. И еще много чего, что до сих пор хранили в тайне.

– Значит, ты сошелся с ними достаточно близко? Я вижу,

ты проявляешь живой интерес к судьбе этой семьи, – ревниво усмехнулся Джек. – Скажи честно, Джулиан... Ты сам имеешь виды на Аманду? – Он напрягся в ожидании ответа.

– Конечно, нет. Ты считаешь, что я стану ухаживать за женщиной, в которую безумно влюблен мой брат? И к тому же за той, с которой он... состоял в интимной связи?

– Об этом тебе тоже рассказали тетушки?

– За кого ты меня принимаешь? – возмутился Джулиан. – Об этом я догадался сам.

– Прошлой весной я состоял в интимной связи с оперной певицей, однако, это тебя не остановило.

– Это совсем другое дело. Мы говорим о благородной даме, Джек. В последнее время тебе каким-то образом удается заинтересовывать порядочных женщин. Сначала Шарлотту, потом...

– Говоришь, Шарлотту? Значит, ты на такой короткой ноге с моей бывшей невестой, что называешь ее по имени? Ты, который так щепетилен в вопросах этикета?

Джулиан удобнее развалился в кресле, скрестив ноги, в знак полного безразличия к возмущенной речи Джека.

– Перестань, я всегда так ее называл. И никогда не скрывал своего восхищения этой женщиной. Если помнишь, я радовался больше всех, когда узнал о вашей помолвке. – Он нахмурился. – Но она слишком хороша для типа вроде Гамильтона. Не могу поверить, что у него хватило наглости предлагать ей руку и сердце через десять минут после того, как

она рассталась с тобой. Даже если бы она была не против, ее родители никогда не согласились бы на этот брак. Не могу понять, откуда в этом парне столько нахальства!

– Господи, да ты к ней равнодушен! Определенно! – изумленно воскликнул Джек. – Я даже и предположить не мог... Джулиан, скажи, это серьезно?

– Возможно, – спокойно признался тот, и его черты вновь обрели царственную невозмутимость.

– Ты хочешь сказать, что готов взять на себя труд по продолжению рода Монтгомери? – усмехнулся Джек. – Ты до сих пор был так разборчив и требователен в отношении женщин, что я уже начал думать, что это бремя ляжет на мои плечи. Надо же!

– Я привез тебя сюда не для того, чтобы обсуждать мое будущее, Джек. Речь о другом. Как тебе известно, я помогаю мисс Дарлингтон в воспитании ее сестры Саманты.

– Да, поэтому ты едешь в Суррей несколько раз в неделю, – завистливо пробормотал Джек. Ему хотелось, чтобы его тоже принимали в Дарлингтон-Холле радушно. – Ну и как поживает эта непоседа?

– Дерзка и несносна, как и раньше. Однако в ней чувствуется сильная натура, которая при правильном воспитании и чутком руководстве... – Джулиан покачал головой, прерывая сам себя. – Короче, если добиться ее расположения и приложить небольшие усилия, она легко превратится из Золушки в прекрасную принцессу.

– Правда? – заинтересовался Джек. – А как это можно сделать?

– Не знаю. Пока она ухитряется доводить до белого каления всех учителей, которых ей нанимает мисс Дарлингтон.

– Как они ладят? – Джек болезненно поморщился при очередном упоминании об Аманде. – Я имею в виду, Сэм и Аманду. Аманда рада, что разыскала сестру? Ей было очень важно исправить допущенную отцом несправедливость.

– Они понемногу учатся доверять друг другу. Иногда в их беседах даже проскальзывают дружеские нотки. Однако Сэм часто совершает поступки с одной целью – досадить мисс Дарлингтон.

– Это мне знакомо, – ухмыльнулся Джек.

– Я единственный человек, который может заставить Саманту учиться, следить за своей речью и манерами, и так далее.

– Ну, в этом смысле равных тебе нет! Ты – признанный арбитр в вопросах этикета и – прости за сравнение – опасен, как сам дьявол. Лучшего воспитателя для этого сорванца просто не сыскать.

– Согласен. Но мне не нравится ездить в Суррей так часто. Поэтому я настоял на том, чтобы мисс Дарлингтон сняла дом в Лондоне еще до Рождества.

– Что?

– Я нашел для нее милый домик в Мейфэре. Очень приличный и недорогой.

– Но...

– Таким образом, я смогу регулярно навещать Саманту и обуздывать ее характер. В последнее время я что-то заскучай, и идея превращения Сэм в прекрасную принцессу, думаю, меня развлечет.

– Ты хочешь сказать...

– К тому же я уговорил мисс Дарлингтон, коль скоро она окажется в Лондоне, принять участие в предстоящем сезоне. Я считаю, что она сполна отдала долг уважения покойным родителям и уже может сменить траурное платье на светский туалет.

– Да, горевать ей больше не о чем! – с досадой отозвался Джек.

– Вот именно. Танцевать на балах она, наверное, не станет, но посещать приемы и рауты сможет.

– Но, Джулиан... – попытался прервать его Джек.

– Что касается Сэм, то она не выйдет в свет, пока не будет к этому полностью готова. Никто не станет интересоваться ею, пока она сидит за ученической партой. Развлечения вне дома будут краткими и подконтрольными. Ей придется обойтись без общения со сверстницами и оставаться в узком семейном кругу до следующей весны, когда она выйдет в свет. Мы представим ее как осиротевшую кузину Аманды. По счастью, у Аманды есть бездетные дядя и тетя в Камбрии, которые умерли несколько лет назад. Она говорит, что они были людьми бедными, но вполне уважаемыми.

– Послушай, я хочу знать...

– К началу нового сезона я подготовлю Сэм таким образом, чтобы она могла войти в лучшие салоны Лондона. С приданым, которое Аманда щедро выделила для нее, и с моим покровительством девушка сможет найти себе хорошую партию.

– Аманда приезжает в Лондон? – спросил Джек, наклонившись вперед и схватив брата за руки.

– Ты что, меня не слушаешь, братишка? – лениво улыбнулся Джулиан.

– Она говорила, что первый и единственный в ее жизни сезон был сушим кошмаром. Ты уверен, что она захочет выйти в свет?

– Абсолютно уверен. Она теперь чувствует себя гораздо увереннее, нежели когда была зеленой девочкой, только что вышедшей из-за школьной парты. К тому же родители воспитывали ее слишком строго. Это в прошлом. Кстати, я заказал для нее у Салли Джерси абонемент в «Олмак» и уже организовал ей приглашение на музыкальный вечер к Куперам.

– Черт побери! – только и смог ответить Джек.

Джулиан поднялся и насмешливо взглянул на брата.

– Все это означает, что у тебя есть сорок восемь часов, чтобы привести себя в порядок. Если ты, конечно, не разучился еще вести счет дням и часам.

– Ты думаешь, у меня есть шанс заставить ее изменить

свое решение? – спросил Джек.

– Единственный способ узнать это – попытаться это сделать. Если ты позаботишься о том, чтобы постоянно сталкиваться с ней в свете, и постарайся быть насколько это возможно обаятельным, может быть, она и ответит тебе взаимностью. Она не похожа на бесчувственную куклу. Скорее, наоборот. Она мне по душе, Джек.

– Это высшая похвала, на какую ты способен, – усмехнулся Джек. – Но я не думаю, что обаяние поможет мне вернуть ее доверие.

– Ты знаешь ее лучше, чем я, братец. Тебе судить. – Джулиан смотрел в пол, размышляя над тем, стоит ли сказать брату кое-что еще. Наконец он решился: – И еще, слушай голос сердца. Союзы, совершаемые по любви, а не по расчету, чрезвычайно редки. Не позволяй счастью ускользнуть от тебя, братишка. – С этими словами, словно устыдившись своей сентиментальности, Джулиан встал с кресла и быстро вышел из комнаты.

Джек улыбнулся и покачал головой. Джулиан подавлял окружающих своим высокомерием, и люди зачастую боялись его. Но если бы они знали, насколько мягок и добр на самом деле его брат, если бы только смогли разглядеть эти качества за неприступным фасадом, они бы очень удивились. Но Джулиан скрывал свою истинную сущность от всех, и Джек уважал его право на это.

Исполненный решимости и надежды, он вскочил с кресла

и тут же схватился за спинку, потому что у него опять закружилась голова. Джек не мог сдержать глупой улыбки. Через два дня он увидит Аманду! Интересно, как она будет выглядеть? Ну разумеется, она будет выглядеть как ангел небесный!

* * *

– Как я выгляжу, Сэм? – Аманда крутилась перед зеркалом в спальне своего лондонского, дома. – Как думаешь, сойдет?

Сэм сидела на ее кровати в длинной ночной рубашке, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками. Она задумчиво склонила головку набок и с интересом разглядывала новое платье Аманды. Гигиена и хорошее питание преобразили Саманту до неузнаваемости: она поправилась, похорошела и выглядела теперь более женственной, чем в тот день, когда Аманда нашла ее на Торни-Айленде.

Она была гибкой, хрупкой девочкой с маленькими изящными руками и лукавым выражением лица. Если не считать того, что глаза у нее были скорее серые, чем голубые, их сходство с Амандой казалось просто поразительным, и им трудно было выдавать себя за двоюродных сестер.

– Ну что, Сэм? Почему ты ничего не говоришь? – настаивала Аманда.

– Я не знаю, что сказать, – призналась девушка. – Я не

знаю, как должна выглядеть светская дама, когда отправляется на музыкальный вечер.

Она произнесла слова «музыкальный вечер» таким тоном, словно это было название какой-то отвратительной болезни.

– Ты ведь смотрела модные журналы! – засмеялась Аманда.

– Только потому, что твоя портниха меня заставила, – скорчила недовольную гримасу Сэм.

– Как ты считаешь, мое платье лучше тех моделей, которые ты видела в журнале?

Сэм задумалась над ее словами, пока Аманда расправляла складки своего вечернего платья. Талия была завышена и доходила почти до груди, декольте занижено, а пышные рукава оторочены темным кружевом. Шелковая юбка в складку приятно шуршала при ходьбе.

Черные перчатки скрывали руки Аманды почти до локтей. Синие атласные туфельки были подобраны в тон платью. Украшения она выбрала довольно скромные: сапфировый кулон и серьги. В волосы вплела черную атласную ленту, украшенную драгоценностями.

Аманда чувствовала себя бабочкой, вылупившейся из черного кокона. Ее сотрясала нервная дрожь, но она была преисполнена решимости преодолеть еще один лондонский сезон. Ее успокаивал тот факт, что он уже заканчивался и осенью в городе было совсем мало народу. Она заставляла себя не думать о Джеке, но не могла избавиться от волнения.

Вдруг она встретит его там? Что она станет делать, если он подойдет, заговорит с ней?..

Она призвала все свое самообладание, чтобы перестать фантазировать на этот счет. Он исполнил свой долг, предложив ей руку и сердце, но она ему отказала. Они расстались друзьями. Возможно, он вообще давно выкинул ее из головы и завел себе новую любовницу.

Если бы только она могла забыть его так же легко... Даже если у нее заведутся поклонники, Джек затмит их своей красотой и обаянием. Дело не в том, что она теперь не девственница, а это, как известно, является одним из главных достоинств женщины, желающей вступить в брак. У нее было чувство, что она принадлежит Джеку. Она не могла представить себе интимной близости с другим мужчиной.

– О чем это ты размечталась?

Аманда вздрогнула от неожиданности и посмотрела на Сэм. Огромные глаза сестры были устремлены на нее, и Аманда покраснела. Может быть, девочке и не хватало образования, но в проницательности отказать ей было нельзя.

– Я... да ни о чем особенном, – солгала она. – Просто представила себе, каким будет вечер. И еще я жду твоего мнения о своем платье.

Сэм недоверчиво приподняла бровь. Интересно, где эта девчушка научилась такту? Или это просто проявление природной хитрости? Жизнь многому ее научила, вынудив бороться за существование в жестоких условиях.

– По-моему, ты выглядишь так, как я всегда представляла себе ангелов из Библии, – ответила Сэм так непринужденно, что Аманда поверила в ее искренность, и ее щеки зарумянились от удовольствия.

– Но ведь ангелы должны одеваться в белые одежды, – возразила она.

– А ты вечерний ангел, – уверенно отозвалась Сэм. – У тебя одежда цвета заката.

– Спасибо, Сэм, очень мило с твоей стороны сравнить меня с ангелом, – тепло улыбнулась Аманда.

Теперь смущенно покраснела девушка. Она терпеть не могла, когда ее благодарили, потому что не хотела, чтобы ее считали доброй.

– Да ладно, ни к чему это, – отмахнулась она.

Аманда благоразумно не стала акцентировать внимание на этом разговоре, взяла сумочку с подзеркального столика и направилась к двери. Она была уже на пороге, когда в комнату ворвались тетушки.

– Поторопись, Аманда Джейн! – возбужденно воскликнула тетя Прис, подобрав юбки, словно собралась бежать на музыкальный вечер вприпрыжку. – Мы опоздаем!

– Немного опоздать – это хороший тон, – урезонила ее сестра. – И потом, Аманда уже готова. И если ты перестанешь суетиться, то сама увидишь, что это так! – Она оглядела племянницу и улыбнулась: – Ты выглядишь потрясающе! Как ты думаешь, Саманта?

– Откуда мне знать, – пожалала плечами Сэм, не желая, чтобы ее опять поймали на том, что она проявляет человеческие чувства.

Аманда знаком дала тетушкам понять, что сейчас не следует читать девочке нотации. Они переглянулись и молча направились к двери. Аманда последовала за ними.

В конце лестницы Аманда оглянулась на Сэм, которая перевесилась через перила и смотрела на нее сверху. Видно было, что она завидует сестре. Может быть, ей тоже хочется надеть вечернее платье и выгладеть настоящей леди?

– Ты сразу ляжешь спать, да? – обратилась к ней Нэнси.

– Конечно, что мне еще остается делать! – недовольно пробурчала Саманта.

– Я расскажу тебе завтра, как прошел вечер, – пообещала Аманда, пока лакей набрасывал ей на плечи плащ.

– Как хочешь, – независимо пожалала плечами Сэм. – А танцы там будут? – с любопытством спросила она.

– Нет. И это очень хорошо, потому что Аманде Джейн нельзя танцевать, – отозвалась Нэн.

– А вы все еще танцуете... когда бывают танцы, тетя Нэн? – не унималась Сэм.

– Нет, танцы не для таких почтенных матрон, как мы с Прис. Мы просто сидим в уголочке и смотрим, как веселится молодежь. Сегодня мы будем следить за тем, чтобы какой-нибудь молодой нахал не начал подкатываться к твоей сестре.

– Тетя Нэн! – засмеялась Аманда. – Можно подумать, что я кого-нибудь заинтересую!

– Ты себя недооцениваешь, моя дорогая, – вмешалась Прис. – Не уверена, что даже две такие умудренные опытом компаньонки, как мы с Нэнси, сможем удержать на расстоянии всех, кто захочет с тобой познакомиться.

Аманда с улыбкой покачала головой.

– Как ты думаешь, Джулиан умеет танцевать? – спросила вдруг Сэм. Этот предмет больше всего ее интересовал.

– Думаю, умеет. А почему ты спрашиваешь?

– Ну... ведь он еще не старый?

Прис вдруг хмыкнула с неподобающим леди легкомыслием:

– Он не стар не только для того, чтобы танцевать... но и для многих других вещей, девочка. Такой импозантный мужчина! И Джек – тоже.

Нэнси недовольно покосилась на сестру из-под полей шляпки. Аманда в это время смущенно возилась с лентами своей шляпки, чтобы не встречаться с тетушкой взглядом.

– Сказать Джулиану, что ты передаешь ему привет? – неожиданно спросила тетушка Нэн.

– Если хочешь, – нарочито равнодушно пожала плечами Саманта.

– Тогда передам. Спокойной ночи, дорогая, – кивнула ей Нэн.

– Приятных сновидений, – улыбнулась Прис.

Аманда постаралась не думать о Джеке и тоже попрощалась с Сэм, но в ту минуту, когда она переступила порог дома, ее мысли снова вернулись к нему.

Увидит ли она его сегодня?

* * *

Сэм подбежала к окну, чтобы посмотреть, как экипаж увозит сестру и тетушек на музыкальный вечер к леди Купер. Она мечтательно уставилась в туманную мглу, окутывающую улицу, с которой доносился цокот лошадиных копыт по брусчатой мостовой.

Сэм никак не могла решить, нравится ли ей Лондон. Здесь было очень шумно, и главное – за все свои семнадцать лет она ни разу не жила взаперти. Она скучала по острову, морю и бесконечному песчаному пляжу. Суровая красота этого уединенного места, особенно впечатляющая, когда сидишь вечером у костра со своими собаками и любишь закатом, часто вызывала у нее ностальгическое чувство. А вот по своему полуголодному существованию и одиночеству она не скучала вообще.

Дарлингтон-Холл оказался приятным местом. Там она получила в свое распоряжение резвую кобылу, которую звали Розочка. Там у нее были ее собаки, которые чувствовали себя привольно на огромных просторах поместья. Можно было не думать о еде, а слуги держались с ней почтительно. Аман-

да и ее тетушки были добры к ней... хотя Прис и Нэн, будучи сестрами матери Аманды, в прямом смысле тетушками ей не были. Но они настояли на том, чтобы Сэм называла их именно так.

Со временем ей стало нравиться принимать ванну, она полюбила запах мыла и свежего постельного белья. Иными словами, она привыкла к новому образу жизни, однако ее угнетали некоторые правила, к которым ей пришлось привыкать в ее новом положении.

В Дарлингтон-Холле она отпугивала всех учителей, которых Аманда ей нанимала, чтобы превратить ее в «образованную барышню», тем, что притворялась, насколько это возможно, тупой и нахальной. Она не хотела, чтобы ее учили они. Она хотела, чтобы один лишь Джулиан говорил ей, что она должна делать.

Сэм нежно улыбнулась, подумав о нем. Единственное, что примиряло ее с замкнутым существованием в Лондоне, было то, что она почти каждый день его видела.

Саманта отошла от окна и направилась к высокому зеркалу, перед которым недавно вертелась Аманда. Она изучила свое отражение и пришла к выводу, что в просторной и длинной ночной рубашке, которая скрывала формы ее тела, она похожа на большого ребенка. Сэм нахмурилась. Именно так Джулиан к ней и относится – как к большому ребенку.

Неужели он слишком стар для нее? Когда однажды она спросила тетю Прис о том, сколько ему лет, та ответила, что

на вид, пожалуй, не больше тридцати пяти. При современной жизни это весьма солидный возраст. На Сэм эта цифра произвела впечатление. Но во времена Мафусаила он бы считался совсем молодым. И тогда у него было бы несколько жен и куча наложниц, в кругу которых он получал бы телесное и духовное наслаждение.

Сэм провела руками по бокам и приподняла свои маленькие груди, разглядывая их в зеркале. Интересно, а она красивая? Достаточно ли она красивая, чтобы привлечь такого мужчину, как Джулиан? Этот вопрос не давал ей покоя.

Во времена Ветхого Завета она была бы счастлива стать одной из его наложниц, лишь бы только принадлежать ему. Но еще сильнее она хотела стать для него единственной. В наши дни мужчине полагалась только одна жена, и она решила стать ею. «Или любовницей», – с лукавой улыбкой подумала она.

И вдруг нахмурилась. Откуда вдруг взялась эта мысль? Разумеется, она никогда не станет ничьей любовницей. Она не станет повторять ошибок своей матери, за грех которой заплатила семнадцатью годами страданий и одиночества.

Саманта потрясла головой, гоня прочь глупые мысли, которые вбила ей в голову старуха Гримшо. Она изящным жестом приподняла края ночной рубашки и склонилась перед зеркалом в глубоком реверансе.

– Да, ваша светлость, – с улыбкой произнесла она, кокетливо коснувшись подбородка указательным пальцем. – Я с

удовольствием потанцую с вами. Но может быть, вы сначала пригласите принцессу?

Затем она часто заморгала и сделала вид, будто обмахивается веером:

– О, Джулиан! Не говорите так! Вы заставляете меня краснеть от смущения!

И наконец, она закружилась по комнате, бубня себе что-то под нос. В ее воображении прекраснее мелодии не существовало на всем белом свете.

Глава 19

К тому времени, когда Джек переступил порог салона леди Купер, здесь уже собрались сливки лондонского света... во всяком случае, те, которые не отказались от городских развлечений ради спокойной, размеренной жизни в провинции. Джек остановился в дверях и, поправляя манжеты сорочки, сразу же начал высматривать Аманду.

– Не понимаю, почему нужно было нестись сюда сломя голову, – пробормотал Роб, появляясь у него за спиной. Он тяжело дышал и отдувался после быстрого подъема по длинной лестнице. – Я думал, мы сначала заедем к Будлзу и пропустим по стаканчику. Готов поклясться, что здесь будет ужасно скучно.

– Ты уже и так достаточно набрался, – нахмурился Джек. – Ты становишься таким же алкоголиком, как принц-регент.

– Ты и сам в последнее время нередко закладываешь за воротник, – ответил Роб, приглаживая всклокоченные волосы. – Ты злишься на меня потому, что сегодня по чистой случайности оказался трезв. И потом, что я могу поделать? У меня опять проблемы с деньгами. – Он обвел мутным взглядом ярко освещенную гостиную, в которой было полно дам, осыпанных бриллиантами. – Вот если бы мне раздобыть, например, вон то кольцо, которое сейчас украшает тощую шею Доротеи Ливен, то все мои проблемы остались бы в про-

ШЛОМ.

– Не стоит опускаться до воровства, Роб, – сухо посоветовал Джек. – Я ведь взял на себя оплату всех твоих хозяйственных счетов, так что твое положение не такое уж отчаянное. А вот платить твоим кредиторам в игорных домах я не намерен. Тебе следует ограничить расходы тем содержанием, которое присылает тебе «дядя» из Йоркшира, и не забывать вовремя расплачиваться с кредиторами. А пока...

– Да, да, я знаю! Я должен отказаться от игры. Но это не так-то легко сделать.

– Я понимаю. Но сейчас мы не будем это обсуждать... – Джек наконец разглядел в толпе пышную светлую прическу, и сердце екнуло в его груди при мысли, что это может быть его милая Аманда.

– Кажется, это она, – пробормотал он себе под нос.

– Что? – Роб проследил за его взглядом. – И кто же наша очередная красотка? – внезапно заинтересовавшись новой пассией друга, спросил он. Он вдруг стал похож на волка, учуявшего ягненка и высунувшего морду из травы, чтобы разглядеть свою жертву.

– Я говорю об Аманде.

– О твоей Аманде? – Глаза Роба изумленно округлились.

– Для тебя она мисс Дарлингтон.

– Наверняка хорошенькая. Да и богатая в придачу, а?

– Надеюсь.

– Я думал, она не хочет иметь с тобой ничего общего, или

я ошибаюсь?

– Да. Но я собираюсь сегодня сделать еще одну попытку, – ответил Джек, упорно не отводя взгляда от кого-то в толпе гостей.

– Возможно, у тебя это получится, – проворчал Роб, подхватив бокал шампанского с подноса проходившего мимо лакея. Обернувшись, он увидел, что Джек стремительно пробирается сквозь толпу, вежливо раскланиваясь со знакомыми.

Джек был рад, что Роб не пошел за ним... хотя пить шампанское в начале вечера ему бы не стоило. С некоторых пор его приятель все свободное время проводил за игорным столом или в кабаке. Он губил свое здоровье и теперь выглядел непрезентабельно на фоне рафинированной светской публики. Его не пригласили бы сюда, если бы он не пришел вместе с Джеком, которому уже надоело поддерживать Роба материально и всюду таскать его за собой, тем более что тот не собирался менять свой образ жизни. Однако Джек всегда помнил о том, что обязан Робу жизнью.

Впрочем, сейчас Джеку не хотелось думать о Робе и его проблемах. У него была своя большая проблема. Ему предстояло как-то вырвать Аманду из плотного кольца поклонников и сделать так, чтобы они смогли поговорить наедине. Джек уже принял решение. Независимо от того, изменит ли она свое отношение к нему, он в любом случае признается ей в любви. Ставка очень высока, но если повезет, он полу-

чит то, о чем так долго мечтал.

Ему посчастливилось добраться до Аманды беспрепятственно и быстро, он не задерживался даже для того, чтобы лишний раз раскланяться с гостями. Некоторые были приятно поражены тем, что снова видят его после долгого отсутствия. Кое-кто воспользовался его появлением, чтобы пустить новую волну слухов о его расторгнутой помолвке и поделиться подробностями обстоятельств, связанных с этим инцидентом.

Но в десяти футах от цели его неожиданно окружили приятели. В этом кружке было двое мужчин и несколько женщин. Стараясь быть вежливым, а в душе посылая их к черту, Джек высматривал Аманду поверх их голов.

Она была почти рядом. Тот кружок, в котором она стояла, находился в центре гостиной, поэтому Аманда хорошо видела Джека и его веселое окружение. Их взгляды встретились и задержались на мгновение. Сердце Джека бешено заколотилось, а во рту стало сухо, как в пустыне Сахара.

Господи, как же она хороша! Он не ошибся, думая, что она будет похожа на ангела, потому что в ней действительно было что-то от внеземного создания. И похоже, многие мужчины на этом вечере были того же мнения. Но разница заключалась в том, что он знал ее и любил не только за красоту. Она принадлежала ему телом и душой. Ему вдруг захотелось, как настоящему дикарю, наброситься на всех этих ухажеров, раскидать их в стороны, как мелких лесных зверу-

шек, взвалить Аманду на плечо и утащить в чашу, в пещеру, чтобы она принадлежала только ему одному.

Джек испугался, что это дикое чувство, нахлынувшее на него, отразится на его лице. Ресницы у Аманды дрогнули, и она покачнулась. Он подумал, что она сейчас упадет в обморок, и ему захотелось прижать ее к себе. Он должен любой ценой освободиться от своих знакомых и добраться до любимой... Но люди, окружившие его, не хотели с ним расставаться, и ему пришлось смирить нетерпение в угоду этикету.

Джек с трудом оторвал взгляд от Аманды и потратил на ненужную болтовню несколько минут – драгоценных минут, которые он мог бы провести с ней. Когда наконец он сумел вырваться из кольца друзей, Аманда исчезла...

Джека спас его высокий рост. Он рванулся вперед, стараясь разглядеть ее поверх голов. Когда он уже готов был впасть в отчаяние и в ярости едва не оттолкнул мешавшего ему пройти господина, вдали мелькнула прическа, тут же скрывшаяся за портьерой на двери, ведущей на балкон. Джек устремился туда, на ходу отбиваясь от новых желающих с ним поболтать.

Дверь, через которую вышла Аманда, осталась чуть приоткрытой, и Джек бесшумно выскользнул на балкон, стараясь остаться незамеченным. Аманда стояла к нему спиной и любовалась садом и газоном вокруг дома леди Купер. Луна была почти полной, в ее свете волосы Аманды отливали серебром. Джек шагнул к ней.

И в этот момент она обернулась. Ее губы чуть приоткрылись от удивления и словно поманили его. Джек не мог бороться с собой и отринул все правила приличия. Он сжал ее в объятиях и жадно прижался к ее губам.

Сначала она пробовала отбиваться, колотя его по спине маленькими кулачками. Затем сдалась и обмякла в его руках. И наконец, прижалась к нему всем телом и обняла его за шею.

Их руки двигались в унисон, заряжаясь друг от друга энергией страсти. Поцелуй становился все более глубоким и требовательным. Джек вдруг почувствовал, что не в силах больше сдерживать свое желание.

Аманда подняла на него затуманенные, повлажневшие глаза.

– Господи, как же я ненавижу тебя, Джексон Монтгомери! – прошептала она и, уткнувшись лицом ему в грудь, рыдалась.

Джек был ошарашен и не знал, как поступить. Она приникла к нему, и это было хорошим знаком, но почему же она говорит, что ненавидит? Он заставил себя набраться терпения и дать ей выплакаться, ласково глядя ее по плечу, чтобы отвлечься от растущего давления в чреслах. Наконец она перестала рыдать и, тихо всхлипывая, полезла в карман за платком. Джек достал свой и протянул ей.

Аманда отстранилась от него, вытерла слезы и высморкалась. И вдруг обратила на него вызывающий взгляд:

– Наверное, я выгляжу ужасно. Нос у меня красный, как клубника, да?

– Ты выглядишь восхитительно, – ответил он, сжав ее лицо в ладонях. Он говорил правду. Носик у нее действительно покраснел, но еле заметно, а глаза сверкали от непролитых слез, отчего она стала еще краше. – Ты прекрасна как никогда, дорогая.

– Ты только говоришь так, а на самом деле думаешь по-другому, – тихо сказала она, потупившись и комкая платок.

Он снова положил ей руки на плечи, и она вздрогнула. Джек надеялся, что это хороший знак.

– Ты сказала это всерьез? Ты действительно меня ненавидишь? – осторожно поинтересовался он.

– Нет, но я хочу... – Она вздохнула и прижалась щекой к его груди.

– Что, Аманда? Я не слышу тебя, дорогая.

– Я хотела бы тебя ненавидеть.

– Но почему?

– Потому что ты дамский угодник. То, что я видела сегодня, лишь подтверждает мои слова.

– Но и ты, моя милая, сегодня весь вечер провела в компании поклонников. Когда я приехал, к тебе невозможно было подступить из-за кавалеров, которые окружили тебя, словно королевская свита во время ежедневной прогулки монарха в Брайтоне. Ты настоящая королева бала, Аманда.

Она смущенно покраснела, но не стала с ним спорить. Он

улыбнулся и крепко обнял ее.

– Милая моя девочка, как бы мне хотелось, чтобы ты выбросила из головы все мысли о ненависти ко мне!

– Почему? – Она удивленно посмотрела на него.

– Потому что из-за них мне трудно сказать тебе о своих чувствах, – признался он с кривой усмешкой.

– Чувствах ко мне? – тихо промолвила она и прикусила губу.

Усмешка стерлась с лица Джека. Он вдруг стал серьезен и пристально посмотрел ей в лицо, с любовью разглядывая дорогие черты.

– Уже много недель – возможно, с того момента, как я впервые увидел тебя, Аманда Джейн Дарлингтон, – я безумно тебя люблю. Больше своей жизни.

– О, Джек... – Ее глаза опять наполнились слезами. Наконец-то он произнес слова, которые она так жаждала услышать! Теперь она готова была поверить ему, понять и простить его ложь. Она готова была выйти за него замуж – если он снова предложит ей себя. – Я тоже люблю тебя, Джек, – чуть слышно прошептала она.

– Означает ли это, что ты прощаешь мне мою ложь? – Его глаза радостно блеснули. – Ты сможешь вновь мне поверить? Я тоскую без тебя и не могу ни о ком больше думать. Скажи, что мы можем начать все сначала, что ты дашь мне еще один шанс, и мне больше ничего не нужно для счастья.

– Джек, я прощаю тебя, и я тебе верю. – Она погладила

его по щеке. – Давай не будем больше тратить время на взаимные обиды. Оставим их в прошлом. Мне кажется, я знаю, почему ты солгал мне тогда. Но теперь мы вместе, а остальное не важно.

– Как это мудро с вашей стороны, мисс Дарлингтон, – нежно улыбнулся он. – В конце концов, разве есть что-нибудь более ценное, чем настоящее? Предлагаю с этого момента делать лишь то, что доставит нам обоим радость. – Он наклонился и поцеловал ее.

– Джек?

Они вздрогнули и одновременно обернулись на звук мелодичного женского голоса. В дверях стояла леди Купер собственной персоной. Аманда и Джек отпрянули друг от друга, как застигнутые за недозволенной шалостью дети.

Леди Купер рассмеялась. Она была милой женщиной, что Аманда успела понять уже из первого разговора с ней в момент знакомства. Хозяйка дома считалась самой доброй патронессой в «Олмаке». Она игриво погрозила им пальцем.

– Не знаю, куда смотрят ваши компаньонки, мисс Дарлингтон, и почему они позволяют вам оставаться наедине с таким сердцеедом, как Джек... или с кем-то другим. Если злые языки начнут распускать слухи на ваш счет, то Салли Джерси, возможно, отзовет абонемент, который вам выслала. Так что я предлагаю вам вернуться к гостям сию же минуту, иначе ваша репутация, мисс Дарлингтон, окажется под угрозой.

– Благодарю вас, миледи, за напоминание, – ответил Джек с очаровательной улыбкой. – Разумеется, я не хочу повредить репутации мисс Дарлингтон... и по гораздо более серьезным причинам, чем вы предполагаете.

– Вот как? Интересно! – Леди Купер приподняла красиво изогнутую бровь.

Аманда надеялась, что Джек намекает на то, что собирается взять ее в жены. Если бы леди Купер не помешала им, возможно, он сделал бы ей предложение еще раз. Аманда возносила страстные молитвы к небесам. Он любит ее... Одно это может сделать ее счастливой. Неужели возможно еще большее счастье? Неужели ее заветные мечты могут сбыться?

* * *

– Вот видишь, Нэн, они возвращаются. Я уверена, что леди Купер не рассердилась, а просто предупредила Аманду о возможных последствиях ее поведения.

Роб стоял за портьерой в нише у окна и подслушивал разговор двух пожилых леди. Его совсем не было видно, чего он, собственно, и хотел. Он заметил, как Джек вышел на балкон следом за Амандой, и уединился в этом тихом месте, чтобы отхлебнуть ирландского виски из фляжки, которую всегда носил с собой.

Он начинал всем сердцем ненавидеть Джека. Похоже, что

этому пройдохе удастся заполучить женщину своей мечты. Это было чертовски несправедливо. Он вдруг ощутил острое желание помешать Джеку в достижении его цели.

Именно в этот момент он и услышал разговор тетушек Аманды. Они не могли предположить, что кто-то их подслушивает, поэтому их беседа была довольно откровенна. Роб превратился в слух: вдруг ему удастся узнать что-то, что можно будет потом использовать против Джека?

– Если бы это был любой другой мужчина, а не Джек, я бы этого не допустила, – сказала Нэн.

– Конечно, нет. Но мы ведь знаем, что Аманда влюблена в него. Даже если поползут слухи, сплетникам тут же придется прикусить языки, как только в газетах появится объявление о помолвке. И тогда никто не вспомнит о том, что она провела с ним на балконе целых двадцать минут.

– Как ты думаешь, он сделает ей предложение? – забеспокоилась Нэн.

– Конечно, – уверенно ответила ее сестра. – Эти двое так любят друг друга, что мне даже завидно! Как бы мне хотелось снова стать молодой, чтобы целоваться с таким красавцем, как Джек! Знаешь, у меня от него мороз по коже... в хорошем смысле слова.

– Прис! – возмутилась Нэн и по-девичьи захихикала. – Должна признаться, что у меня тоже. Только не по коже, а в других, довольно интересных местах!

Роб усмехнулся и снова отхлебнул из фляжки. Он уже на-

чал думать, что подслушивать этих двух старых греховодниц только зря тратить время, потому что ничего интересного он не узнает. Они, как и все женщины, подпали под очарование Джека. И вдруг Нэн заговорила снова:

– Похоже, что Аманду Джейн ждет счастливый финал. Надеюсь, Саманте тоже повезет. Ведь ей столько пришлось пережить... Чего стоит одно только положение внебрачного ребенка!

Роб напрягся. Кто такая Саманта?

– Как ты думаешь, план лорда Серлинга выдать ее за осиротевшую кузину Аманды сработает?

– Я не сомневаюсь, что если лорд Серлинг объявит об этом в обществе, то ему поверят... особенно если он заставит ее получить приличное образование и лично представит в лучших салонах. Она вряд ли сделает блестящую партию, потому что ее темное прошлое может стать тому препятствием, но респектабельного жениха найдет несомненно.

– По правде говоря, она этого достойна, – заметила Прис. – Отец Аманды Джейн поступил как настоящий дикарь, обрекая бедную девочку на заточение. Подумать только, сестра Аманды жила столько лет на этом пустынном острове, а мы и понятия об этом не имели!

– Да, и это должно остаться нашей семейной тайной. Иначе Саманте будет трудно рассчитывать на удачный брак, и ужасное прошлое будет преследовать ее всю жизнь. А для Аманды очень важно видеть сестру счастливой.

– Да, наша милая Аманда Джейн готова на все ради нее!

На все?! Роб зловеще улыбнулся. Что ж, завтра утром он проверит, так ли это!

Кредиторы в игорных домах донимают его в последнее время все настойчивее, угрожая физической расправой. Если он не хочет, чтобы его покалечили в какой-нибудь темной аллее, ему придется заплатить или бежать на континент, чтобы остаток дней провести на чужбине в полной неизвестности.

Роб не был готов покинуть Англию, и теперь у него появилась надежда, что его положение может поправиться. Он знал, что шантажировать Аманду Дарлингтон – дело рискованное. Если Джек или Джулиан узнают об этом, ему придется дорого заплатить за свое преступление. И то, что девочке будет заказан путь в свет, станет для него небольшим утешением.

Роб понимал, что пускается в опасную авантюру... но ведь он игрок по призванию! И почему же он обязательно должен проиграть?

* * *

На следующее утро Аманда проснулась в прекрасном настроении и в предощущении радостного события. Джек обещал прийти к одиннадцати часам. И судя по тому, как они простились после музыкального вечера, он собирался нане-

сти ей визит, чтобы сделать официальное предложение.

Аманда напевала себе под нос что-то веселенькое, пока горничная помогала ей облачаться в зеленое муслиновое платье с рукавами по локоть, отороченными белыми кружевами. Фасон платья был прост, но изыскан, подчеркивая изящество ее фигуры. Аманда сияла от радости, разглядывая себя в зеркале.

Теперь она поняла, почему Джек солгал ей про потерю памяти. Возможно, она всегда это понимала, но ей необходимо было его признание в любви, чтобы разрушить эмоциональные барьеры, которые она сама воздвигла между ними. Пока она сердилась на Джека, ей было проще жить без него. Но теперь необходимость в подобной самозащите отпала. Он оказался хорошим человеком, смелым и надежным, как раз таким, с каким ей хотелось бы связать свою судьбу.

И он действительно ее любит! И если он сделает ей предложение сегодня утром, то не из чувства долга, а потому что не может жить без нее. И она ответит ему согласием, потому что тоже его любит...

Аманда спустилась вниз к завтраку и с удовольствием обнаружила в холле букеты цветов, доставленные от ее многочисленных поклонников, благодаривших ее за вчерашний вечер. Как приятно было сознавать, что она смогла занять свое место в обществе. Она теперь была согласна с Джеком, когда он говорил, что для этого надо лишь внутренне расслабиться и стать самой собой.

Она прочла несколько карточек, вложенных в букеты. Большинство превозносило ее красоту и прочие достоинства, но Аманда понимала, что это пустые слова и что все они забудут о ее существовании, как только им на глаза попадется другой достойный внимания объект.

Маленький букетик голубых незабудок, который терялся в изобилии роскошных роз, Аманда заметила, уже когда собралась уходить. К белой ленточке была привязана карточка:

Даже если я снова потеряю память – не приведи Господи! – я никогда не забуду, как сильно тебя люблю.

Джсек.

Прижав букетик к груди, Аманда не смогла сдержать слезы радости. Она вошла в столовую, но никого там не застала. На столе лежала еще одна записка, но теперь от тетушки Нэн:

Мы с Прис взяли с собой Саманту в женский приют в Спитафилдсе, про который я тебе рассказывала. К сожалению, мы очень редко бываем дома с тех пор, как поселились в Лондоне, но сейчас в приюте требуются добровольные помощники. О нас не беспокойся, мы взяли с собой Тео, Харли и Джо. Саманте нужно ознакомиться с благотворительностью, к тому же мы подумали, что лучше, если дом останется в полном твоём распоряжении на случай, если к тебе пожалует какой-нибудь особенный гость... Не жди нас раньше обеда.

Тетя Нэн.

Аманда прижала карточку к груди, довольная, как кот, увидевший крынку со сметаной. Милые тетушки! Они вчера и словом ни о чем таком не обмолвились. Она боялась сгладить, поэтому делала вид, что ничего особенного не происходит. Как же они догадались?

Аманда села за стол и наспех перекусила. Она старалась сосредоточиться на еде, чтобы время не тянулось так медленно и скорее наступило одиннадцать часов.

После завтрака она расположилась в гостиной и попыталась развлечь себя рукоделием. Вдруг в половине одиннадцатого на пороге возник Хенчпенни.

– К вам посетитель, мисс, – доложил он.

Аманда вскочила. Это Джек! Он пришел раньше на целых полчаса! Ему, наверное, тоже не терпится увидеться с ней.

Облизав пересохшие губы и оправив платье перед зеркалом, она повернулась к дворецкому, не удосужившись спросить имя раннего визитера:

– Пригласите его сюда.

– Вы уверены, что захотите принять его, мисс? – хмуро поинтересовался Хенчпенни. – Он выглядит не вполне...

– Не будьте таким занудой. Зовите его поскорее, – улыбнулась Аманда, предположив, что после визита Джека в Дарлингтон-Холл дворецкий счел себя вправе недолюбливать его.

– Но, мисс...

– Я жду этого джентльмена, Хенчпенни, – завершила его Аманда.

Тот нехотя повиновался и через минуту вернулся... с Робертом Гамильтоном – небритым и нетрезвым, с огромным синяком под глазом.

Аманда была поражена настолько, что на мгновение утратила дар речи.

– Мисс Дарлингтон, я вижу, вы удивлены, – произнес Роб с улыбкой, снимая шляпу. – Вероятно, вы ждали кого-то другого?

Аманда подумала, что совершила большую глупость, предположив, что никто, кроме Джека, не может прийти к ней сегодня утром с визитом, несмотря на то что накануне она завела массу новых знакомых.

Но Роберт Гамильтон явился, похоже, не для того, чтобы донимать ее своими ухаживаниями. Он был другом Джека, который познакомил их вчера, и они даже перекинулись парой слов. Тогда он показался Аманде каким-то нечистоплотным и даже слегка пьяным, теперь же у нее не было сомнений в том, что он пил с самого утра.

Роб выглядел отвратительно. Его одежда была грязной и мятой, как если бы он спал не раздеваясь. Его глаза были налиты кровью, а тот, под которым виднелся синяк, почти полностью заплыл. Скорее всего после вчерашнего вечера у леди Купер Роб отправился в какой-нибудь кабаk, где провел бурную ночь.

Но он был другом Джека. Когда-то, на войне, он спас ему жизнь, поэтому вправе был рассчитывать на теплый прием.

Аманда заставила себя улыбнуться и протянула ему руку. Когда Роб склонился над ее рукой и прикоснулся к ней губами, Аманда сделала знак Хенчпенни, чтобы тот удалился. Дворецкий был мрачнее тучи, но повиновался и закрыл за собой дверь.

– Присаживайтесь, мистер Гамильтон. – Аманда указала ему на диван.

Он сел, приняв довольно фривольную позу: одну руку забросил на спинку дивана, другой обнял колено, предварительно закинув ногу на ногу. На его лице все это время сохранялось какое-то странное выражение. Аманда предположила сначала, что это обычный утренний визит вежливости, по поведению Роба и его состояние говорили другое. Она была смущена и оскорблена его видом и манерами и решила позже расспросить Джека о привычках его друга.

– Очень мило с вашей стороны, что вы заглянули так запросто. Я плохо знакома с правилами, принятыми в лондонском обществе, поскольку долгое время жила в провинции, но полагаю, что вы зашли, чтобы... пригласить меня на прогулку по городу?

Роберт Гамильтон переменял позу: он нагнулся вперед и сцепил руки между коленями. От него так сильно несло перегаром, что Аманда чуть не задохнулась.

– Цель моего визита, мисс Дарлингтон, не имеет ничего

общего с прогулкой по городу.

– Тогда в чем дело? С Джеком все в порядке? Вы что, вместе с ним попали в переделку? – Богатое воображение Аманды рисовало картины одну страшнее другой.

– Не было никакой переделки. Я ударился, налетев в темноте на уличный фонарь. И насколько мне известно, Джек в полном порядке. С ним никогда не происходит ничего страшного. Он ведет легкую, не обремененную проблемами жизнь. Даже неприятности, которые все же случаются, он оборачивает в свою пользу.

– Вы так говорите, словно не рады этому. Я считала вас его другом, – нахмурилась Аманда.

– Я и есть его друг и именно поэтому намерен оказать ему сегодня неоценимую услугу.

– Что вы имеете в виду, мистер Гамильтон?

– Я собираюсь уберечь его от связи с недостойной женщиной.

– Я не понимаю вас, мистер Гамильтон, – процедила она надменно. Неужели Джек рассказал этому человеку о том, что собирается сделать ей предложение?

– Вы прекрасно меня понимаете, – усмехнулся Роб.

– Вы пьяны, мистер Гамильтон.

– И что же?

– Поэтому ведете себя грубо и... необдуманно. Будьте осторожны, не произнесите что-нибудь такое, о чем потом пожалеете.

– Я думаю лишь о благе Джека.

– Я полагаю, что Джек рассказал вам о том, что собирается сделать мне предложение. Вы пришли сюда, чтобы выразить свое неодобрение. Я желаю знать, чем оно вызвано. – Аманда решила действовать напрямик, чтобы поскорее закончить этот неприятный разговор.

– Ваша персона не вызывает у меня никаких нареканий, если не считать того, что вы собираетесь протащить в высшее общество незаконнорожденную сестру, выдав ее за свою осиротевшую кузину.

У Аманды было такое ощущение, как будто на голову ей с огромной высоты упал кирпич. Ее затошнило, в глазах потемнело. Откуда этот человек мог узнать про Саманту? Ведь не от Джека же...

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – из последних сил изобразила она недоумение.

– Понимаете. Не делайте из меня идиота, мисс Дарлингтон. Это не сработает. Признаете вы это или нет, не имеет значения. Если я распушу по городу такой слух, все будут знать, что Саманта незаконнорожденная.

Страх и ярость затопили сердце Аманды. Ее голос прозвучал, как злобное шипение, когда она заговорила:

– Джек не позволит вам сделать это. Он...

– Что может сделать Джек, чтобы меня остановить? Убить? Но он на это не пойдет, потому что обязан мне жизнью.

– Джулиан...

– Я позабочусь о том, чтобы слух распространился прежде, чем его руки дотянутся до моего горла. Он будет счастлив убить меня, но исправить положение уже не сможет.

– Вам никто не поверит! Семья Монтгомери пользуется уважением, а они опровергнут все, что вы скажете о моей сестре.

– В свете любят грязные слухи гораздо больше, чем безупречную репутацию. Они притворятся, что поверили Монтгомери, а сами будут шептаться за спиной у девушки, показывать на нее пальцем и в душе верить в худшее.

– Почему вы желаете зла моей сестре? – На глаза у Аманды навернулись слезы бессильной злобы.

– В другой ситуации мне было бы на нее наплевать. Она могла бы убедить принца-регента в том, что на самом деле является персидской княжной, и я слова бы не сказал. Но признаюсь вам, я вынужден использовать информацию о вашей сестре в личных целях. Она не более чем ставка в моей игре.

– Вы пытаетесь меня шантажировать? Вы угрожаете разоблачить Саманту, если я выйду замуж за Джека? Или вам нужны деньги?

– Вам нельзя отказать не только в красоте, но и в сообразительности, – криво улыбнулся Роб. – Разумеется, мне нужны деньги.

– Это я поняла. Но я не понимаю, чем вам может помешать мой брак с Джеком. Он все знает о Сэм и не считает это препятствием для нашего брака. Если Джек не против, то почему это задевает вас? Почему вы не хотите, чтобы мы поженились?

– Потому что я намерен сам жениться на вас, моя дорогая, – похотливо облизнулся он.

– Вы с ума сошли! – Аманда не могла поверить, что он говорит это всерьез. – Зачем вам это? Вы ведь совсем меня не знаете.

– Я знаю, что вы богаты.

– Вы же все равно будете меня шантажировать, так какая разница...

– Моя склонность к азартным играм требует больших затрат. Если я женюсь на вас, я смогу распорядиться вашим состоянием.

– Понятно. Вы решили взять меня в оплату будущих долгов?

– Совершенно верно.

– Ваши кредиторы хотят получить по счетам немедленно? – подумав, спросила она.

– Да, они, к несчастью, не отличаются терпением. – Роб коснулся разбитого глаза и поморщился от боли. – Если честно, они с каждым днем становятся все настойчивее. Как я уже сказал, мисс Дарлингтон, мне нечего терять.

Аманда почувствовала, что кровь отхлынула у нее от ли-

ца. Роб, загнанный в угол, может стать смертельно опасным.

Он склонился к ней и провел кончиками пальцев по ее подбородку. Аманда в ужасе отпрянула. Он засмеялся.

– Кроме денег женитьба на вас позволит мне отнять у Джека еще кое-что... то, что ему жизненно необходимо. Я заставлю Джексона Монтгомери узнать, каково это – проигрывать!

– А сегодня... если он сделает мне предложение?

– Разумеется, вы ему откажете, – холодно проговорил Роб.

Аманда вдруг поняла, как сильно этот человек ненавидит Джека. А ведь он так долго притворялся его лучшим другом! Она поняла и еще кое-что – Роб действительно находится в отчаянном положении. Иначе он не решился бы на такой наглый поступок. Он готов поставить на карту все – даже свою жизнь.

Но все дело в том, что, когда мужчина рискует своей жизнью, ему ничего не стоит рискнуть и жизнью других людей.

Глава 20

– Прошу прощения, милорд, – произнес Хенчпенни виновато. – Мисс Дарлингтон просила передать вам, что не сможет принять вас сегодня.

Джек не поверил своим ушам. Он стоял на пороге ее дома в лучшем из своих смокингов, с бутоньеркой из незабудок в петлице, и счастливая улыбка сияла на его гладковыбритом лице, а сердце, полное надежды, колотилось, как птичка в клетке. Теперь улыбка растаяла без следа.

– Вы уверены, Хенчпенни? – спросил Джек.

– Абсолютно, милорд.

– Надеюсь, мисс Дарлингтон не больна? – Он подыскал единственно возможное, на его взгляд, объяснение.

– Насколько я могу судить, она чувствует себя хорошо.

– Может быть, мисс Саманта выкинула какой-нибудь фортель? – понизив голос, поинтересовался он.

– Нет... сегодня утром она еще ничего не успела натворить, милорд.

– Тогда почему мисс Дарлингтон отказывает посетителям?

– Она отказывает... не всем, милорд.

Джек пришел к выводу, что Аманда просто не хочет пускать его на порог. Она закрыла перед ним двери своего дома, а заодно и свое сердце. Господи, но что же могло измениться

со вчерашнего вечера? Неужели она все-таки убедила себя в том, что не любит его? Джек не хотел в это верить.

– Хорошо, Хенчпенни. Предупредите мисс Дарлингтон, что я намерен явиться с визитом завтра утром.

– Я передам ваши слова, милорд, – невозмутимо ответил дворецкий. И в тот момент, когда Джек уже собрался уходить, он протянул ему запечатанный конверт.

– Что это? – Джек удивленно приподнял брови. Запечатанные конверты от женщин, которые отказываются тебя принять, – дурной знак. Очень дурной.

– Мисс Дарлингтон приказала передать вам это. – Когда конверт оказался в руках у Джека, дворецкий поклонился и тут же закрыл перед ним дверь.

Джек с минуту постоял у порога, с подозрением разглядывая конверт, затем развернулся и начал медленно спускаться по ступеням. Он перешел на другую сторону улицы и через чугунные ворота вошел в парк. Под ногами шуршали опавшие листья, вокруг не было ни души. Джек сломал печать и прочел следующее:

Расставшись с вами, я поняла, что напрасно позволила вам поверить в то, что между нами возможно нечто большее, чем просто дружба. Я бесконечно благодарна вам за все, что вы сделали для меня и моей семьи, но между нами ничего не может быть. К тому же жизнь в Лондоне открыла передо мной новые перспективы. Если я неправильно по-

няла ваши намерения и вы не собирались делать мне предложение сегодня утром, то прошу меня извинить. Если вы все же собирались сделать это, то еще раз прошу прощения. Пожалуйста, не пытайтесь искать встречи со мной. Будет лучше, если мы какое-то время не будем видеться. Если мы случайно столкнемся на людях, отнеситесь ко мне как к лучшему другу, которым, я надеюсь, вы всегда будете меня считать. Дорогой Джек, да хранит вас Господь.

Аманда.

Джек без сил упал на скамейку. Он перечитал письмо еще раз и пришел в бешенство.

– Значит, перед ней открылись новые перспективы? Иными словами, вчера вечером ее хорошенькая головка повернулась в другую сторону – в сторону того, кто может предложить ей больше, чем я!

И все же сердце и разум убеждали его, что Аманда не способна ставить на первое место меркантильные интересы. Не такой она человек, чтобы выходить замуж по расчету. Но может быть, она нашла того, кому сможет доверять безгранично и без всяких оговорок? Джек совершил слишком много ошибок и дал Аманде повод сомневаться в его честности. Его ярость обратилась против него самого.

Он поднялся, скомкал письмо, а когда оно превратилось в крохотный бумажный шарик, бросил его на землю.

– Если я недостоин Аманды, то пусть все катится к чертовой матери! – сердито проговорил он и оглянулся на ее дом.

В окне второго этажа мелькнул неясный силуэт. Это была Аманда.

Джек с минуту постоял неподвижно, потом выдернул из петлицы бутоньерку, поцеловал ее и, бросив на землю, растоптал каблуком. После чего развернулся и пошел прочь, надеясь забыться за бутылкой виски в самой грязной таверне, какую только сумеет найти в городе.

Слезы хлынули из глаз Аманды, когда она увидела, как Джек вышел из парка и направился вниз по улице, ни разу не оглянувшись. Она причинила ему ужасную боль, и ее сердце было разбито. Но другого выхода не было. Пока она не найдет способа расстроить планы Роберта, нужно держать Джека на расстоянии.

Она возненавидела Роба всеми фибрами своей души и не желала уступать его требованиям, но посвящать в свои проблемы Джека она не хотела. Он вступится за ее честь, вызвав Роба на дуэль, и... подвергнет риску свою жизнь. За время краткого визита Роба Аманда убедилась в том, что этот негодяй завидует Джеку самой черной завистью. Ему нужны деньги, это так, но к тому же он хотел оставить Джека в дураках. Отчаянное положение, в котором он оказался, могло толкнуть его на любые поступки, и он не остановился бы ни перед чем ради достижения своей цели.

Она разберется с Робом сама, а Джеку придется некоторое время побыть в заблуждении насчет ее чувств к нему.

Кроме того, этот мерзавец угрожает распусть слухи о

Саманте и Джек или Джулиан могут не успеть ему помешать. Аманда не могла допустить, чтобы будущее сестры, ее надежда на респектабельный брак были разрушены злобным языком Роба. Должен ведь быть какой-то способ остановить негодя... Но какой?

Она смахнула слезы с ресниц и постаралась отогнать от себя воспоминание о том, как Джек растоптал букетик незабудок. Как это несправедливо! Ведь они с Джеком только вчера признались друг другу в любви. Аманда вздохнула и сосредоточилась на решении неотложной задачи.

За окном начало темнеть, и она вдруг обнаружила, что не выходила из спальни с самого утра. Она велела Хенчпенни отказывать всем, кто явится с визитом, и приказала слугам не беспокоить ее. Она весь день ничего не ела и теперь почувствовала, что очень проголодалась.

Аманда подошла к зеркалу над камином и скорчила рожицу своему бледному, измученному отражению. Несмотря на решимость стойко противостоять всем напастям, она не была уверена, что справится с ними сама. Но она должна постараться ради Саманты, ради Джека, ради их любви.

И вдруг она сообразила, что сестре и тетушкам давно пора бы уже вернуться. Она нахмурилась и посмотрела на часы. От глубокой задумчивости, в какой она пребывала с утра, не осталось и следа. Аманда зажгла свечи, подбросила дров в камин и вызвала горничную.

Когда служанка явилась на зов, она приказала ей подать

тосты и чай. Аманда старалась гнать от себя дурные мысли, но не могла отделаться от беспокойства. Но ведь не может судьба быть настолько жестокой, чтобы дважды за один день принести ей дурные вести.

Через полчаса Аманда с облегчением услышала стук подъезжающего экипажа и поспешила вниз, чтобы встретить тетюшек и сестру. Входная дверь распахнулась, и на пороге появилась Прис с бледным от страха лицом.

– Что случилось? – воскликнула Аманда, бросаясь к ней.

– Да уж, случилось! Мы ехали домой, очень медленно. Но на улицах полно народу, и под колеса то и дело суются дети и собаки... И вдруг он оказывается прямо перед нами! Нет, мы его не ранили, не волнуйся. Он сам упал на землю. Сначала мы решили, что он просто пьян, но, боюсь, он опять потерял память. Он в обмороке и, похоже, не понимает, кто...

– Не хочешь же ты сказать, тетя Прис, что... что... – Аманда схватила ее за руки и как следует встряхнула.

– Извините, мисс, – раздался грубоватый голос Тео с порога. – Что прикажете делать с его сиятельством? Он все такой же тяжелый, как и раньше.

Аманда повернулась к нему и увидела, что Тео держит обмякшего Джека под мышки, Харли – за ноги, а Джо обнимает его за талию, чтобы его тело не волочилось по полу. Процессию замыкали тетюшка Нэн и Саманта.

– Думай быстрее, какую комнату ему отвести, – засуетилась Нэн. – Беднягу нужно немедленно уложить в постель.

– Отнесите его в мою комнату, – решительно приказала она.

* * *

Аманда стояла у своей кровати, на которой лежало безжизненное тело Джексона Монтгомери. После того, что произошло сегодня утром, она могла ожидать чего угодно, но только не того, что снова увидит Джека в своей постели, на своих простынях, и его голова будет опять покоиться на ее пуховых подушках. Это просто насмешка злой судьбы! Она не могла избавиться от этого человека даже на один день! К счастью, теперь ей не нужно было его раздевать. В ее распоряжении был Хенчпенни и целый штат лакеев.

Сэм велели отправляться в свою комнату, и в спальне остались лишь Аманда и тетушки, которые сочувственно качали головой, разглядывая Джека.

– Я не понимаю, Аманда Джейн, почему ты не хочешь, чтобы мы послали за Джулианом, – сказала Нэнси.

– И неплохо было бы выслушать мнение доктора о его здоровье, – добавила Прис.

– Он не ранен, а только пьян, – ответила Аманда. – Сначала пусть проспится. Пока нет необходимости беспокоить ни брата, ни врача.

Аманда не была уверена в том, что правильно ставит диагноз, но у нее уже был опыт ухода за ним, а симптомов ли-

хорадки пока не наблюдалось. Его сердце билось медленно и ровно, щеки были розовыми, а зрачки не расширенными.

– Кроме того, он ненавидит врачей, – добавила она, осторожно убирая с его лба волосы.

Она больше не была испуганной девственницей, однако по всему ее телу пробежала трепетная дрожь, когда она прикоснулась к нему. Она обожала его. Она его любила.

При других обстоятельствах она, конечно же, вызвала бы доктора, чтобы убедиться, что с Джеком все в порядке, но сейчас не хотела рисковать – вдруг Роб как-нибудь узнает, что Джек находится в ее доме.

– Он не так уж пьян. Боюсь, он снова потерял память, Аманда Джейн, – настаивала Нэн.

– Если это так – в чем я очень сомневаюсь, – это не надолго. Когда он протрезвеет, то вспомнит все... кроме, может быть, того, что напился до беспамятства.

– Так ты считаешь, что Джулиана не нужно поставить в известность?

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал о том, что Джек находится здесь, – строго взглянув на тетюшек, заявила Аманда. – Этот факт следует держать в тайне.

Она боялась, что, если Роб узнает об этом, он выполнит свою угрозу. Она приложила немало стараний, чтобы удалить от себя Джека – а он оказался в ее постели! Это обстоятельство пугало ее и... возбуждало.

– Я не понимаю тебя, Аманда Джейн, – не унималась Нэн.

– Я не могу вам всего объяснить. Просто доверьтесь мне и сделайте, как я прошу.

– А почему он напился? – вмешалась Прис. – Он так... праздновал?

– Что ж, рано или поздно вы все равно узнаете правду... Я отказалась принять Джека сегодня утром, – с тяжелым вздохом ответила Аманда.

– Но ведь он собирался сделать тебе предложение! – потрясенно воскликнули тетушки.

– Да, я знаю. Именно поэтому я так и поступила.

– Что произошло, Аманда Джейн? – Прис подошла к племяннице и ласково положила руку ей на плечо. – Ты сама на себя не похожа. Если бы ты позволила мне послать за Джулианом...

– Не надо считать меня сумасшедшей! И я не позволю вам ни за кем посылать, понятно? – Аманда уже чуть не кричала.

Прис отпрянула от нее и заняла свое обычное место подле Нэнси. Пожилые дамы смотрели на племянницу так, словно у нее вдруг выросли копыта и длинный хвост. Аманда подошла к ним и ласково обняла:

– Простите, тетушки, я слегка не в себе. Давайте поговорим обо всем завтра, хорошо?

– Хенчпенни сказал, что у тебя после завтрака был какой-то посетитель, – сдвинув брови, произнесла Прис. – Человек по имени Роберт Гамильтон. Мы с Нэн обсудили это и вспомнили, что уже где-то слышали это имя... вот только

не помним, где именно.

– Хенчпенни говорит, что из-за этого человека ты целый день не выходила из спальни, – добавила Нэн. – Кто этот человек? И что ему было нужно? И почему у него такое знакомое имя?

– Это друг Джека. Я уверена, что вы слышали это имя от него.

– А почему ты не выходила весь день?

– У меня болела голова, – солгала Аманда. – И похоже, головная боль возвращается. Мне нужно прилечь.

– Да, конечно. А где ты будешь спать?

– Сомневаюсь, что мне удастся уснуть этой ночью. Я посижу в шезлонге. Я должна быть рядом, если Джек придет в себя и ему понадобится моя помощь.

Тетушки отнеслись к такому ее желанию с пониманием и, сочувственно охая, удалились в свои комнаты. Они всегда спали крепко, что бы в их жизни ни происходило.

Когда дверь за ними закрылась, Аманда подошла к кровати, как когда-то на постоялом дворе в Хоршеме, когда Джек страдал от ран и плутал в безбрежном тумане амнезии. Она покачала головой и невольно усмехнулась. Как все повторяется в этой жизни!

В этом было что-то сверхъестественное. Как умудрился Джек снова угодить под колеса ее экипажа? Он опять нуждался в ее помощи, с той лишь разницей, что теперь она любила его.

Прошел час, все оставалось без изменений: Джек безмятежно спал. Тогда Аманда устроилась в шезлонге, но заснуть ей не удалось, потому что вскоре до нее сквозь дрему донесся его голос, звавший ее по имени. Она открыла глаза и увидела Джека, который сидел на краю постели.

– Джек, ты проснулся? – Она подошла к нему и взбила подушку, чтобы он мог удобно откинуться на нее. Волосы у него были взлохмачены, а белая сорочка расстегнута до середины груди. Аманде захотелось прикоснуться к нему, но она сдержалась. – Как ты себя чувствуешь?

– Очень хочется пить. И голова болит. Я что, напился?

– А ты не помнишь? – Аманда протянула ему стакан воды.

– Помню что-то, но очень смутно, – нахмурился он. – Должен признаться, что если бы ты не назвала меня Джеком, я бы не вспомнил своего имени.

– Спасибо, дорогая, – сказал он после того, как выпил воды. – Ты ложишься? Я обещаю не храпеть. Ты поэтому спала в кресле?

– Джек, ты снова меня разыгрываешь? – подозрительно прищурилась Аманда.

– Разыгрываю? – удивился он. – Я не понимаю, о чем ты говоришь, моя милая. Сейчас слишком поздно, чтобы разговаривать. Ты идешь в постель или нет?

– Может быть, мне послать за Джулианом? – нервно облизала пересохшие губы Аманда.

– Кто такой этот Джулиан? И почему нужно посылать за

кем-то среди ночи?

– Джек! – Аманда отпрянула в ужасе. – Ты не помнишь Джулиана?

– Понятия не имею, кто это, – отозвался он равнодушно и, схватив Аманду за край платья, потянул к себе. – Лавочник? Пекарь? Свечных дел мастер? – насмешливо перечислял он. – Ты расскажешь о нем завтра, а теперь иди ко мне, Аманда. Я хочу, чтобы моя жена была рядом.

– Жена?! – Аманда чуть не выронила стакан, который держала в руке.

– Только не говори, что забыла о том, что ты – моя жена. Я действительно сейчас плохо соображаю, но лучшее, что есть в моей жизни, забыть не смогу. – Он взял из ее рук стакан и поставил на ночной столик. С минуту он разглядывал ее с обожанием, затем ласково сказал: – Тебе очень идет это платье. У тебя в нем кожа светится. Иди ко мне, и мы поиграем в кошки-мышки.

– Я думала, ты хочешь спать, Джек. – Аманда сделала слабую попытку воспротивиться.

– Больше не хочу. Я полон сил, как молодой архар. Ты ляжешь в постель, или мне придется наброситься на тебя и повалить на пол?

Перед Амандой встала дилемма. Она не была уверена в том, что Джек действительно потерял память. Неужели у него снова могла начаться амнезия, и только из-за того, что она так жестоко обошлась с ним сегодня? У него какие-то

странные провалы в памяти, причем очень выборочные: он помнит, кто она, но считает ее своей женой.

В любом случае ей представлялась прекрасная возможность украсть у судьбы еще одну восхитительную ночь любви. Из-за Роба их отношения с Джеком вряд ли наладятся в скором времени, а интимной близости с ним вообще придется ждать целую вечность.

– Аманда, в чем дело, сердце мое? Ты меня больше не любишь?

Насмешливое замечание Джека вернуло ее к действительности. Какие у него длинные и густые ресницы! У мужчин таких просто не бывает! И при этом черты его лица говорили о сильном характере. Твердая линия подбородка, чувственный рот, пробивающаяся щетина на щеках и шрам, до которого так хотелось дотронуться.

Аманда не сдержалась и провела кончиками пальцев по этому свидетельству его храбрости и верности патриотическому долгу. Вот и еще одна причина его любить.

– Дорогая, ты что-то очень серьезна сегодня, – удивленно приподнял бровь Джек. – По-моему, пора немного расслабиться. – Он схватил ее, и через миг Аманда сидела на нем верхом. Ощущение его мощного тела вызвало у нее массу приятных воспоминаний и разожгло желание принадлежать любимому человеку.

Их губы слились в поцелуе. На этот раз он был проникновенный и долгий, каким бывает поцелуй влюбленных супру-

гов. Его руки ласкали ее ягодицы, все сильнее прижимая их к своей возбужденной плоти. Наконец из груди Аманды вырвался сладкий стон. Ее взгляд затуманился, но на его лице светилась игривая улыбка.

– О, Аманда, черт возьми, после стольких ночей любви ты все так же сводишь меня с ума.

– Ты меня тоже, Джек. Я с каждым днем хочу тебя все сильнее.

– Тогда почему, любовь моя, мы все еще одеты, а твои волосы стянуты в узел? Я предпочитаю, чтобы ты выглядела естественно.

Она робко улыбнулась и сделала попытку слезть, но он удержал ее:

– Нет, не уходи. Я хочу видеть тебя и чувствовать, пока ты будешь раздеваться.

Аманда сидела верхом на Джеке. При мысли, что он будет так близко, когда она станет раздеваться, ее щеки стали пунцовыми.

– Ты краснеешь! – удивился он. – Неужели ты до сих пор меня стесняешься?

– Нет, тебя я не стесняюсь, – тихо ответила она.

И вдруг Аманда стала именно той, кем всегда хотела быть, – женой Джека, человека, который принадлежит только ей, – и решила всеми доступными средствами показать, как сильно она его любит.

Она посмотрела на него томным взглядом, полным жела-

ния, медленно вытащила шпильки из прически, и ее волосы рассыпались по спине пышными волнами. Джек не сводил с нее восхищенного взора. Она принялась расстегивать крючки на платье и почувствовала, что его плоть становится все тверже и горячее. Она чуть приоткрыла рот и чувственно провела кончиком языка по верхней губе. Он стиснул зубы, и на щеках у него дрогнули желваки. Она видела, что он хочет ее так же сильно, как она хочет его. Она наслаждалась своей женской властью над ним.

Затем она обнажила плечи и грудь. Его взгляд был прикован к ее отвердевшим соскам, обещавшим неземное блаженство. Она постепенно освободилась от всей одежды и осталась лишь в короткой рубашке. Она хотела снять ее, но Джек воспротивился:

– Оставь... так даже интереснее. Мы снимем ее позже, если она будет мешать.

– Ты суший дьявол! – засмеялась Аманда.

– Но ведь тебе это нравится. – Он сжал ее груди в ладонях. Аманда задохнулась от наслаждения и закрыла глаза.

Почувствовав, что между ног у нее стало влажно, она нетерпеливо сорвала с него сорочку, чтобы ощутить прикосновение его могучего торса к своей коже. Он ласкал ее бедра, и она инстинктивно раздвигала ноги, чтобы лучше чувствовать его. Через минуту они довели друг друга до исступления.

– Я думаю, уже пора, дорогая.

Она кивнула.

– Ты хочешь прокатиться на мне верхом?

– Верхом?

– Да, и во весь опор. Через изгороди и бурлящие ручьи, напрямик к финишной черте.

Аманда согласилась, надеясь, что Джек объяснит ей, как это делается, потому что до сих пор о таком способе любви она не знала.

– Приподнимись немного. Вот так, а теперь медленно опускайся...

Аманда повиновалась и вдруг почувствовала его внутри себя. Первые ее движения были робкими и неловкими, но инстинкт подсказал ей, что нужно делать, и потому никаких инструкций от Джека ей не понадобилось. Она становилась все более раскованной, ритм ее движений убыстрялся, а пик наслаждения стремительно приближался. Наконец она выгнула спину и застонала, почувствовав, что к финишу они пришли одновременно.

Потом она лежала обессиленная в его объятиях, и были слова любви, и нежные ласки... Впрочем, необходимости в словах уже не было, поскольку между ними установилось взаимопонимание другого рода, когда сливаются воедино не только тела, но и души. Усталые и удовлетворенные, они провалились в глубокий, безмятежный сон.

Глава 21

Когда Джек проснулся, он в первый момент подумал, что все еще находится во власти прекрасных сновидений. Он лежал на кровати без одежды рядом с женщиной, чьи спутанные волосы закрывали ее лицо, а бедро упиралось ему в живот. Но самое поразительное было то, что женщиной этой оказалась... Аманда!

Стараясь не разбудить ее, он чуть-чуть приподнял голову и огляделся. Нет, он никогда прежде не бывал в этой спальне. Судя по изысканной обстановке, это частный дом, а судя по тому, что повсюду были разложены предметы дамского туалета, эта спальня принадлежала женщине.

И тут его осенило. Он в доме у Аманды... в ее спальне! Но как же он сюда попал?

Джек стал осматриваться вокруг, чтобы понять, что с ним произошло. Его одежда была аккуратно сложена на стуле, а одежда Аманды беспорядочно разбросана по полу. Все указывало на то, что они занимались любовью под покровительством двух ее добропорядочных тетюшек. Но разве такое возможно? Может быть, он влез к ней в окно? Или Аманда тайком провела его в дом, когда тетюшки заснули?

Джек попытался вспомнить, что же с ним случилось. Кажется, он выполз из какого-то грязного кабака на окраине города пьяный как сапожник. Потом он вспомнил причину, по

которой так сильно напился. Когда вчера утром он пришел к Аманде, чтобы сделать ей предложение, она даже не пустила его на порог! Вернее, не пустил Хенчпенни. Он передал ему письмо с отказом, но тогда как он оказался в ее постели?

Джек нахмурился. Черт бы побрал эти провалы в памяти! Он уже думал, что его амнезия давно прошла. Может быть, она вернулась в связи с сильным эмоциональным потрясением? До тех пор, пока он не обручился с женщиной, на которой жениться не хотел, а потом влюбился в Аманду, с ним такого никогда не бывало. Похоже, придется найти другой способ справляться с неприятностями, вместо того чтобы напиваться до бесчувствия.

А с чего он взял, что у него неприятности? Когда лежишь рядом с Амандой, жизнь не кажется такой уж плохой. Самое ужасное во всей этой истории то, что он не помнил, как они занимались любовью. Вот об этом провале в памяти он будет сожалеть еще очень долго.

Аманда потянулась и вздохнула. Это движение подействовало на него возбуждающе, и он стал продумывать свои дальнейшие действия. Уж теперь-то он не забудет...

Однако его планам не суждено было сбыться. В коридоре раздались голоса и шаги. Кто-то приближался к дверям спальни. Наверное, это проснулись тетушки.

Джек запаниковал и хотел быстро одеться, но понял, что не успеет даже дотянуться до брюк. Он представил себе, как будет выглядеть, когда его застанут голым посреди комнаты,

с сокровищами рода Монтгомери, выставленными на всеобщее обозрение, и предпочел остаться под одеялом. Осторожно, чтобы не разбудить Аманду, он подтянулся на руках, сел, опираясь на подушку, и до пояса закрылся одеялом. Аманда безмятежно спала.

Двери распахнулись, и в комнату вошли трое: Прис, Нэн и... Джулиан. Прис что-то торопливо шептала, обращаясь к Джулиану. В следующую секунду вошедшие замерли в немом изумлении. Не веря своим глазам они переводили взгляд с Джека на Аманду, на разбросанную одежду и снова на Джека. Когда шок наконец прошел, тетушки принялись причитать, хватаясь то за сердце, то за голову, а Джулиан невозмутимо вытащил монокль и с осуждающим видом уставился на Джека.

– Так, так, братец. Вот как ты отплатил мисс Присцилле и мисс Нэнси за то, что они подобрали тебя в грязной канаве! Соблазнил их племянницу... снова!

– Тебя утешит, если я скажу, что не помню, как это получилось? – пробурчал Джек.

Аманда вздохнула во сне и перевернулась на спину, едва не обнажив грудь. Джек поспешно укрыл ее одеялом.

– Проснись, Аманда. У нас гости, – ласково позвал он. Ее ресницы дрогнули, она улыбнулась и потянулась к нему. Джек нежно отвел ее руки и покосился на дверь.

– Ты не слышишь меня, дорогая? Я говорю – у нас гости. Аманда открыла глаза, повернула голову к двери, вскрик-

нула и, прижав одеяло к груди, села на кровати.

– Что вы здесь делаете? – смущенно пролепетала она.

– Мы хотели бы задать вам тот же вопрос, – уперев руки в бока, заявила тетушка Нэн. Она стояла с видом строгой гувернантки, заставшей свою воспитанницу, когда та тянулась к банке с вареньем. – Что ты здесь делаешь, Аманда Джейн?

– А по-моему, это вполне очевидно, – вмешалась Прис. Она старалась держаться строго, но Джек заметил, что глаза ее искрятся весельем. – Нам известно, что вы не в первый раз этим занимаетесь!

– И не в последний, готов поклясться, – заметил Джулиан. Он отвернулся, чтобы не смущать Аманду, и теперь смотрел в стену перед собой. – Так когда же свадьба, Джек?

– Да, но... – начала было Аманда.

– Я всегда мечтала о том, чтобы сыграть свадьбу на Рождество, – проговорила Нэн.

– Аманда Джейн будет выглядеть восхитительно в белом платье с букетом флердоранжа! – всплеснула руками Прис.

– Рождество нам подходит, – ответил Джек, обнимая Аманду за плечи. – Как ты считаешь, дорогая?

– Но я не могу стать твоей женой, Джек! – Аманда вывернулась из его рук.

– Что за глупости? – нахмурилась Нэн. – Мы знаем, что ты его любишь. Ты же не можешь просто так с ним спать. Вдруг ты забеременеешь, дай-то Бог! Ведь ты любишь его, да?

– Да, конечно. – Аманда смахнула с ресниц набежавшие

слезы. – Но мы не можем пожениться! Пока не можем.

Джек развернул Аманду к себе.

– Мы с тобой любим друг друга, Аманда. Ты делишь со мной одну постель, так почему мы не можем пожениться?

Все выжидающе посмотрели на Аманду, которая изнемогала от внутренней борьбы. Наконец она выпалила:

– Потому что Роберт Гамильтон считает, что я должна выйти замуж за него! Он шантажирует меня, Джек!

– Что? – Он не поверил своим ушам. – Роб шантажирует тебя? Но почему?

– Друг Джека шантажирует Аманду Джейн? – решила уточнить Прис, обращаясь к сестре.

– Если он шантажист, то, возможно, мы слышали его имя в приюте в Спитафилдсе, – задумчиво высказалась Нэн.

– Тебе что, и правда не понятна причина, по которой он шантажирует твою невесту? – вмешался в разговор Джулиан. Его глаза потемнели от ярости. – Этому мерзавцу нужны деньги! Важнее другое – чем он шантажирует вас, Аманда?

– Он каким-то образом узнал правду о Саманте и угрожает рассказать всем о том, что она незаконнорожденная. Я не могу допустить этого, Джек. Ведь он снова разрушит ее жизнь, и на этот раз навсегда! У меня не было выбора, и я сказала, что выйду за него, хотя никогда этого не хотела...

– Грязный ублюдок! – Джек, забыв о том, что он совершенно голый, вскочил с кровати. Тетушки, взвизгнув, отвернулись.

– Господи, Джек! Не забывай о приличиях!

– К черту приличия, Джулиан! Прошу прощения, дамы... – Джек стал натягивать брюки. – Как он осмелился угрожать Аманде! Ты всегда говорил, что он продажен и подл, но я тебе не верил. А теперь я убью этого негодяя!

– О, этого я и боялась больше всего на свете! – вскричала Аманда. Она завернулась в простыню и тоже вскочила с кровати. – Я ведь именно поэтому и не призналась тебе сразу! Пожалуйста, Джек, не делай глупостей! Я с ума сойду, если с тобой что-нибудь случится!

– Интересно, где сейчас этот... – бормотал себе под нос Джек, быстро одеваясь. – Ты не понимаешь, Аманда. То, что он собирается сделать, выходит за рамки поведения, достойного благородного человека. Ему придется ответить за все. Мало того что он хочет причинить вред тебе и Саманте, он надругался над нашей дружбой.

– Ты хочешь вызвать его на дуэль? – помертвев, спросила Аманда.

– Завтра на рассвете, с двадцати шагов. – Он сел на кровать и стал завязывать шнурки ботинок. – Ты будешь моим секундантом, Джулиан?

– Конечно, – отозвался тот.

– И вы одобряете то, что он хочет сделать, лорд Серлинг? – бросилась к нему Аманда.

– Мужчина должен уметь защитить свою честь и честь своих близких, мисс Дарлингтон. В этом правиле не бывает

исключений.

– Честь! Чего она стоит, если Джек погибнет?!

– А что стоит жизнь без чести? – парировал Джулиан.

Джек поднялся и натянул сюртук. Он ласково взглянул на Аманду и нежно поцеловал ее:

– Ты ведь веришь мне, правда, любовь моя? Не бойся за наше будущее. Я не собираюсь умирать.

С этими словами он развернулся и вылетел из комнаты. Джулиан последовал за ним. Они промчались мимо Хенчпен-чи с такой скоростью, что едва не сбили его с ног.

– Э-э... господа! – Дворецкий увидел, что одежда Джека в некотором беспорядке, и позволил себе задержать его. – Не думаю, сэр, что вы захотите сойти вниз в таком виде, потому что в гостиной мисс Дарлингтон ожидает посетитель.

– Так рано? Кто же это? – спросил Джек.

– Тот же джентльмен, что приходил вчера. Мистер Роберт Гамильтон.

В следующую секунду, против всяких ожиданий Хенчпенни, который предполагал, что господа захотят незаметно удалиться через черный ход, чтобы не компрометировать мисс Дарлингтон, оба Монтгомери кубарем скатились с лестницы.

Хенчпенни снова остолбенел, когда на пороге своей спальни появилась его госпожа совсем без одежды, если не считать простыни, в которую она была завернута. Аманда бросилась к перилам.

– Джек, умоляю, не делай глупостей! – закричала она.

Когда из спальни показались обе старые госпожи с искаженными от страха лицами, Хенчпенни решил больше ничему не удивляться и присоединился к процессии, направившейся вниз. Во вверенном ему доме возник беспорядок, и старый дворецкий счел своим долгом во всем разобраться. Что и говорить, с тех пор как мисс Дарлингтон переселилась в Лондон, ее жизнь стала гораздо насыщеннее!

Когда Аманда ворвалась в гостиную, Джек уже прижал Роба к стене, держа его за лацканы сюртука. Роберт отчаянно размахивал руками, словно собирался взлететь. Его лицо покраснело от ярости и страха. Джулиан стоял в некотором отдалении с невозмутимым видом.

– Это твое дело, Джек. Я не стану вмешиваться, пока нет необходимости, – сказал он, с удовольствием наблюдая, как его брат расправляется с «другом».

– Как ты посмел шантажировать Аманду? – в бешенстве прошипел Джек. – Грязный ублюдок, я убью тебя прямо сейчас!

– Ты... не сможешь... этого сделать... Джек, – натужно усмехнулся Роб. – Ты обязан мне жизнью. Я спас тебя от смерти, помнишь?

– Я с лихвой отплатил тебе за это, Роб. Я спасал твою шкуру от кредиторов, и если бы не я, тебя никогда не пустили бы на порог приличного дома. И вот какова твоя благодарность!

– Черт бы побрал... твою дружбу... – Роб извивался, ста-

раясь высвободиться из сильных рук Джека. – Все женщины... липнут к тебе. – Он увидел Аманду. – Вот и эта оказалась в твоей постели. Маленькая шлюха!

Аманда услышала какой-то странный звук за спиной и, обернувшись, увидела испуганные лица тетушек, дворецкого и Саманты, которая прибежала на шум прямо из столовой и поэтому держала в руке надкусанный бутерброд.

– Ну вот, ты и показал себя во всей красе. – Джек вдруг успокоился. – Никто не смеет называть будущую леди Дарем шлюхой. Извинись, и я не забуду тебя до смерти.

Роберт вытянул шею, а когда Джек выпустил его, откашлялся и перевел дух. Однако, судя по выражению его лица, извиняться он не собирался. И тогда Джек размахнулся и двинул Роба кулаком в лицо. Его голова мотнулась в сторону, из разбитой губы хлынула кровь, и Роб повалился на пол.

– Вставай и дерись, ты, грязная свинья! Я с радостью залеплю тебе по морде еще раз.

Роберт сидел на полу, раскинув ноги. Он посмотрел на Джека снизу вверх, потер челюсть и заявил:

– В кулачном бою шансы у нас не равны, ты это знаешь. Посмотрим, на что ты способен, когда в руках у нас будут пистолеты.

– Согласен. – Джек с достоинством скрестил на груди руки. – Назначай место и время.

Роб вынул из кармана платок и приложил его к губам. Белоснежная ткань окрасилась кровью.

– Не знаю. Сначала мне нужно найти секунданта. Он к тебе придет. Разве не таковы правила, милорд? – саркастически улыбнулся он.

– Именно. Мы покончим с этим завтра на рассвете. Я не стану ждать дольше, и ты получишь по заслугам.

– Ты не можешь убить меня, Джек. Ты мне должен, – не сдавался Роб.

– Ты это уже говорил.

– Нет, не убьешь, – засмеялся вдруг Роб. – И не заставишь меня молчать. Я всему свету расскажу правду о Саманте Дарлингтон, и ты мне не помешаешь. Единственный способ сделать это – убить меня немедленно, но ты слишком порядочен, чтобы пойти на это.

– Убирайся вон, Роберт.

Роб усмехнулся, медленно поднялся на ноги и пошел к двери. Все расступились перед ним, и он беспрепятственно покинул дом. Сэм замерла на пороге гостиной и, кажется, впервые не нашлась что сказать. Проходя мимо нее, Роб скорчил отвратительную гримасу, которая казалась еще страшнее оттого, что рот у него был в крови.

Когда за ним захлопнулась входная дверь, Аманда бросилась к Джеку, и он крепко обнял ее. Присутствующие единодушно пришли к выводу, что будет лучше оставить их наедине.

В холле Нэп обратилась к Хенчпенни:

– Надеюсь, вы и сами понимаете, что если к мисс Дарлинг-

тон пожалуют посетители, то нужно сказать, что она... временно никого не принимает. И еще, передайте слугам, чтобы не входили в гостиную в ближайшие полчаса.

– Слушаюсь, мисс Нэнси.

– Если о том, что сегодня произошло, пойдут разговоры среди прислуги, скажите, что я под страхом увольнения запрещаю распускать слухи на этот счет.

– Слушаюсь, мисс Нэнси. Вы можете быть уверены, что за пределы дома никакие слухи не просочатся.

Нэн с улыбкой кивнула в ответ, и дворецкий удалился, исполненный чувства долга.

– Что теперь будет? – испуганно спросила Саманта. – Этот человек расскажет всем, что я...

– Не беспокойтесь из-за него. – Джулиан ласково положил ей руку на голову. – Мы с Джеком не допустим, чтобы он причинил вам вред.

– Почему он так ненавидит меня, Джулиан? Джек будет с ним драться? А почему Аманда в простыне?

– Пойдем, дитя мое. Я все объясню тебе наверху, – сказала Прис, обнимая ее за талию.

– Но я хочу, чтобы мне объяснил Джулиан, – капризно протянула Сэм.

– Мне нужно поговорить с лордом Серлингом наедине, моя дорогая, – объяснила Нэн. – Иди наверх с тетей Прис.

– Но...

– Слушайте старших, – вмешался Джулиан. – Я подни-

мусь позже и посмотрю, как продвигаются ваши успехи в римской истории.

– Обещаете? – склонив головку, кокетливо улыбнулась девушка.

– Обещаю.

– Тогда я иду заниматься.

Прис повела Сэм наверх, а Нэн пригласила Джулиана в столовую. Он вошел и остановился посреди комнаты, заинтригованный ее поведением.

– О чем вы хотите поговорить со мной? – Джулиан не переставал удивляться тому, что так легко и быстро сблизился с семьей Аманды. Они доверяли ему и относились к нему с уважением и почти родственной нежностью.

– Присаживайтесь, милорд. Если я во время нашего разговора буду вынуждена задирать голову, чтобы видеть ваше лицо, у меня заболит шея.

– Так лучше? – усмехнулся Джулиан, садясь на диван.

– Значительно. Насколько я поняла, дуэль спасет лишь честь Джека, но проблемы с этим Робертом Гамильтоном не решит?

– Проблема будет решена, когда Джек убьет его.

– А он это сделает?

– Не знаю. Надеюсь, нет. Думаю, в этом не будет необходимости.

– Мне приятно, что вы думаете, как и я, милорд, – с облегчением вздохнула Нэн. – Джек разъярен, но если он будет

вынужден убить того, кого считал своим другом, ему трудно будет после этого жить. Я – христианка, поэтому я против насилия и жестокости в любых проявлениях, однако...

– Я понимаю, что вы хотите сказать, мисс Нэнси. Я никогда не любил Роба и не доверял ему, а теперь вообще его презираю. Он очень долго пользовался добротой Джека, но сейчас, когда мой брат понял, что это за человек, я могу кое-что предпринять, чтобы избавить Джека от этого мерзавца.

– Вы имеете в виду... – Глаза Нэн стали круглыми от страха.

– Нет, я не собираюсь убивать его, но кое-что предприму до завтрашней дуэли. Я не хочу, чтобы Джека до конца его дней мучила совесть.

– И что вы намерены сделать?

– Еще не придумал, но у меня есть несколько часов в запасе. Мне нужно раздобыть о нем информацию, которую можно было бы использовать против него. Что-нибудь такое, что вынудит его немедленно и навсегда покинуть страну. Карточные долги и кутежи недостаточное основание для скандала – половина отпрысков благородных семей грешит этим.

Джулиан взглянул на Нэнси – она сосредоточенно смотрела куда-то в пространство, прищурившись и вытянув губы трубочкой.

– В чем дело? Вы что-то знаете о нем?

– Думаю, да, милорд. Когда мы с Прис вернулись вчера из приюта в Спитафилдсе, мы узнали от Хенчпенни, что у

Аманды был посетитель по имени Роберт Гамильтон. Мы тогда уже подумали, что где-то слышали это имя, но не могли вспомнить, где именно. В нашем возрасте память так слаба! Аманда говорит, что мы могли слышать о нем в связи с Джеком. Но когда мы познакомились с ним, то сразу вспомнили, где слышали его имя... и видели его лицо!

* * *

Джек, сидя на диване, обнимал Аманду. Простыня сползла вниз, и на плечах ее играли отблески пламени, пылавшего в камине. Они смотрели на огонь, задумчиво и тревожно.

– Какой необычный роман у нас с тобой получился, правда? – спросил Джек.

– Да, необычный.

– Знаешь, когда я понял, что влюбился в тебя? – улыбнулся он.

– Нет. Расскажи.

– Я признался в этом самому себе и Джулиану во время нашего с ним разговора на Торни-Айленде. Разве ты не слышала?

– Нет, я пропустила эту часть вашего разговора. Если бы я это слышала, все наши недоразумения давно бы закончились.

– В тот день я сказал брату, что по уши в тебя влюблен. Но впервые обнаружил это, когда ты так очаровательно покрас-

нела. Помнишь, я спросил тебя о моем боевом ранении?

– Как тебе не стыдно! Ты всегда заставляешь меня краснеть!

– А ты, Аманда, когда поняла, что влюбилась в меня?

– Не скажу. А то ты возгордишься и станешь самодовольным типом.

– Разве я и без того не самодовольный тип? Расскажи.

– Еще когда ты был без сознания.

– Правда?!

– По-моему, это случилось тогда, когда ты бормотал что-то в бреду, там, на постоялом дворе. Что-то очень неприличное и соблазнительное...

– Еще бы!

– ...И еще ты звал какую-то женщину, вероятно, одну из своих любовниц. Тогда мне захотелось, чтобы ты говорил эти слова мне! А ведь я тогда даже еще не знала тебя!

– Ты добилась своего. Теперь я говорю тебе всякие соблазнительные непристойности.

– Да, моя мечта исполнилась. Но я эгоистка, поэтому теперь хочу, чтобы все закончилось счастливо. – Она обняла его за шею и пристально посмотрела ему в глаза. – Я хочу выйти за тебя замуж, родить тебе детей, состариться рядом с тобой. Хочу, чтобы все было так, как в сказке со счастливым концом.

– Так и будет, дорогая. Я тебе обещаю.

– А как же дуэль? Я так боюсь за тебя, Джек.

– Не бойся. Я очень долго мечтал о счастье, и теперь, когда оно так близко, я не позволю Робу все разрушить.

– Он завидует тебе.

– Сейчас, когда у меня есть ты, я понимаю почему, – улыбнулся он.

– Обещай мне, Джек...

– Я уже пообещал.

– Но...

– Доверься мне, дорогая. – Он прижал палец к ее губам. Она поцеловала его палец и положила голову ему на грудь.

– Я доверяю тебе, Джек. Всем сердцем.

Глава 22

Джулиан шел вниз по Абингдон-стрит, направляясь к дому Роба. Над городом висел густой туман, небо заволкли тучи. Из кабаков, поддерживая друг друга, выходили молодые повесы, иногда мимо Джулиана неслышно прошмыгивали подозрительные личности, спешащие по каким-то тайным делишкам. Часы на башне пробили два раза.

Роб не был домоседом, но Джулиан надеялся застать его дома. Любому человеку необходимо отдохнуть и выспаться перед дуэлью. Секундант Роба, Перси Мингей, неприятный тип, ведущий такой же образ жизни, что и Роб, сегодня днем нанес Джулиану визит, и они обсудили время и место дуэли, а также выбрали оружие.

Дуэль должна была состояться в Сент-Джеймс-парке в половине шестого утра. Джулиан не удивился, что Роб выбрал пистолеты, а не шпаги, потому что физическая сила и искусство, с каким Джек владел холодным оружием, не оставляли Робу никаких шансов на победу.

Джулиан не верил, что такой человек, как Роб, мог когда-то спасти Джеку жизнь. Говорили, что Роб бросился на него и повалил на землю, в результате чего пуля, предназначенная Джеку, пролетела мимо. Джулиан считал, что Роб хотел спасти свою шкуру, а Джек просто подвернулся ему под руку. Разумеется, этот проходимец решил преподнести сей

факт в выгодном для себя свете, чтобы заслужить репутацию благородного храбреца.

Теперь никто не смог бы рассказать, как обстояло дело в действительности, а Джулиан целых два года вынужден был оказывать Робу знаки почтительного внимания. Как бы то ни было, Роб уберег Джека от лишних шрамов. А может быть, и от смерти. И все же боевые подвиги Роба не дают ему права разрушать судьбы ни в чем не повинных людей. И речь шла не только о Сэм и Аманде. Сведения, которые Джулиан раздобыл при помощи тетушек Аманды, четко, указывали на то, что он обрек на страдания еще много невинных душ.

Джулиан нашел нужный дом, прошел через незапертую входную дверь и вступил на темную лестницу, ведущую на второй этаж. Дом располагался в квартале, где одинокий джентльмен вполне мог позволить себе снять квартиру. Место это было не слишком фешенебельное, но вполне приличное. Впрочем, Джулиан был уверен, что за квартиру Роба платит Джек.

Джулиан постучал в дверь, ответа долго не было, но он не сдавался. Наконец камердинер Роба соизволил явиться на зов. Им оказался неопрятного вида парень в мятой одежде и с заспанным лицом. Он держался и говорил так, как будто уже несколько дней беспробудно пил. Да и нос у него был подозрительно красного цвета, отливающего синевой.

– Мне необходимо увидеть мистера Гамильтона, – коротко сообщил Джулиан.

– Хозяин спит, – икнув, ответил слуга, разглядывая поздно его гостя.

– Так разбудите его, – потребовал Джулиан.

– Но сейчас уже ночь! И что, позвольте узнать, такому важному господину понадобилось от моего хозяина в столь неурочный час? У него нет денег. Он даже мне задолжал за четыре месяца.

– Мне жаль вас, дружище. Позвольте дать вам совет: оставьте это место и найдите себе что-нибудь более приличное. Но я здесь по другой причине, которая не связана с материальными проблемами вашего хозяина. Требовать у него денег – бесполезная затея, я думаю. – Джулиан шагнул в переднюю мимо слуги.

– Вы собираетесь убить его? – испуганно поинтересовался тот.

– За последние несколько часов вы – второй человек, который задает мне этот вопрос, – усмехнулся Джулиан. – Я бы очень хотел сделать это, но воздержусь. – Он достал из кармана несколько шиллингов и протянул их изумленному слуге. – Вот, это поможет вам свести концы с концами, пока вы не найдете себе другое место. И не тратьте их на джин. Кто знает, возможно, судьба предоставляет вам шанс круто изменить свою жизнь. А теперь покажите, где спит Гамильтон, и оставьте нас одних.

Слуга безмолвно повиновался и провел Джулиана к спальне Роба, после чего бросился в свою каморку и стал поспеш-

но собирать пожитки, которые легко уместились в шляпной коробке. Через пять минут его и след простыл. Он даже и не подумал попрощаться со своим хозяином.

Джулиан взял с каминной полки подсвечник и толкнул дверь спальни. Оглядевшись, он заметил на узкой кровати Роба, который спал в одежде. На полу рядом с ним валялась полупустая бутылка виски. В комнате стоял запах перегара и слышен был громкий храп.

Джулиан ткнул носком ботинка по лодыжке Роба. Тот что-то буркнул и сел на кровати, растирая опухшие глаза и щурясь от света.

– Черт, это ты, Перси! Неужели уже пора?

– Нет, еще не пора. И я не Перси Мингей, который должен явиться, чтобы привести тебя в чувство перед дуэлью. Вставай, грязная скотина.

Роб отшатнулся и снова потерял глаза. Наконец он начал различать черты лица нежданного гостя.

– Серлинг!.. – В его голосе послышались нотки неподдельного ужаса. – Что вы здесь делаете?

– Вы хотите спросить, не явился ли я, чтобы убить вас? Этот вопрос сегодня занимает многих людей. – Джулиан поставил канделябр на стол.

– Вы меня не убьете. По крайней мере не здесь. Это не ваш стиль, – усмехнулся Роб, стараясь держаться самоуверенно и нагло.

– Верное замечание. – Джулиан достал табакерку и, за-

черпнув щепоть табаку, с удовольствием ее понюхал. – А вот Джек непременно убьет вас сегодня в Сент-Джеймс-парке... если вы туда придете.

– Конечно, приду. – Роб постарался скрыть свою растерянность под напускной бравадой. – Вы уверены, что ваш брат захочет убить меня, но это не так. Он не посмеет. Он слишком благороден для этого.

– Благородство – это то, к чему вы не привыкли, да? Ведь для вас даже женщины и дети могут стать фишками в вашей гнусной игре. Разве вас интересует, что они при этом испытывают?

Роб сполз с кровати, дотянулся до бутылки и жадно приник к горлышку, не спуская настороженного взгляда с Джулиана. Тот был абсолютно спокоен и за все время их разговора даже не изменил позы, чем выводил Роба из себя. В какой-то момент ему вдруг показалось, что перед ним застыла ядовитая змея, готовая в любую секунду нанести смертельный удар. И это сравнение оказалось вполне верным, потому что Джулиан действительно выжидал, чтобы выплеснуть на мерзавца накопившийся яд.

– Что ж с того, что я, оказавшись в отчаянном положении, решил шантажировать Аманду? К тому же ее сестра давно не ребенок. Мне она показалась достаточно взрослой, – с похотливой ухмылкой произнес Роб.

Джулиан еле сдержался, чтобы не прыгнуть на него и не задушить без лишних разговоров. По какой-то непонятной

причине непочтительное отношение к Саманте привело его в ярость.

– Сейчас речь не об Аманде и не о Сэм. – Он сделал паузу, нагнетая напряжение. – Я говорю о вашей законной жене и ребенке, а также о том, что вы намеревались стать двоеженцем.

– О чем вы говорите? Я не... – Роб побледнел от ужаса.

Джулиан наслаждался произведенным эффектом.

– Не трудитесь отрицать. Вы тратите мое время, а мне оно дорого, – процедил он.

Роб вцепился руками в край кровати и жадно хватал воздух открытым ртом, задыхаясь от волнения и дрожа всем телом.

– Вы с ума сошли! Я не знаю, что вы задумали, но...

– Вот! – Джулиан достал из кармана лист бумаги и развернул его перед носом Роба. – Читайте, если вам требуется доказательство. И не пытайтесь вырвать его у меня, я запасся копиями. Викарий церкви Святой Марии снабдил меня выпиской из регистрационной книги, подтверждающей ваш брак с некоей мисс Софией Лансдаун. Дата церемонии, на которой присутствовали только вы двое, без свидетелей, пятое июня тысяча восемьсот тринадцатого года, накануне вашего отбытия в действующую армию.

Роб смотрел на документ с таким ужасом, как будто перед ним и правда была ядовитая змея.

– Что, не хотите это прочесть? Впрочем, зачем вам ка-

кие-то документы? Вы ведь и так помните тот радостный день. – Джулиан сложил листок и спрятал его в карман.

– Но как? Как?

– Тетушки Аманды дали мне подсказку, где искать. Я совершил увлекательное путешествие к вашей жене. Кстати, она и ребенок живут в ужасных условиях. Миссис Гамильтон, которая все еще любит вас, несмотря на то что вы так некрасиво с ней обошлись, вынуждена была обратиться за помощью в приют. Тетушки Аманды занимаются благотворительностью и часто посещают это заведение, там они и познакомились с вашей женой. Бедняжка уверена, что вы с утра до ночи трудитесь, чтобы вытащить их из Спитафилдса, и этим оправдывает ваше отсутствие и ваши роскошные костюмы, в которых вы изредка навешаете ее и ребенка.

– Все это ложь! Вы подкупили эту женщину, чтобы она оклеветала меня! Что касается теток Аманды, то они просто выжившие из ума старые клуши!

– Вы ошибаетесь. Мисс Нэнси и мисс Присцилла отличаются великолепной памятью и острым умом. Они услышали ваше имя от вашей жены и сразу связали его с тем человеком, который нанес визит Аманде в их отсутствие. К тому же они пару раз видели вас в приюте, когда вы навещали жену... И последний раз вчера. Представьте себе их изумление, когда они узнали, что вы сделали предложение их племяннице! В последнее посещение вы дали своей жене гинею и обещали вскоре принести больше. Вы ожидали, что разбогатеете

за счет Аманды? Во всяком случае, получите достаточно денег, чтобы отвезти свою жену и ребенка в укромное место, подальше от Лондона, а самому тем временем жениться вторично?

– Я никогда...

– И это после того, как вы давно прокутили содержание, которое вам положил отец вашей жены... пресловутый «дядюшка» из Йоркшира! Вам повезло, что он высылал деньги на ваше имя, хотя и проклинал дочь за глупость, за то, что связалась с вами! Он думал, что поддерживает ее, а на самом деле оплачивал ваши карточные долги.

– Это была ошибка молодости, – беспомощно оправдывался Роб. – Я бы никогда не женился на ней. Она мне не пара.

– Иными словами, недостаточно богата для вас? Ее приданого не хватает, чтобы обеспечить ту жизнь, к которой вы привыкли?

– Она дочь простого сквайра. Она груба и необразованна. Меня тошнит от ее йоркширского акцента!

– И вы считаете, что она вам не пара, только на этом основании? – усмехнулся Джулиан. – Напротив, это вы недостойны ее! Вы ничтожество, человек без чести и совести, без моральных принципов! – Аристократические ноздри Джулиана гневно раздувались. – Вы мне отвратительны. Я наблюдал, как вы пользовались дружбой Джека целых два года, и мне приятно, что после этого разговора я не увижу вас больше

никогда в жизни.

– Откуда у вас такая уверенность? – Роб с достоинством выпрямился и принял независимый вид.

– Если вы настолько глупы, что захотите остаться в Англии, я позабочусь о том, чтобы правду о вас узнали в каждом лондонском доме. Ваша запятнанная репутация будет следовать за вами повсюду, и вы не сможете высунуть нос на улицу. Все узнают, что вы негодяй, двоеженец и шантажист. Пока вас считали другом Джека, вам прощали многое. Без его поддержки кредиторы набросятся на вас, как стая голодных волков, и разорвут на части. – Джулиан помолчал, чтобы дать Робу возможность осмыслить его слова, и продолжил: – Пароход на континент отходит в половине пятого. Я предлагаю вам поскорее купить билет и не мешкая подняться на борт.

– Но у меня нет ни гроша за душой! Мне придется голодать или... – Роб в ужасе обхватил голову руками.

– ...или жить, как живут ваши жена и ребенок? Да, такого не пожелаешь и собаке! – Джулиан достал из кармана несколько монет и бросил их Робу. – Это поможет вам продержаться на плаву, пока не найдете себе какое-нибудь занятие. Представляю, как вы огорчены, что покидаете жену и ребенка! – усмехнулся он. – Но пусть это вас не беспокоит. Я помогу бедной женщине перебраться в Йоркшир, поближе к ее семье. Я уверен, что она сможет помириться с отцом, если скажет, что вы погибли.

– Погиб?

– Да. Жестоко убит. Вам перерезали горло в темном переулке, – кровожадно улыбнулся Джулиан.

– Но ведь это ложь! Я не хочу умирать. Я... – Роб задрожал. Глаза у него полезли на лоб от страха.

– Вы умрете, потому что если ваша нога когда-нибудь снова ступит на британскую землю, сообщение о вашей подлости незамедлительно появится во всех газетах. Та же участь уготована вам и в случае, если с континента сюда приползут какие-нибудь клеветнические слухи о Саманте Дарлингтон или ее родственниках. И не важно, где вы спрячетесь, я найду вас и убью своими руками. Вам все понятно, Роб?

Их взгляды встретились, и негодяй понял, что Джулиан не шутит.

– Что ж, Роб? Как вы намерены поступить? Выбор за вами, – саркастически усмехнулся Джулиан.

* * *

Около половины шестого утра в Сент-Джеймском парке не было ни единой живой души. Первые лучи солнца окрасили небосклон в розовый цвет, и туман, сгустившийся за ночь среди деревьев, начал постепенно рассеиваться. Сырость пронимала Джека до костей, не спасал даже теплый плащ. Но необходимость убить Роба ради Аманды и Сэм занимала все его мысли и заставляла забыть о холоде.

Он вздохнул. Он собирался убить Роба не в качестве наказания – наказывать может лишь суд и Господь, и Джек никогда не взял бы на себя смелость осудить человека на смерть. Он хотел лишь предотвратить несчастья, в которые готов был ввергнуть этот мерзавец беззащитных, ни в чем не повинных людей. Для Джека это было аналогично убийству врага на войне. На поле брани ты защищаешь свою родину, то, что тебе дорого. Теперь дороже и роднее Аманды у него в жизни не было никого.

Джек нахмурился. Рассуждать легко! Конечно, он убежден, что поступает правильно. Тогда почему его мучает совесть? Роб сказал: ты обязан мне жизнью. От этого никуда не деться, и Джек понимал, что память об этом будет преследовать его всю жизнь, но честь требовала отбросить сомнения.

– Как ты, брат? – Джулиан положил ему руку на плечо.

– Я готов и сгораю от нетерпения.

– Как ты расстался вчера с Амандой?

– Она очень волнуется.

– Надеюсь, она не изъявила желания присутствовать на дуэли? От такой волевой женщины всего можно ожидать, а?

– Да, она волевая, – улыбнулся Джек. – Я не сказал ей, где и когда состоится дуэль. Она и правда хотела пойти со мной, но я не мог допустить, чтобы она видела, как я...

Джек не закончил фразы. Улыбка исчезла с его лица. Джулиан стиснул его плечо. Он понимал, какие чувства борются в душе брата, и сочувствовал ему.

Между деревьями мелькнула черная двуколка, это приехал врач. Правила требовали присутствия врача на дуэли на случай, если кто-то получит серьезное ранение.

– Это ты послал за ним? – недовольно поморщился Джек.

– Нет, это идея Мингея.

– Либо Роб собирается смертельно ранить меня, либо боится, что я смертельно раню его, – усмехнулся Джек.

Джулиан не ответил. Джек нервничал все сильнее. Он достал из кармана часы и посмотрел на циферблат.

– Где этот негодяй, черт побери! Пять тридцать две. Я думал, что на дуэль-то уж он не опоздает!

– Может, он передумал? – небрежно пожал плечами Джулиан.

– Да, это так, – раздался за их спинами голос Перси Мингея. Он вынырнул из тумана и подошел к ним. – Я никогда не любил этого мерзавца, но все же поднялся чуть свет, чтобы сопровождать его сюда, а он, похоже, сбежал! Покинул страну! Вы представляете?

– Нет, не представляю, – удивленно посмотрел на него Джек. – У вас есть какие-нибудь доказательства?

– Когда я приехал к нему домой, его не было. Он оставил записку... – Перси стал вынимать конверт из кармана, как вдруг уставился куда-то вдаль через плечо Джека. – Господи, да ведь это он мчится сюда верхом во весь опор! Что за чушь?

Джек обернулся и взгляделся в туманную мглу. В том на-

правлении, куда указывал Перси, действительно появился всадник. Судя по хрупкой комплекции, это вполне мог быть Роб. Невозможно было разглядеть, вооружен ли он... Возможно, он держит в руке пистолет, нацеленный в грудь Джеку... или Джулиану.

Но почему он верхом? Почему несется на такой скорости? Почему опоздал?

– Дай мне пистолет, Джулиан, – протянув руку так, чтобы всадник не заметил его движения, шепнул Джек. Брат отдал ему заряженное оружие. Джек решил дожидаться момента, когда отпадут последние сомнения в коварстве Роба и на солнце сверкнет дуло пистолета или ружья.

– Не делай этого, Роб. Я не хочу, чтобы все так кончилось, – прошептал Джек еле слышно.

Всадник приближался, и Перси посчитал благоразумным спрятаться за ближайшее дерево, из-за которого теперь и выглядывал с опаской, как испуганное дитя. Джулиан не двинулся с места. Джек стиснул зубы и затаил дыхание... и вдруг с облегчением выдохнул:

– Аманда?!

Лошадь перешла на рысь, потом на шаг. Аманда натянула поводья, и взмыленная лошадь остановилась возле Джека. Он сунул пистолет за пояс и помог невесте спуститься на землю.

– Джек! – Она бросилась ему на шею. – Слава Богу, ты жив! Уже все кончилось?

Он отстранился и удивленно оглядел ее. Она была в мужском костюме, волосы скрывала старая шляпа, которую Джек, кажется, видел у Тео.

– Что это значит? – строго спросил он. – Почему ты так одета? Кто разрешил тебе ездить верхом одной и в такой час? Ведь это опасно! – Когда Джек понял, что с ней все в порядке, он не на шутку разозлился.

– Ну пойми, я боялась за тебя. Не могла же я сидеть дома и нюхать соль, дожидаясь от тебя весточки!

Джек чуть не рассмеялся. На Аманду нельзя было долго сердиться. Однако в его голосе все еще звучали строгие нотки:

– Как ты узнала, где меня искать?

– Я и не знала. Я просто догадалась, потому что этот парк меньше других и здесь никогда никого не бывает. Видишь, я оказалась права! Я немного опоздала, потому что искала вас. Господи, я так боялась не успеть!

– Как тебе не стыдно! Ты ведь обещала довериться мне! – укоризненно покачал головой Джек. – Где же твое доверие?

– Я доверяю тебе, Джек. Но я не доверяю Роберту Гамильтону. Если бы он... причинил тебе вред, я бы сама убила сукина сына! – Она вытащила из-под плаща пистолет.

Джека рассмешила отвага, с какой она размахивала пистолетом, и очень удивило, что она умеет ругаться.

– Счастье мое, ты хотя бы знаешь, что означают эти слова? Но прежде чем ты ответишь, отдай мне пистолет.

– Точно я не знаю, но наверняка что-нибудь ужасное. – Она протянула Джеку пистолет, и он положил его на траву рядом со своим. – Но ведь Роберт – сукин сын, да?

– И к тому же трус, – выступил вперед Перси. – Если вам интересно, то вот его записка.

– Какая записка? Он что, не появился? – удивленно огляделась Аманда.

– Нет, и боюсь, что уже не появится, – вздохнул Перси. – Здесь написано: «Я получил предложение, от которого не могу отказаться. Уплываю на континент в четыре тридцать. Возвращаться не собираюсь. Извини за беспокойство, Перси. Роб».

– Предложение, от которого он не может отказаться? – Джек с подозрением взглянул на Джулиана. – Странно... Может быть, кто-нибудь ему угрожал? Кредиторы из игорных домов?

– Зачем бы они стали вынуждать его покинуть Англию, если им нужно было, чтобы он расплатился? – спросила Аманда.

– Кто знает, что с ним случилось... Да и какая разница? – взмахнул рукой Перси. – У него врагов больше, чем у меня! Он уехал, и слава Богу. Мог бы предупредить накануне, я бы не вставал в такую чертову рань!

– Выбирайте выражения в присутствии моей невесты, Перси, – нахмурился Джек.

– Извините. Я забыл, что она женщина. По ее одежде и

хлестким выражениям этого не скажешь. Прошу великодушно простить. – Он учтиво откланялся, не желая занять место Роба на поляне, где должна была состояться дуэль.

– Отошлите доктора! – крикнул Джек ему вслед и пробормотал сквозь зубы: – Пустомеля! К тому же слепой пустомеля! – повернулся он к Аманде и обнял ее за талию. – Не понимаю, как он мог забыть, что ты – женщина? – Он ласково оглядел ее фигуру, закутанную в плащ. – Ты особенно хороша в этих одеждах. Я хочу...

– Минутку! – перебил его Джулиан со скучающим видом. – Я не намерен присутствовать при том, как вы будете миловаться. Наедине можете делать что хотите, а меня избавьте от созерцания ваших нежностей. Поезжайте в экипаже, а я поеду верхом. Не нужно, чтобы Аманду видели в этом наряде. Раз она собирается стать твоей женой, ей следует соблюдать приличия.

– Ты прав, как всегда, брат, – улыбнулся Джек. – Я завидую твоей мудрости и предусмотрительности... не говоря уже о тонком вкусе. Я бы сказал, что ты самый счастливый человек на свете, если бы сам не удостоился этой чести, потому что теперь у меня есть Аманда. Так что, несмотря на все мои недостатки, самый счастливый – это я!

Джек посмотрел в прекрасные голубые глаза невесты. В них сияла любовь.

– Джулиан, ты согласен со мной? – обернулся он к брату, но того уже не было рядом. – Он исчезает так же незаметно,

как кошка. И еще он умеет выбрать нужный момент.

– Это ты тоже умеешь, – стыдливо покраснела она.

– Ах, распутница! Подожди, пока мы останемся одни! – возбужденно прошептал Джек.

– Ты ничего не забыл? – Она прикоснулась пальцами к его губам.

– Недавно у меня были провалы в памяти, но теперь, похоже, я излечился окончательно. А что я забыл?

– Я еще не получила от тебя официального предложения стать леди Дарем, – кокетливо улынулась она. – А без этого все нежности, о которых говорил лорд Серлинг, ужасно неприличны.

Джек обхватил ее за талию и привлек к себе. Боже, как он любил ее! Он сделает все, чтобы она стала такой же счастливой, как теперь счастлив он сам.

– Аманда, ты выйдешь за меня замуж? Останешься ли ты со мной, будешь ли любить меня, когда я стану седым и беззубым, когда начну искать тапочки, которые будут у меня на ногах?

– Да, я выйду за тебя замуж и останусь с тобой даже тогда, когда ты станешь несносным, ворчливым стариком, – ответила она, влюбленно глядя в его глаза. – Только обещай мне одну вещь.

– Все, что угодно, дорогая.

– Обещай, что, даже если забудешь все остальное, ты никогда не забудешь, что любишь меня!

Он от души расхохотался:

– Это обещание я дам легко и так же легко выполню, потому что ты – моя любовь, моя жизнь... и тебя забыть невозможно!

Их дыхание слилось в нежном поцелуе. Они забыли обо всем на свете, кроме их любви.

* * *

Проезжая мимо целующейся парочки верхом на лошади Аманды, Джулиан улыбнулся. Он был рад за Джека. Вот если бы и ему найти истинную любовь...

Он откинулся в седле и задумался о золотоволосой Шарлотте Батсфорд. Она так строга, мила, прекрасно образованна. Сможет ли он разбудить в ней такую же страсть, какую Джек разбудил в Аманде? Сможет ли он влюбиться в нее до самозабвения?

Эту мысль следовало обдумать. А пока нужно было заняться Сэм, из которой он решил сделать прекрасную принцессу уже к следующей весне. В его руках она превратится в настоящий бриллиант чистейшей воды, а потом станет женой какого-нибудь молодого человека, который ослепнет от ее красоты и будет восхищаться ею всю жизнь.

Разумеется, он позаботится о том, чтобы ее избранник был благороден и любил ее. Он хочет, чтобы Сэм была счастлива. Но в глубине души Джулиан завидовал мужчине, в чьи

руки отдаст Саманту.

Черт побери, вот уж что ее мужу не грозит, так это умереть от скуки!